

Керсновский, Антон Антонович.
К36 **Философия войны. История русской армии / А. А. Керсновский.** — Москва : Эксмо, 2023. — 704 с. : ил. — (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

ISBN 978-5-04-162272-5

Антон Антонович Керсновский (1905–1944) — один из самых значительных русских военных историков XX столетия. Не будучи дипломированным офицером российского Генштаба, он самостоятельно создал фундаментальные труды «Философия войны» и «История Русской армии», которые занимают значительное место в ряду основополагающих работ по русской военной истории. Его статьи с интересом переводили на многие европейские языки, в том числе и немецкий, где подписывали словами «русский генерал Керсновский», хотя автор никогда не имел воинского звания. Немецким военным и в голову не приходило, что с кем-то ниже рангом мог лично полемизировать на журнальных страницах «творец рейхсвера» генерал-полковник Йоханнес фон Сект, который в 1920-х гг. заложил основы воссоздания германской армии и ее технического перевооружения и разработал концепцию маневренной войны, что привело к блестящим успехам вермахта в начале Второй мировой войны.

Самостоятельность суждений, убежденность, глубина анализа, широкие познания в военной истории, теории и практике военного дела, чуткое понимание армейской психологии — так характеризовали специалисты труды Керсновского. Публиковать фундаментальные статьи на военные темы Антон Антонович начал в 20 лет. Он слишком рано ушел из жизни, не успев сделать всего, что наметил; многое было утрачено в период войн и эмиграции. Но и тех трудов, что Керсновский написал, достаточно, чтобы назвать его одним из самых глубоких русских историков.

«По своему военному мировоззрению Керсновский принадлежит к школе русских военных классиков и является убежденнейшим проповедником русского духа. В этом сила и качество его творчества», — писал видный монархист, генерал Генерального штаба русского зарубежья, доктор военных наук, профессор Борис Штейнфон.

Эта книга выходит в популярной серии «Российская императорская библиотека», собравшей классические работы по истории России, настоящие шедевры отечественной исторической мысли, появление каждого из которых в свое время стало крупным событием общественной жизни страны. Имена авторов говорят сами за себя: Н. М. Карамзин, Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский, С. М. Соловьев, С. Ю. Витте, Е. В. Тарле, — и все эти труды обозначили начало новой эпохи в деле изучения нашего прошлого.

УДК 355.1(091)(470)
ББК 68.49(2)

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ И ЕГО ТРУДАХ

От Издательства

Антон Антонович Керсновский — один из самых значительных русских военных историков XX столетия. Не будучи дипломированным офицером Российского Генштаба, он самостоятельно создал фундаментальные труды «Философия войны» и «История Русской армии», которые занимают значительное место в ряду основополагающих работ по русской военной истории.

* * *

Антон Антонович Керсновский родился 23 июня 1905 г. (некоторые ученые называют 1907 г.) в родовом имении семьи — деревне Цепилово, близ города Сороки в Бесарабии. Его отец — тоже Антон Антонович Керсновский — был юристом-криминологом, следователем Одесской судебной палаты. Мать, Александра Алексеевна, урожденная Каравасили, преподавала иностранные языки.

В гимназические годы Антон Керсновский в полном объеме проявил семейную любовь к литературе и способность к языкам. Однако со временем юноша все более увлекался военным делом. Вероятно, он бы продолжил дело деда по отцовской линии — полковника-геодезиста Антона Антоновича Керсновского. Однако грозный ход исторических событий стремительно опередил срок возмужания юного последователя А. Суворова и М. Скобелева.

В Одессе, где в мирное время семья Керсновских жила на Маразлиевской улице, за годы революции и Гражданской войны власть менялась, по самым скромным подсчетам, 14 раз. Так что проследить в этом горниле прочерк частной судьбы, тем более столь юной, практически невозможно. Известно только, что 15-летний Керсновский оказался в Добровольческой армии и храбро воевал в ее рядах «баклажкой» — так в Белом движении называли малолетних гимназистов-воинов.

В 1920 году вместе с остатками Белой армии Керсновский эмигрировал в Сербию, затем вернулся в родное Цепилово, вошедшее в состав Румынии, откуда выехал в Австрию с целью продолжения обучения. В Вене Антон Антонович окончил Консульскую Академию, потом переехал во Францию. В Дижоне он обучался в местном университете, а в Сен-Сире прошел курс в знаменитой военной школе.

Во второй половине 20-х гг. Керсновский окончательно обосновался в Париже. Его несомненно ждала прекрасная будущность, но все свои отличные качества: выигрышную внешность, элегантные манеры, блестящий интеллект с обширными познаниями в области дипломатии, истории, языков, завидные знакомства и престижные связи, Керсновский принес на алтарь любимой России и ее многострадальной армии.

Этот молодой человек удивлял всех исключительной работоспособностью и неистовой целеустремленностью. Жизнь в эмиграции давалась нелегко: приходилось давать уроки, разносить почту, выполнять мелкие заказы и пр., а он радовался ночной работе, ибо днем можно было проводить долгие часы в парижских архивах и библиотеках.

Первая статья Керсновского «Об американской артиллерии» появилась 20 марта 1927 г. в белградском еженедельнике «Русский военный вестник»

(с 1928 г. — «Царский вестник»). И этот научный старт был такой силы и глубины, что о нем многоуважаемый теоретик военного дела, генерал-майор Борис Владимирович Геруа сказал: «Он сейчас совершенно свободно мог быть профессором Военной Академии». Издатель «Военного вестника» Николай Павлович Рклицкий, будущий архиепископ Вашингтонский и Флоридский Никон, высоко оценил талант 20-летнего автора и предоставил ему неограниченную возможность выступления на своих печатных страницах. В результате до 1940 года Керсновский опубликовал здесь более 500 (!) различных материалов.

Сначала исследователь сосредоточился на вопросах истории и современного состояния вооруженных сил государств. Этому были посвящены его статьи «Германская конная дивизия военного времени», «Сущность французской военной реформы» и др. Другая серия статей разрабатывала русскую проблематику: «Упущенная возможность», «Ко второй гражданской войне», «Военизация страны», «Наша будущая малая армия» и др. Также Керсновский уделял большое внимание внутреннему и международному положению стран, особенно Германии начала 30-х годов. В цикле статей он не просто предсказал возврат войны и приход Гитлера к власти, но и сделал грозное предостережение: «Для нас, русских, важно не забывать, что с воскресением германской армии восстанет из небытия наш недавний заклятый враг».

С конца 1932 г. в «Царском вестнике» стала публиковаться в сокращенном варианте «Философия войны» (вся книга увидела свет в 1939 г.). А с 1933 г. по 1938 г. выходил в Белграде его основной труд «История Русской армии» в 4-х томах. Что же касается других книг, то двухтомное «Военное дело» так и осталось в рукописи, а о «Русской стратегии в образцах», «Крушении германской военной доктрины в 1914 г.», «Синтетическом очерке современных компаний» и ряде других трудов известно лишь по косвенным и отрывочным упоминаниям.

Феномен Керсновского поражал современников прежде всего разительным несоответствием возраста гражданского человека и его профессиональной военной подготовкой. Полагали даже, что имеет место мистификация или что-то в этом роде, вплоть до коллективного псевдонима. Впрочем, загадку этого явления радикально и по-своему разрешили в той же Германии, когда, вслед за Югославией, Болгарией и Чехией, стали охотно переводить статьи Керсновского

и с пиететом именовать автора *russischer General Kersnovski* — «русский генерал Керсновский».

Немецким военным и в голову не приходило, что с кем-то ниже рангом мог лично полемизировать на журнальных страницах «творец рейхсвера» генерал-полковник Йоханнес («Ханс») фон Сект, который в 1920-х гг. заложил основы воссоздания германской армии и ее технического перевооружения и разработал концепцию маневренной войны, что привело к блестящим успехам вермахта на первом этапе Второй мировой войны.

Юбилейный номер «Царского вестника» издателя и читатели целиком посвятили Керсновскому. Более 100 русских офицеров, участников Мировой и Гражданской войн, приветствовали его в своем адресе «как высокоодаренного военно-литературного труженика». «Ваши статьи, политические обзоры, — писали далее они, — мы всегда читаем с большим интересом и всегда мысленно благодарим Вас за Ваши неустанные труды. Особенно ценно, что Вы сочетали в себе всестороннее образование, молодость, глубокий патриотизм и истинное понимание нашей родной Армии».

Незадолго до нападения Германии на Францию Керсновского призвали во французскую армию и отправили на фронт. «Грустно и несправедливо, — писал он родным из окопов «странной войны» в феврале 1940 г., — умирать на чужой земле и за чужую землю, когда я хотел быть полезным своей Родине».

Вскоре пришло сообщение о гибели Керсновского под Деммартеном. И хотя оно оказалось ошибочным, но приблизило смерть ученого, ведь тяжелое ранение и нищая жизнь после демобилизации обострили застарелый, еще с Гражданской войны, туберкулез.

Мать Керсновского и его сестра Ефросинья (глава семьи умер в 1936 г.) остались на территории Бессарабии, присоединенной в 1940 г. к СССР, и от них не было никаких известий. Буквально всем для Керсновского в последние годы и дни стала его любимая жена Галина Викторовна, урожденная Рышкова, сестра знаменитого в кругах русской эмиграции военного писателя Е. Тарусского. Маленькая семья Керсновских долгое время жила «на птичьей верхотуре», в чердачной комнате, увидевшей и трагический конец супругов.

Антон Антонович Керсновский скончался 24 июня 1944 г. в Париже. Галина Викторовна не перенесла смерти любимого мужа и выбросилась из окна на тротуар, как только поняла, что его больше нет. Керсновский был похоронен в Париже на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в одной могиле с женой.

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Строки эти представляют посильную и поэтому скромную лепту в наше общее великое дело — возрождение нашей национальной доктрины, а тем самым и военной доктрины, составляющей одно нераздельное целое с национальной — одну из многочисленных ее граней.

Со смерти Суворова русская военная мысль вдохновлялась исключительно иностранными образцами. Поэтому ее работу и можно уподобить работе машины, поставленной на холостой ход. Семена, дающие урожай в бранденбургских песках, на русском черноземе дают лишь плевелы. Суворов был поэтому нами понят еще меньше, чем Наполеон французами. «Науку побеждать» мы читали глазами, а не духовными очами — весь ее неизреченный духовный смысл остался для нас сокровенным. Умами всецело овладел величайший из варваров — Клаузевиц, его рационалистические теории совершенно заслонили дух православной русской культуры, создавшей «Науку побеждать».

Увлекаясь иностранщиной, мы недооценили Суворова. «Суздальское учреждение» до нас не дошло, «Наука побеждать» дошла лишь чудом. Мы проглядели величайший синтетический ум Румянцева. Сочинения его — «Примечания военные и политические» и «Мысли об устройстве воинской части» — так и не были никогда изданы. Они, должно быть, уже совершенно истлели (если только вообще не погибли) в киевском архиве, куда их свалили по смерти Задунайского благодарные россияне. И наследие этого наиболее всестороннего военного и государственного русского гения осталось совершенно не использованным. В то же время с благоговением переводилась и тщательно изучалась всякая макулатура, коль скоро она имела иностранное клеймо, особенно же штамп германского Большого Генерального штаба.

Рационализм и материализм засорили русскую военную мысль задолго еще до того, как были возведены в степень обязательного догмата большевиками. Духовность, а вслед за духовностью и дух представителей русской военной мысли были угашены.

Столетие бессмертных побед и полтора столетия громкой славы сменились поражением в Восточную войну, трудной победой 1878 г., разгромом в Японскую, Великую¹, Гражданскую. Угашенный дух мстил за себя, мстил за Румянцева, мстил за Суворова...

Величественное здание русской национальной военной доктрины стоит с 1800 г. незаконченным. Туда нам давно надлежало бы перейти с тех чужих задворков, где мы ютимся уже в продолжение нескольких поколений. Суворов из своей могилы приказывает всем нам его закончить, приказывает вспомнить, что мы русские и что с нами Бог.

На достройку и отделку этого величественного здания и должны быть устремлены все наши дружные усилия. И — как на памятник в Галлиполи² — каждый должен принести на него свой камень.

Автор

¹ Речь идет о Первой мировой войне.

² Имеется в виду так называемое Галлиполийское сидение — стояние лагерем регулярных частей Вооруженных сил Юга России в окрестностях греческого города Галлиполи (ныне турецкий город Гелиболу). Войска эвакуировались из Крыма в ноябре 1920 г., последние части покинули Галлиполийский лагерь в мае 1923 г. 16 июня 1921 г. по проекту подпоручика Н. Н. Акатьева в центре Большого русского военного кладбища на северо-западной окраине города был открыт памятник умершим в Галлиполи русским воинам. Построен он был как древний курган из принесенных русскими галлиполийцами 20 тысяч камней. В 1949 г. памятник был разрушен в результате землетрясения, в 2008 г. был восстановлен.

Часть первая.

О ПРИРОДЕ ВОЙНЫ

Глава I ВОЙНА И ХРИСТИАНСКАЯ МОРАЛЬ

Шестая заповедь гласит: «Не убий». На этой заповеди и на превратном толковании Евангелия основывают свое учение «непротивления злу» толстовцы, пацифисты «во что бы то ни стало» и некоторые секты, например духоборы, меннониты, молокане. Последователи всех этих учений своей разлагающей пропагандой причиняют огромный вред государству, а своим отказом отбывать воинскую повинность создают большой соблазн.

Официальные представители нашей богословской науки осознали всю опасность подобного рода учений, частью являющихся софизмами, частью не заслуживающих даже названия софизмов, но, несмотря на свою духовную малоценность, сильно действующих. В катехизисах, сокращенных и более пространных (в частности, сокращенном «по митрополиту Филарету», на котором воспитывались целые поколения), было поэтому сделано две оговорки при истолковании шестой заповеди, а именно — дозволяется казнить преступника и убивать неприятеля на войне.

Оговорки эти даются, однако, в виде аксиом — без доказательств из Священного Писания (в частности в катехизисе «по Филарету», наиболее как раз распространенном). А это дает повод «непротивленцам» утверждать, что вставлены они лишь из угодения к «властям предержащим». Сказано — «не убий», значит, не убивай. Всякого рода «казенные» оговорки бессильны смягчить категоричность этого отрицания.

В подобной официальной трактовке, слишком руководящейся «мирскими» соображениями (безопасность общества, государственная необходимость и т. п.), и заключается уязвимое место. А между тем все эти сектантские и иные кривотолки сами собой отпадут, если в борьбе с ними наши богословские авторитеты останутся на чисто духовной почве.

Для этого стоит лишь предложить толкователям шестой заповеди «вне времени и пространства» рассмотреть акт Синайского законодательства в свете исторических событий Ветхого Завета.

Законодательство это преподано было Иеговой своему избранному народу — народу еврейскому, но отнюдь не всему человечеству. Первые четыре заповеди определяют отношение еврея к Богу своих отцов, последние шесть определяют отношение еврея к еврею. Шестая заповедь запрещает еврею убивать еврея, как восьмая запрещает еврею красть у еврея, а девятая запрещает еврею лжесвидетельствовать на еврея. Шестая заповедь и приобретает в этих условиях свой подлинный смысл.

В то время избранный народ шел своим походом на землю Ханаанскую. Весь он являл собой как бы армию — и десять заповедей явились первым в истории дисциплинарным уставом. Сильные этими заповедями, сыны Израиля завоевали Обетованную землю и утвердились в ней, беспощадно истребив иноплеменников, на которых действие шестой заповеди не распространялось.

Судия Гедеон поразил мадианитян. Самсон вразумлял филистимлян не словами, а совершенно другим аргументом. Псалмопевец поразил Голиафа, братья Маккавеи восстали на сирийских угнетателей... Если шестая заповедь распространялась и на иноплеменников, то все эти праведники, преступив ее, тем самым, очевидно, сделались бы грешниками. Но они остались праведниками — и Божья благодать почилла на всех них.

* * *

Христос, уча о любви к ближнему и всепрощении, дал понять своим ученикам, что много крови будет еще пролито до осуществления Царства Божия.

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю — не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10, 34). «Когда же услышите о войнах и смятениях — не ужасайтесь, ибо сему надлежит быть прежде» (Мф. 24, 6; Мк. 13, 7; Лк. 21, 9).

В Евангелии мы находим два примера, относящиеся к проблеме военной службы. Когда к Иоанну Крестителю пришли воины и спросили, что им надлежит делать, он заповедал им: «Никого не обижать, не клеветать и довольствоваться своим жалованьем» (Лк. 3, 14). Христос отнюдь не призывал воинов «перековать мечи в орала» и бросить военную службу как занятие, Богу не угодное. А на вопрос фарисеев, следует ли платить подати, ответил: «Кесарево — кесарю» (Мф. 22, 21; Лк. 20, 25). И разве отбытие воинской повинности — самого тяжелого из всех налогов — не является воздаянием кесарева кесарю, царского царю?

Ошибка «непротивленцев злу» состоит в том, что личным поучениям Христа они стремятся придать характер общественный.

Христос учил: «Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку» (Мф. 5, 39—40; Лк. 6, 29). Этим Он определил отношение человека к человеку. Сын Человеческий снес издевательства книжников и озверев-

лой толпы. Ему стоило лишь захотеть, лишь подумать — огонь небесный испепелил бы и судий, и палачей. Он этого не сделал, явив миру неизреченный подвиг кротости и милосердия.

Но Христос снес багряницу и терновый венец — как относившийся к Нему лично. Мы же знаем, что, узрев торгашей, оскверняющих святыню — дом Отца Его, Он свил бич из веревок и выгнал их вон.

Изгнание торгующих из храма достаточно ясно указывает всю ересь ссылки толстовцев и иных на Христа, якобы проповедующего непротивление злу насилием. Мы не должны противиться злобствованиям ближнего, если эти злобствования относятся лично к нам. Но если этот ближний посягает на высшие ценности, наш долг воспротивиться ему.

В конце Тайной Вечери Христос дает предупреждение своим ученикам: «И сказал им: когда Я посылал вас без мешка и без сумы, и без обуви, имели ли вы в чем недостаток? Они отвечали: ни в чем. Тогда Он сказал им: но теперь кто имеет мешок, тот возьми его, а также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч... Они сказали: Господи! вот здесь два меча. Он сказал им: довольно» (Лк. 22, 35—37).

Один из этих двух мечей был в ту же ночь обнажен Петром. Христос велел ему вложить этот меч в ножны — «все взявшие меч мечом и погибнут» (Мф. 26, 52).

«Противоречие», усматриваемое некоторыми софистами из сопоставления этих двух текстов, исчезнет, если мы будем иметь в виду, что Петр ведь обнажил меч не в защиту Учения, а в защиту Учителя. Христос не пожелал принять этой жертвы. Не Малх напал на Петра, а Петр первый мечом ударил Малха.

Христос отнюдь не сказал, что взявшие меч погибнут от проказы, или от землетрясения, или от огня небесного. Нет, взявшие меч погибнут именно от меча. Но для того, чтобы они погибли от меча, надо сразить мечом — прибегнуть к справедливой войне. Текст этот, который «непротивленцы» стремятся использовать в качестве одного из главных аргументов своей теории, при внимательном его рассмотрении обращается таким образом против ереси.

Святой Сергей Радонежский благословил Димитрия Донского на брань с Мамаем. И два с половиной столетия спустя сергиевские иноки по примеру Осляби и Пересвета опоясали рясы мечами, а патриарх Гермоген призвал всю Русскую землю восстать на угнетателей.

Руководясь примером Христа и деяниями Отцов Церкви, мы должны отвергнуть лжеучение «непротivления злу насилieм» как богопротivное, антицерковное и в конечном своем итоге — бесчеловечное.

Глава II ПОНЯТИЕ «СПРАВЕДЛИВОСТИ» И ЦЕЛИ ВОЙНЫ

При обожествлении государства и нации единственным критерием суждения о степени справедливости данной войны есть степень выгоды ее для государства и нации. Если обнаживший меч считает войну единственным способом признания его законных прав, то ничем нельзя заставить его усомниться в справедливости его претензий.

Применив критерий высшего порядка — критерий духовной ценности, мы можем разделить все веденные человечеством войны на три категории.

Первая — войны, веденные в защиту высших, духовных ценностей, войны безусловно справедливые. Все наши войны с Турцией и Польшей в защиту угнетаемых единоверцев и единоплеменников, как и Гражданская война 1917—1922 г. с белой стороны, относятся к этой категории.

Вторая — и наиболее распространенная — войны, веденные во имя интересов государства и нации. Общего правила, общего мероприятия для этой категории не существует. К каждому случаю в отдельности надо применять особую мерку и в каждом случае оценка может быть лишь чисто субъективной.

Третий вид войны — это война, не отвечающая интересам и потребностям государства и нации и не отвечающая в то же время требованиям высшей справедливости. Войны этой категории относятся по большей части к типу бескорыстных авантюр, а лучше сказать — авантюр бессмысленных. Таково, например, участие России в коалиционных войнах в 1799 и 1805—1807 г., поход в 1849 г. на венгров, экспедиции французов в Мексику при Наполеоне III.

Войн первой и третьей категории — абсолютно справедливых и абсолютно несправедливых — незначительное сравнительно меньшинство. Больше всего сожжено пороха и пролито крови на войнах второй категории — войнах, имеющих характер государственный, национальный.

Общего мерил, как только что замечено, для этого рода войн не существует. Раньше чем анализировать каждый отдельный случай, нам надлежит применить синтез: сгруппировать все вообще войны между данными государствами вместе, проследить их взаимоотношения на протяжении веков. Идя таким образом против течения истории, мы рано или поздно доберемся до первопричины раздора, посмотрим в корень. И тогда определим, кто «взял меч» — следовательно, кто нарушил первоначальную гармонию между данными государствами и данными народами.

Отрешившись от всякого шовинизма — чувства, которое всякий любящий свою Родину должен как можно больше избегать, чтобы не навлекать на нее несчастий, — проанализируем для примера справедливость русско-польских отношений вообще. На заре истории этих двух славянских народов их отношения были добрососедскими. Первопричина раздора произошла в XIII веке, когда польские короли, пользуясь монгольским разгромом, наложили свою руку на Червонную, а затем (Литва) и на Белую Русь. В польское государство был введен на положении бесправной «райи» русский православный элемент — многострадальные «диссиденты». В многовековом русско-польском споре почин, таким образом, подали поляки. Люблинская уния, авантюра Сигизмунда III, временный захват поляками Москвы — все это дальнейшие стадии поступательного притеснительного движения поляков.

Вслед за тем русская государственность крепнет, польская клонится к упадку. И Первый раздел Польши — в сущности не раздел (польская государственность сохранилась), а просто дезаннексия, явился одним из справедливейших актов мировой истории. Было покончено с грехами четырех столетий, положен предел четырехсотлетним притеснениям.

Справедливость была, таким образом, восстановлена. Однако палку стали перегибать в другую сторону. Агония польской государственности конца XVIII века создавала у соседей Польши непреодолимые стремления пожить тем, что «плохо лежит», — совершенно так же, как паралич русской государственности XIII и XIV веков возбуждал аналогичные чувства у польских королей и литовских князей. Результатом явился окончательный раздел Польши — экзекуция над целым народом и насильственное введение в организм России враждебного русской государственности

польского элемента. Последствия не замедлили сказаться: польские восстания против русских, захвативших Варшаву, были столь же обоснованы и столь же справедливы, как русские восстания против поляков, захвативших Кремль. Личейцы Скшинецкого и косиньеры Сераковского находились совершенно в том же положении, что ратники Пожарского и казаки Хмельницкого.

Затем — упадок русской государственности, возрождение польской и снова нездоровое стремление взять что плохо лежит. И в результате Рижский мир и реаннексия диссидентов.

Мы видим таким образом, что в многовековой русско-польской распри первоначальная, так сказать, органическая несправедливость совершена поляками — что отнюдь не служит доказательством безупречности всех дальнейших поступков с русской стороны. Варшавская губерния в составе Российской империи такая же несправедливость, как волынские воеводства в составе Речи Посполитой. Был момент — два десятилетия (1772—1794) — восстановления нарушенной гармонии, но на нем не сумели и не захотели удержаться. Справедливость все время переходит из одного лагеря в другой — с очевидным перевесом в сторону России («первоначальный грех» совершен поляками).

То же самое мы можем проделать при изучении других конкретных случаев — например, при столкновении русского племени с германским. Почин здесь исходит от свирепых меченосцев, огнем и мечом истреблявших славянские племена во имя торжества воинствующего германизма и оттягавших (несмотря на Невскую битву и Ледовое побоище) северные новгородские пятины. От Ледового побоища до Брест-Литовска, через Ливонские войны, Полтаву, Гангут, Бзуру и Сан — справедливость все время на русской стороне (за исключением эпизода Семилетней войны).

При изучении франко-германской распри отправной точкой следует считать 1806 г. — Йену и Ауэрштедт, за которыми последовал Тильзитский мир — прототип «версальской диктовки». Трехвековая борьба Бурбонов с Габсбургами отнюдь не имела характера национального, тем паче расового. Почин в той распри принадлежит Пруссии, хотя здесь очень большую роль сыграла неумеренность Наполеона, и особенно утопия дикарей 1789 г. Эти последние выдвинули «национальный принцип» (сперва как противопоставление тиранам, затем как самодовлеющее целое).

И нигде их семя не упало в столь благоприятную почву, как в Германии. Благодаря этим

Иоганн Готтлиб Фихте.

Гравюра по портрету Фридриха Бури. 1820 г.

теориям немцы двадцати шести отдельных государств впервые осознали себя принадлежащими к единому целому, и уже в 1813 г. Фихте¹ может держать «Речь к германской нации», чего он не смог бы сделать за пятнадцать лет до того за отсутствием этой германской нации. Создание германской нации произошло в период с 1806 по 1813 г. В первой же трети XIX века была создана ее доктрина, совершенствовавшаяся затем целое столетие и приведшая к войнам 1870 и 1914 гг. — войнам, где справедливость, бесспорно, была на стороне Франции (подделка Бисмарком Эмской депеши в 1870 г.² и ложь о бомбардировке Нюрнберга французскими летчиками в 1914 г.).

¹ Иоганн Готтлиб Фихте (1762—1814) — немецкий философ, один из представителей немецкого идеализма; речь «К немецкому народу» была произнесена им в Кенигсберге в 1807 г. во время оккупации германских государств войсками Наполеона.

² Несмотря на действительно имевший место факт подделки Бисмарком Эмской депеши, действия Франции накануне войны 1870—1871 гг. также вряд ли можно назвать «благородными», в частности, французские требования к королю Пруссии с точки зрения дипломатии имели явно провокационный характер. Именно поэтому Франко-прусская война, по мнению большинства историков, явно не была из тех, где «справедливость, бесспорно, была на стороне Франции».

*Вильгельм Бах. Портрет генерал-майора
Карла Филиппа Готтлиба фон Клаузевица.
1820 г.*

Ограничившись этими примерами, перейдем к рассмотрению целей войны.

* * *

Величайший варвар XIX столетия — Клаузевиц выдвинул теорию «интегральной войны» — на уничтожение. Теория Клаузевица была претворена в жизнь виднейшим из его учеников — Лениным, почему и все это учение мы будем называть «клаузевицко-ленинским». Оно сводится к истреблению, уничтожению противника: не только к разгрому его вооруженной силы, но и полному порабощению и уничтожению его как нации — для Клаузевица и его последователей, как класса — для Ленина.

Эта человеконенавистническая теория проводилась немцами — правда, довольно опасно — в Мировую войну (зверства в занятых областях, режим заложников и террора, удушливые газы, неограниченная подводная война, использование внутреннего врага для разложения неприятельской страны) и в гораздо более широком масштабе большевиками.

Лжеучение Клаузевица, как и вытекающий из него «ленинизм», мы должны целиком отвер-

гнуть. Эти лжеучения не соответствуют ни христианской морали, ни русской исторической традиции, ни русской воинской этике, ни просто здравому смыслу.

Войну ведут не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы побеждать. Немедленной целью войны является победа, конечной — мир, восстановление гармонии, являющейся естественным состоянием человеческого общества.

Все остальное — уже излишества, а излишества пагубны. Диктуя мир побежденному врагу, следует руководствоваться строгой умеренностью, не доводить его до отчаяния излишними требованиями, которые лишь порождают ненависть — а стало быть, рано или поздно, новые войны. Заставить врага уважать себя, а для этого не вдаваться в шовинизм, уважать национальное — и просто человеческое — достоинство побежденного.

Нет более высокой цели для политики, как «на земле мир, в человеках благоволение». И с этим идеалом, к которому должна эта политика стремиться, несовместимы ни закованные в цепи народы-илоты¹ по Клаузевицу и его последователям, ни превращение вселенной в кладбище по Ленину.

Глава III ВОЙНА И МИР

Мир является нормальным состоянием человечества. Мирное состояние в наибольшей степени благоприятствует как его духовному развитию, так и материальному благосостоянию. Война для него — явление того же порядка, как болезнь человеческого организма.

Война — явление, таким образом, патологическое, нарушающее правильный обмен веществ государственного организма. Организм нации, ведущей войну, во многом можно уподобить человеческому организму в болезненном состоянии. Разница лишь в том, что человеческий организм не волен к заболеванию, тогда как государственный организм, наоборот, идет на риск «военного заболевания» сознательно.

Многие войны оказали услугу человечеству. Походы римлян, покоривших весь известный Древний мир, приобщили к цивилизации, правовой школе, а впоследствии и к христианству иберские, кельтские племена. В эпоху Крестовых

¹ *Илоты* — в древней Спарте земледельцы, находящиеся в промежуточном положении между крепостными и рабами.

походов Запад заимствовал у Востока его науки и полудикие европейцы многому научились у просвещенных арабов. На рубеже XV и XVI веков итальянские походы Карла VIII и Людовика XII приобщили Францию к Возрождению. А Франция и сообщила Возрождению тот блеск и тот европейский размах, что ему не могла придать разделенная на множество мелких государств его родина — Италия.

Вообще же, если войну саму по себе всегда надо считать бедствием, последствия войны иногда бывают благотворны. Война 1914—1918 гг. — бедствие, каких мало в истории человечества. С русской катастрофой 1917 г. может сравниться разве лишь «черная смерть» XIV века и, в более слабой степени, нашествие монголов.

Но русская революция — не родное дитя войны, а всего-навсего ее приемыш. Она — дочь XIX века и устаревших его теорий. Родное дитя Мировой войны — это «фашизм» и родственные ему идеи, открывшие человечеству новые горизонты, давшие ему новые формы социального устройства, выведшие человеческую мысль и общество из того безвыходного тупика, куда их загнали дикари 1789 г. и их последователи — материалисты XIX столетия. Уже ради одного этого положительного духовного результата можно признать, что десять миллионов людей отдали свою жизнь недаром.

* * *

Со всем этим, война является бесспорным и большим злом. И решаться на это зло, на эту болезнь, следует лишь в положениях безвыходных — когда «клин клином» остается единственным средством за истощением всех остальных аргументов. Худой мир, в общем, лучше доброй ссоры. Это — правило, от которого возможно делать исключения разве лишь в случае очень худого мира, грозящего в конце концов пагубно отразиться на морали и благополучии страны.

Орган государства, компетентный в данном случае, именуется дипломатией (состоящей из центрального аппарата и внешнего представительства). Существует две школы дипломатии.

Старая, или кабинетная. Государственные дела поручаются в этом случае людям, специально для того предназначенным, обученным, воспитанным, можно сказать, для этого родившимся. Само происхождение службы этих людей, из которых каждый до получения «генеральского чина» посла либо посланника побывал в четы-

рех-пяти столицах, следовательно, изучал наделе четыре-пять государств, их правителей, дипломатов, при них аккредитованных, т. е. практически большую часть своих иностранных коллег, гарантирует их компетентность.

За патологической эпохой 1914—1918 гг. последовала эпоха коллективного размягчения мозгов (последствие жестокой контузии мира в ту войну), эпоха, именуемая «демократической». Внешнеполитическим ее последствием явилась замена старой кабинетной школы новой школой — ярмарочной.

Делами вместо профессионалов стали заправлять любители, вместо сведущих людей — люди несведущие, митинговые ораторы, имевшие звание «народных избранников», но не всегда имевшие свидетельства об окончании начальной школы.

Результаты этой новоявленной «неумытой дипломатии» не замедлили сказаться.

Она перенесла в международные отношения «внутриполитический дух» — атмосферу митингов и кулуарных комбинаций. По сравнению с профессиональными дипломатами — людьми ничем не связанными — политические лидеры демократии связаны по рукам и ногам. Какая-нибудь внутриполитическая каверза, к делу ни малейшего отношения не имеющая, какой-нибудь партийный инцидент заставляет их спешно покидать международные конференции, где дебатироваться — с большей или меньшей некомпетентностью — вопросы первостепенной важности.

Перерыв работ, недели неопределенного, напряженного, всех нервирующего положения, пока не удастся успокоить не вовремя расхволившуюся провинциальную масонскую ложу, либо парламентскую фракцию — песчинку, остановившую поезд. В эпоху демократий все международные проблемы рассматривались в первую очередь, а то и исключительно с точки зрения внутренней политики, т. е. партийных интересов, и личный успех в парламенте или в избирательной кампании был единственной заботой всех этих «карнавальных Талейранов».

Ярмарочным дипломатам — толпе и вожакам толпы — не по плечу тонкая ювелирная работа дипломатов-профессионалов. Их позы, их слова, их действия рассчитаны лишь на сегодняшний день и на интеллект толпы. На глазах толпы — толпы, сатанеющей от крови гладиаторов на ристалище, — и совершаются в раскаленной атмосфере все дела, обсуждавшиеся раньше ком-

петентными людьми в спокойной и деловой обстановке министерских и посольских кабинетов.

Мы упомянем лишь для памяти о бесславно закончившей свой век Лиге наций. Банкротство этого учреждения и идеи, его породившей, настолько очевидно, что избавляет нас от необходимости это доказывать многочисленными фактами.

Старую дипломатию упрекают в провоцировании войн. Упрек этот могут сделать лишь люди, сознательно рассорившиеся с историей (самой антидемократической из наук). История последних двухсот лет учит нас, что если на каждую войну, «спровоцированную» дипломатией (спровоцированную, не следует забывать, по приказанию соответствующих правительств), приходится три войны, которых кабинетная дипломатия не смогла предотвратить — как не смогла бы их предотвратить и ярмарочная дипломатия (никакими нотами нельзя остановить тигра, решившегося на прыжок); зато на каждый такой случай приходится по крайней мере десять войн, не состоявшихся благодаря своевременному, тактичному, корректному и незримому для посторонних, для свирепой и невежественной толпы вмешательству профессиональной дипломатии.

Глава IV О РАЗОРУЖЕНИИ

В Средние века во время чумных эпидемий и в менее давние эпохи холерных бунтов чернь избивала лекарей и докторов, видя в истреблении врачей, якобы разводящих заразу, средство избавиться от беды.

«Интеллектуальная чернь» XX века — так называемые пацифисты, а также руководящая (и в то же время руководимая) этой чернью ярмарочная дипломатия видят в роспуске армий средство избавиться от войн. По их мнению, наличие вооруженной силы является причиной зла: кровожадные генералы, чающие отличий, пушечные короли, ждущие барышей, вовлекают страну в военную авантюру попустительством «вырождающихся династий» и «секретной» (притом еще титулованной) дипломатии.

Таков убогий трафарет демократическо-пацифистского мышления. Эта точка зрения оратора, митингующего с бочки перед толпой невежественной черни, сделалась официальной доктриной «передовых демократий» 20-х и 30-х гг. XX столетия — эпохи демократического маршма. Бесспорно, с той же точки зрения следует

избить врачей и закрыть аптеки, чтобы избежать болезней, распустить пожарные команды, чтобы не иметь пожаров, упразднить семафоры и стрелочников, чтобы избежать железнодорожных крушений.

Само разоружение проповедуется в двух плоскостях. Замена постоянных армий народным ополчением, «воинственных профессионалов», якобы миролюбивой милицией. Одновременно с этим предусматривается отказ от ряда технических средств и преимуществ — боевой авиации или некоторых ее видов, газов, тяжелой артиллерии, чем думают сделать войны «менее кровопролитными».

Миф «миролюбивой милиции», бывший навязчивой идеей еще Жореса¹, стар и затаскан, как и вся идеология 1789 и 1848 гг. Самая антидемократическая из всех наук — история (наука, которую демократия ненавидит, и недаром: это ее смерть) учит нас совсем иному. Стоит лишь вспомнить народные ополчения древности — кимвров, тевтонов, гуннов, монголов. В Новые времена миролюбивая народная милиция упивается кровью протестантов либо католиков (смотря по ее вероисповеданию). В новейшие вооружившиеся граждане Республики «объявили мир миру», насаживая по всей Европе «либерте, эгалите» штыками и картечью, раздвинув границы Франции до Рейна и благодетельствовав народы Голландии, Швейцарии, Италии соответственно Батавской, Трансальпийской, Цизальпинской, Партенопейской республиками с гильотинами на каждой ее площади.

Столь же неубедительна, хоть и менее затаскана (ибо относится не к 1789, а к 1919 г.) аргументация сторонников ограничения вооружений посредством «изъятия из обращения» ряда боевых средств, уже успевших зарекомендовать себя на полях сражений.

Запрещаются удушливые газы. Но не запрещается химия как наука, не запрещаются химические лаборатории, физические кабинеты, фабрики искусственных удобрений и красок, наконец, просто аптеки. Запретить их нельзя, а между тем все эти учреждения в кратчайший срок могут быть приспособлены к выделке удушливых газов. Запрещается военная авиация, но

¹ Жан Жорес (1859—1914) — французский философ, историк, деятель международного социалистического движения, борец против колониализма и милитаризма. 31 июля 1914 г., накануне объявления войны и начала мобилизации, был застрелен французским националистом; Жана Жореса называли первой жертвой еще не начавшейся войны.

не запрещается гражданская, ибо запретить ее нельзя, а между тем менее чем за 24 часа все почтовые и спортивные самолеты можно превратить в бомбардировщики и истребители. Запрещаются танки, но не запрещается автомобильное и тракторное производство. Запрещается тяжелая артиллерия, но не запрещается металлургическая промышленность.

Все это разоружение, будь оно добровольным, полудобровольным или принудительным, имеет величайшее сходство с законами о принудительной трезвости, столь печально зарекомендовавшими себя у нас в России и в Соединенных Штатах. Там запрещается военная химия, но не запрещается химическая промышленность, здесь запрещается водка, но не запрещается самогон (ибо этого никто не в силах запретить) и не запрещаются деньги, за которые можно приобрести какое угодно, более или менее поддельное, вино. Обе эти идеологии — разоружение и сухой режим — в своей основе имеют полное пренебрежение человеческой природой и человеческой психологией и, будучи поэтому нежизненными, обречены на провал.

* * *

Технические средства, как это не покажется на первый взгляд странным, сами по себе отнюдь не увеличивают кровопролития. С кровопролитностью Бородинского побоища, веденного кремневыми ружьями, не сравнится ни одна операция Великой войны (под Бородино 100 тысяч человек пало с обеих сторон за каких-нибудь 8 часов, под Верденом — 700 тысяч, но за 8 месяцев). Влияние техники на тактические навыки сказалось прежде всего в затяжном характере, тягучести операций — большем напряжении нервов и, в общем, меньшей кровопролитности.

Кровопролитность боя — результат не столько техники, сколько плохой тактики, самого темпа, ритма операций, качества войск и ожесточения сражающихся (Бородино, Цорндорф). Побоища первобытных племен, вооруженных каменными топорами, относительно гораздо кровопролитнее современного огневого боя. В кампанию 1914 г., веденную в условиях сравнительно примитивной техники, французская армия теряла в среднем 60 000 убитыми и умершими от ран в месяц — расплата за плохую тактику. В кампанию же 1918 г., в условиях неслыханного насыщения фронта смертоносной техникой, потери убитыми не только не увеличились (как то, каза-

лось, можно было подумать), а наоборот, сократились в три раза, составив в среднем 20 000 человек в месяц.

Техника, таким образом, имеет тенденцию не увеличивать, а, наоборот, сокращать кровавые потери. Удушливые газы, при всем своем бесспорно «подлом» естестве, дают в общем на 100 поражаемых лишь 2 смертных случая, тогда как так называемая «гуманная» остроконечная пуля дает 25 % смертельных поражений. Все это с достаточной ясностью указывает на несостоятельность теории технического разоружения. Урезая технику путем разоружения, мы уменьшению кровопролития способствовать не будем.

Несколько (хоть и не намного) обоснованнее — теоретически — система «морального разоружения», бывшая излюбленным коньком женевских снобов конца 20-х и начала 30-х гг. XX столетия. Но ведь для достижения морального разоружения народов надо, прежде всего, этим народам запретить источник конфликтов — политическую деятельность. А для того, чтобы запретить политику, надо запретить причину, ее порождающую, — непрерывное развитие человеческого общества, в первую очередь развитие духовное, затем интеллектуальное, и, наконец, материальное и физическое.

Практически это выразится в запрещении книгопечатания и вообще грамотности (явления совершенно того же логического порядка, что запрещение удушливых газов и введение принудительной трезвости), обязательном оскоплении всех рождающихся младенцев и тому подобными мероприятиями, по проведении которых «моральное разоружение» будет осуществлено в полном объеме, исчезнут конфликты, но исчезнет и причина, их порождающая, — жизнь.

Есть одна категория людей, навсегда застрахованная от болезней, — это мертвые. Вымершее человечество будет избавлено от своей болезни — войны.

* * *

Итак, если мы хотим предохранить государственный организм от патологического явления, именуемого войной, мы не станем заражать его пацифистскими идеалами. Если мы желаем, чтобы наш организм сопротивлялся болезненным возбудителям, нам не надо ослаблять его, в надежде, что микробы, растроганные нашей беззащитностью, посовестятся напасть на ослабленный организм, а наоборот,

Отто Эдуард Леопольд,
фюрст фон Бисмарк-Шёнхаузен,
герцог цу Лауэнбург.
Фотография. 1890 г.

сколь можно больше укреплять его. Укреплени-ем нашего государственного организма соответствующим режимом (внешним и внутренним) и профилактикой мы повысим его сопротивляемость как пацифистским утопиям вовне, так и марксистским лжеучениям изнутри — стало быть, уменьшим риск войны, как внешней, так и гражданской.

Нападают лишь на слабых, на сильных — никогда. На слабых, но показывающих вид, что они сильны, нападают реже, чем на сильных, но не умеющих показать своевременно своей силы и производящих со стороны впечатление слабых.

В 1888 г. произошел знаменитый «инцидент Шнебеле», едва было не вызвавший франко-германской войны. В последнюю минуту Бисмарк не решился: французская армия только что была перевооружена магазинной винтовкой Лебеля¹, тогда как германская имела еще однозарядки. Жившая в 1880-х гг. еще мечтой о реванше Фран-

ция была сильной — и казалась сильной (дело Дрейфуса, надолго отравившее ее организм, произошло значительно позже). На востоке же грозила могучая Россия царя-миротворца. Авантюра была отложена.

В апреле 1887 г. французский пограничный чиновник, эльзасец по происхождению Гийом (Вильгельм) Шнебеле был приглашен немецким полицейским комиссаром для переговоров, но сразу после пересечения границы был арестован германскими властями. После этого и так напряженные франко-немецкие отношения грозили перерасти в войну, «проводниками» которой были, с одной стороны, некоторые французские чиновники во главе с военным министром Жоржем Буланже, выступавшим с откровенно реваншистскими речами, а с другой — милитаристские круги в Германии, желавшие начать «превентивную» войну с Францией.

Однако большая часть французского правительства не была настроена на войну, что вкупе с вмешательством кайзера Вильгельма I и позицией России привело к дипломатическому решению конфликта. Французские власти признали участие Шнебеле в разведывательной деятельности, после чего по личному указанию Вильгельма I через 10 дней после ареста он был освобожден.

Другой пример — 1904 г. Маркиз Ито проявил большую решимость, чем Бисмарк в свое время. Но рисковали бы японцы напасть на нас, если бы эскадра в Порт-Артуре была снабжена доками, если бы на Ялу вместо бригады Кашталинского стояло три-четыре корпуса, если бы Маньчжурия была соединена с Россией не однокорейным (притом незаконченным), а четырехкорейным непрерывным рельсовым путем? И если бы японцы знали, что русская государственность не усыплена гаагским дурманом, а общественность, вместо посылки приветственных телеграмм микадо, будет защищать интересы своей страны?

1914 г. Германия провоцирует войну, потому что не желает иметь дела с сильной русской армией 1920 г. — армией, явившейся бы результатом семилетней «Большой военной программы» 1913 г. Одновременно война объявляется и Франции: робость и недомыслие ее правителей (приказ Вивиани отступить на 10 км от границы в доказательство миролюбия) показали Германии доказательством слабости всей страны, всей

¹ *Винтовка Лебеля* — французская магазинная винтовка образца 1886 г., ставшая первым в мире принятым на вооружение образцом нарезного оружия под патрон с бездымным порохом.

армии. Типичный пример нападения на сильного, потому что он со стороны кажется слабым.

Изучение всех войн, всех конфликтов, как прежних времен, так и современных, убеждает нас в справедливости положения, проводившегося Ермоловым на Кавказе, сто лет спустя сформулированного в Марокко Лиоте: «Надо вовремя показать свою силу, чтобы избежать впоследствии ее применения». Это положение должно лечь в основу всякой здоровой политики.

Вообще же следует помнить, что «идеологи» обошлись человечеству дороже завоевателей — и последователями утопий Руссо пролито больше крови, чем ордами Тамерлана.

Глава V ПРИРОДА ВОЕННОГО ДЕЛА. ВОЕННОЕ ИСКУССТВО И ВОЕННАЯ НАУКА

Является ли военное дело достоянием науки или искусства? Чтобы ответить на этот вопрос, надо все время иметь в виду двойственную природу военного дела.

Военное дело складывается из двух элементов. Элемента рационального — соизмеримого, вещественного, поддающегося точному анализу и классификации. Элемента иррационального, духовного, несоизмеримого — того, что Наполеон называл *la partie sublime de l'art*¹.

Рациональная, вещественная часть военного дела — достояние военной науки. Иррациональная, духовная — достояние военного искусства. Смотреть телесными глазами может каждый зрячий человек; смотреть и видеть духовными очами дано не всякому. Искусство дается Богом; наука дается человеку его трудами. Изваять Зевса может лишь Фидий; изготовить анатомический чертёж человеческого тела может любой студент-медик.

Искусство — удел немногих избранных, как правило, выше науки — удела многих. При этом следует оговориться, что в своих высших проявлениях наука имеет отпечаток гения — свою *partie sublime*. Менделеев или Пастер могут считаться украшением человечества в той же степени, как Достоевский и Гёте.

Подобно благородному металлу, искусство не может применяться в чистом своем виде. В него, подобно лигатуре, всегда должна входить известная доля науки.

Композитора осенило вдохновение. В его душе зазвучали незримые струны. Это — момент чистого искусства, так сказать, абсолютное искусство. Он хватается перо и нотную бумагу, перекладывает свое вдохновение (рискующее иначе быть потерянным для него и для людей). И с этой минуты к чистому искусству примешивается лигатура науки: надо знать ноты, такты, контрапункты, уметь распределить партитуры; равным образом и поэт обязан знать грамматику, а ваятель — анатомию человека и животных, свойства гипса, бронзы, мрамора.

Аналогия с военным искусством полная. Генеральнейший план рискует здесь оказаться химерой, коль скоро он не сообразуется с реальностью. Величайший из полководцев не смеет безнаказанно пренебрегать элементами военной науки, хоть он сам в свою очередь совершенствует эту науку и сообразуется с ее принципами, зачастую инстинктивно.

Чем выше процент благородного металла в сплаве — тем драгоценнее этот сплав. Чем больше наблюдается в полководце преобладания иррационального элемента искусства над рациональным элементом науки — тем выше его полководчество. Наполеон в большинстве своих кампаний, Суворов во всех своих кампаниях — дают нам золото 96-й пробы. Полководчество Фридриха II — гений, сильно засоренный рутинной и «методикой» — золото уже 56-й пробы. Полководчество Мольтке Старшего — таланта, а не гения — уже не золото, а серебро (довольно высокой, впрочем, пробы), полководчество его племянника — лигатура, олово.

* * *

Военная наука должна быть в подчинении у военного искусства. Первое место — искусству, науке только второе.

Бывают случаи, когда науке приходится затенять искусство — играть роль как бы его суррогата (роль «накладного золота», если развивать дальше нашу метафору). Случаи эти соответствуют критическим периодам военного искусства, упадку его — эпохам, когда это искусство — дух — отлетает от отживающих, но еще существующих форм и ищет, но пока еще не находит новых путей. Так было во второй половине XVII века на Западе, когда вербовочные армии искали спасения в рутине линейных боевых порядков и софизмах «пятипереходной системы».

¹ Величественная часть искусства (*фр.*).

Маршал Франции Фердинанд Фош.
Фотография. 1921 г.

Новые пути были найдены французской — так называемой «великой» — революцией, давшей вооруженный народ, и военное искусство возродилось в революционные и наполеоновские войны. Так было и в войну 1914—1918 гг. — войну, видевшую кульминационный пункт, но зато и вырождение вооруженных народов — «полчищ». Выход для военного искусства был найден после войны в старорусской системе сочетания идеи количества — народной армии (земского войска) с идеей качества — малой армией профессионалов (княжеской дружины). Эта старорусская система, применяемая в последний раз в 1812 г. (Кутузов и Ростопчин), именуется иностранцами — которым это простительно — и русскими невеждами — которым это непростительно — как система генерала фон Зеекта.

На этот случай «сумерек военного искусства» — случай, который Фош характеризует «невольным отсутствием достаточного военного гения», и припасен научный коллектив, наиболее совершенным образчиком которого был Большой Генеральный штаб германской армии.

На этот научный коллектив, существовавший во всех армиях, и на отдельных более выдающихся

его представителей и пало бремя полководчества Мировой войны — войны, сочетавшей огромный процент научной лигатуры с очень небольшим количеством искусства. Отсюда и «серый» характер полководчества 1914—1918 гг. за немногими исключениями, как, например, все творчество генерала Юденича на Кавказском фронте, бои французского Скобелева — генерала Манжена, некоторые операции армии Гинденбурга на Восточном фронте и несколько других ярких примеров.

Искусства немного — и оно целиком сосредоточено на творчестве нескольких вождей. В решительные моменты творчество Жоффра, Галлиени, Фоша и Манжена (знаменитый «полководческий четырехугольник») оказалось выше творчества Мольтке Младшего, фон Клука, Фалькенгайна и Людендорфа — подобно тому, как Гинденбург, Людендорф, Фалькенгайн и Макензен оказались выше великого князя, Жилинского, Рузского, Иванова.

Это обстоятельство и определило характер войны, предрешило ее исход — несмотря на то, что немецкий коллектив по своему качеству, своему научному базису, отделке и разработке доктрины, одним словом, по постановке своей рациональной части значительно превосходил коллектив французский. Личность, как всегда, оказалась решающим фактором. Военное искусство — достояние личности — хоть и было у французов (по причинам, от самих вождей во многом независимым) не очень высокого качества, но все-таки оказалось выше рациональной научности — достояния коллектива.

Наука сливается с искусством лишь в натурах гениальных. Вообще же — и это особенно сказывается в случае «суррогата» (попытка наукой возместить недостаток искусства) — она дает тяжеловесные результаты в сфере полководчества. Чисто научное полководчество — без или с очень слабым элементом искусства — можно сравнить с вычислением окружности. Наука дает здесь число «пи», позволяющее производить вычисления с наибольшей точностью, но не дающее средства постичь всю «иррациональность» круга. Научная «методика» может приближаться к интуиции искусства — сравняться с последней ей не дано, так как незримая, но осязаемая перегородка будет все время сказываться; Сальери «алгеброй гармонию проверил», а с Моцартом все-таки не сравнился.

Проблема превосходства искусства над наукой — такого же порядка, как проблема пре-

восходства духовных начал над рационалистическими, личности над массой, духа над материей.

Военное искусство, подобно всякому искусству, национально, так как отражает духовное творчество народа. Мы различаем русскую, французскую, итальянскую, фламандскую и другие школы живописи. Мы сразу же распознаем чарующие звуки русской музыки от музыки иностранной. В военной области то же самое. «Науку побеждать» мог создать только русский гений; «О войне» мог написать только немец.

Из всех искусств два — военное и литературное — являются чутким барометром национального самосознания. На повышение и понижение этого самосознания они реагируют в одинаковой степени, но по-разному. Военное искусство как органически связанное с национальным самосознанием повышается и понижается вместе с ним. Литературное, более независимое от национального сознания (вернее, не столь органически с ним связанное), реагирует иначе. Оно отражает эти колебания в своем зеркале. Качество остается приблизительно тем же — перерождается лишь «материя». Ломоносов, Пушкин, Чехов — три имени, первый из них отражает зарю, второй — полдень, третий — сумерки петровской империи.

Любопытно проследить этот «барометр». Военное дело — синтез «действия» нации, литература — синтез ее «слова». Гению Румянцева соответствует гений Ломоносова. Суворову — орлом воспаривший Державин. Поколению героев 1812 г., красивому поколению Багратиона и Дениса Давыдова — «певец в стане русских воинов» Жуковский. Младшие представители этого поколения — Пушкин и Лермонтов. Эпоха царя-освободителя дает нам корифеев русского самосознания — Достоевского, Аксакова и Скобелева. Затем идет упадок — и в сумерках закатывающегося девятнадцатого, в мутной заре занимающегося двадцатого века смутно обрисовываются фигуры Куропаткина и Чехова...

* * *

Искусство, таким образом, национально. Национальность является характернейшим его признаком, его, так сказать, букетом, квинтэссенцией — все равно, будет ли речь идти о военном искусстве, литературе или живописи. Отвлеченного интернационального, «междупланетного» искусства не существует.

Несколько иначе обстоит дело с наукой. Если народы сильно разнятся друг от друга своим духом (а стало быть, и порождением духа — искусством), то в интеллектуальном отношении разница между народами — между мыслящим отбором, элитами этих народов — гораздо меньше, нежели в духовном, следовательно, точек соприкосновения, общности здесь гораздо больше.

Математика, физика, химия, медицина — науки объективные, равно как и догматическая часть философии. И француз, и немец, и коммунист, и монархист одинаково формулируют теорему Пифагора.

Науки социальные — эмпирическая часть философии, история, социология, право — наоборот, национальны и субъективны, ибо занимаются исследованием явлений жизни и выводом законов их развития. Француз и русский, одинаково формулируя теорему Пифагора, совершенно по-разному опишут кампанию 1812 г. Более того, трактовка этих наук зависит не только от национальности их представителей, но и от политического, субъективного мировоззрения их. Приняв советский метод «исторического материализма» и «классового подхода», можно, например, пугачевского «енерала» Хлопушу Рваные Ноздри сделать центральной фигурой русской истории, посвятить ему двести страниц, а Юрику, Грозному и Петру I — отвести полстраницы.

Военная наука относится к категории социальных наук. Она, стало быть, национальна и субъективна. Ее обычно считают частью социологии, что, по нашему скромному мнению, совершенно ошибочно. Военная наука является сама в себе социологией, заключая в себе весь комплекс, всю совокупность социальных дисциплин, но это — патологическая социология.

Нормальное состояние человечества — мир. Социология исследует явления этого нормального состояния. Война представляет собой явление болезненное, патологическое. Природа больного организма, его свойства, его функции уже не те, что здорового. Применять к ним одну и ту же мерку невозможно.

Поэтому военная наука — это социология на военном положении. Или (считая войну явлением патологическим) — социология патологическая. Военный организм представляет аналогию с национальным организмом. Война — та же политика. Армия — та же нация.

Часть вторая.

ОБ ЭЛЕМЕНТАХ ВОЙНЫ

Глава VI ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЯ

Политика — это руководство нацией, управление государством. Стратегия — это руководство вооруженной частью нации, управление той эманацией государства, что называется армией.

Политика — целое, стратегия — часть. Стратегия творит в области, отчеркнутой ей политикой. Это — политика войны, тогда как сама война — элемент политики государства. Откуда явствует, что стратегия есть один из элементов политики — и, безусловно, один из капитальных ее элементов.

Задача политики — подготовить работу стратегии, поставить стратегию в наиболее выгодные условия в начале войны и как можно лучше пожать плоды стратегии после войны.

Дипломатия и стратегия — это две руки политики. И тут необходимо, чтобы правая рука все время знала, что делает левая, и наоборот. Раньше, чем предпринять какой-либо ответственный шаг государственного, тем более международного значения, политик должен оглянуться на стратега и спросить его: «Я собираюсь сделать то-то. Достаточно ли мы для этого сильны?» Если стратег ответит утвердительно, то политик сможет высоко поднять национальное знамя и смело выйти на международное ристалище. Но если стратег ответит отрицательно, — то политику ничего не останется, как свернуть знамя, бить отбой, сбавить тон, пожертвовав подчас самолюбием во избежание худшего из несчастий. В этом случае долг стратега заранее предупредить политика, не дожидаясь его вопроса.

Когда зимой 1909 г. Австро-Венгрия решилась на аннексию Боснии и Герцеговины, Эренталь¹ предварительно запросил Конрада². И, получив ответ, что русская армия дезорганизована Японской войной, а собственная достаточно сильна, чтобы в союзе с германской справиться с ней, дерзнул на этот решительный шаг. Извольский³ в свою очередь обратился к генералу Редигеру⁴ с вопросом, в состоянии ли мы на это реагировать, в состоянии ли Россия защитить свое достоинство великой державы? И получил честный, прямотдушный, неприукрашенный ответ... Ценой жестокого унижения Россия была спасена от катастрофы.

¹ *Алоиз фон Эренталь* (1854—1912) — австрийский государственный деятель и дипломат, министр иностранных дел Австро-Венгрии в 1906—1912 гг.

² *Франц Ксавьер Иосиф Конрад фон Хётцендорф* (1852—1925) — австрийский военачальник, генерал-фельдмаршал, начальник Генерального штаба австро-венгерских войск.

³ *Александр Петрович Извольский* (1856—1919) — государственный деятель и дипломат, министр иностранных дел Российской империи в 1906—1910 гг.

⁴ *Александр Федорович Редигер* (1853—1920) — военный и государственный деятель, генерал от инфантерии, военный министр Российской империи в 1905—1909 гг.

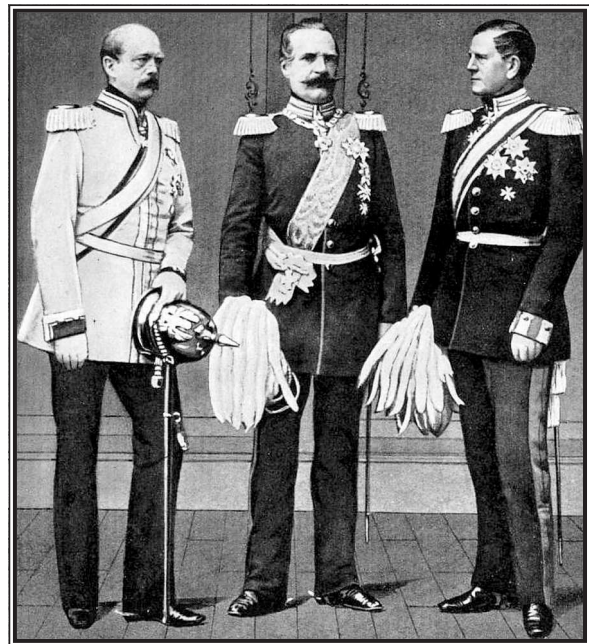
Классический случай взаимодействия политики и стратегии, когда политик обратился к стратегу, имел место в 1870 г. Франко-прусский конфликт (по поводу кандидатуры Гогенцоллерна на испанский престол) развивался всю первую половину июля. Король Вильгельм лечился на водах в Эмсе. Он был настроен миролюбиво, решив почтить на лаврах датской и австрийской кампании. Бисмарк, наоборот, видел в войне с Францией последний этап завершения единства Германии — грандиозной цели, к которой неуклонно стремилась его политика.

16 июля Бисмарк, Мольтке и Роон завтракали втроем в Эмсе, когда на имя канцлера вдруг прибыла депеша от французского посла в Берлине. Это был ответ французского правительства на прусскую ноту — ответ, составленный в очень мягких, примирительных выражениях¹. Все трое приуныли. Стало ясно, что при миролюбивом короле война отныне невозможна и объединение Германии придется отложить, если и не до греческих календ, то до очень отдаленного времени.

Бисмарк встал. Он принял решение. «Скажите, — обратился он к Роону, — снабжена ли наша армия всем необходимым?» — «Безусловно, снабжена», — ответил Роон. Канцлер перевел взгляд на Мольтке: «Ручаетесь ли вы за успешное ведение войны?» — «Ручаюсь», — ответил Мольтке.

«Тогда, — пишет Бисмарк в своих мемуарах, — я вышел в соседнюю комнату, сел за стол и переделал весь текст французской депешы, заменив ее тон и содержание, заменив примирительные выражения резкостями»². То есть подделал депешу и в этом виде понес ее королю. Король Вильгельм, возмущенный «наглостью» Франции, ответил резким отказом на французские предложения, и Наполеон III объявил ему войну.

Этот классический случай, известный истории под названием Эмской депешы, показывает нам политика, пусть беспринципного, но гениального. Политика здесь, безусловно, владеет стратегией. Но этот же случай выявляет нам и стратега, умеющего брать на себя ответствен-

Отто фон Бисмарк, Альбрехт фон Роон и Гельмут фон Мольтке.

Фотография. 1870 г.

ность, как бы благословляющего политика на его чреватый огромными последствиями шаг. Короче, в Эмсе мы видим непревзойденный образец политики и стратегии. Какая огромная разница между «художественной» подделкой депешы и аляповатыми баснями 1914 г. о «восемьдесят переодетых французских офицерах, пытавшихся проникнуть через германскую границу» и о «бомбардировщиках Нюрнберга французскими летчиками»! Это как раз разница между Бисмарком и Бетман-Гольцвегом³, разница, которой в области стратегии соответствует разница между Мольтке Старшим и Мольтке Младшим.

В 1870 г. в Германии, тогда еще Пруссии, и политика, и стратегия — на высоте. В 1914 г. в той же стране ни политика, ни стратегия на высоте не оказались.

* * *

Бывает, однако, что один из этих двух «элементов национального действия» на высоте, другой — нет. Разнойой этот служит признаком расшатанности государственного механизма,

¹ Текст французского послания содержал провокационные требования, нарушавшие дипломатический этикет и означавшие по сути грубое вмешательство Франции во внешнюю политику Пруссии; ни о каких «мягких, примирительных выражениях» здесь не может быть и речи.

² Другие источники приводят следующую цитату из воспоминаний Бисмарка: «Я внимательно снова прочел депешу, взял в руки карандаш и смело зачеркнул все то место, где было сказано, что Бенедетти [французский посланник] просил о новой аудиенции; от депешы я оставил только голову и хвост».

³ Теобальд Теодор Фридрих Альфред фон Бетман-Гольвег (1856—1921) — германский государственный и политический деятель, рейхсканцлер Германской империи в 1909—1917 гг.

утраты согласованности движений его частей. Он указывает на расстройство организма, где правая рука утрачивает чувство солидарности с левой.

Особенный разительный пример несоответствия политики со стратегией являет нам Наполеон. Величайший полководец истории явился в то же время совершенно несостоятельным политиком. Он пренебрег мудрой традицией Ришелье и королевской Франции. Упразднением мелких немецких княжеств он способствовал образованию единой германской нации. Кацбах и Лейпциг были результатами этой близорукой политики. Во внешней своей политике Наполеон добился соединения против себя всех тех, кого он должен был держать разъединенными.

Внутренняя его политика столь же катастрофична. Его гражданское законодательство, составленное в анархическо-индивидуалистическом духе утопий Руссо, с сохранением якобинской централизации управления, разрушило семейные устои Франции. Те сотни тысяч французов, которых Наполеон погубил в своих красивых, но в конечном итоге бесполезных сражениях, ничего в сравнении с миллионами и десятками миллионов французов, которым он своим законодательством запретил родиться.

Упадочный период нашей старой государственности можно вообще резюмировать как несогласованность политики и стратегии.

В 1877 г. наша политика на высоте (чему способствует личное влияние царя-освободителя и патриотизм общества). Она имеет мужество принять «великодержавное» решение вопреки Европе и объявить Турции войну. Зато стратегия плачевна.

В 1878 г. стратегия выправилась. Русская армия у стен Царьграда. Но тут капитулирует политика.

В 1905 г. — полный разнобой. Политика игнорирует стратегию. Нельзя было сознательно идти на риск конфликта с Японией, не позаботившись закончить Сибирский путь. Нельзя было преследовать грандиозные цели на Дальнем Востоке, опираясь всего на два или три батальона сибирских стрелков. Нельзя было брать лесные концессии на Ялу, не позаботившись устройством доков в Порт-Артуре. Нельзя было делать второй шаг, не сделав первого. Стратегия, впрочем, тоже совершенно не на высоте и дает себя застать врасплох. Витте и Куропаткин стоят друг друга.

Русская стратегия Великой войны, при всей своей посредственности, не была так уж плоха, как то может показаться по ее результатам. Но

она была связана по рукам и по ногам плачевнейшей политикой. Россия беспрекословно подчинялась самым абсурдным требованиям своих союзников, приносила безоговорочно насущные свои интересы в жертву их самым мелочным, меркантильным расчетам (под фирмой «общесоюзного дела»). Мы играли жалкую роль. По первому приказанию союзников мы бросались для них в огонь. Мы сразу пошли у них на буксире, подпали под их полное и абсолютное влияние, закрепостили себя ужасным Лондонским протоколом.

Эта унижительная подчиненность сказывалась и на мелочах. Русские генералы странствовали за полярный круг, чтобы попасть на междусоюзные конференции в Шантильи, и никому в голову не пришла мысль устроить таковые в Барановичах либо в Могилеве (что имело бы важное значение и в том отношении, что Россия была бы здесь представлена первоэскадрными величинами, и ее удельный вес сразу повысился бы). Мелочь эта вообще характерна для нашего неумения соблюдать достоинство России в переговорах с иностранцами. Наша история полна парижских, лондонских, венских, берлинских конференций. Но нет ни одного «Петербургского мира» либо «Московского договора». Даже после удачной войны мы шли извиняться за свои победы в заграничные столицы вместо того, чтобы предложить заинтересованным иностранцам явиться к нам.

Мы никогда не умели разговаривать с иностранцами — и в Великую войну не сумели поставить себя на подобающее место и не сумели использовать наше, в сущности очень выгодное, политическое положение. Союзники в нас чрезвычайно нуждались, особенно в первые два года войны. Нашу помощь нам надо было продавать совершенно так же, как они нам продавали свою.

Прекрасный пример нам дала Италия своим упорным и беззастенчивым торгом перед вступлением в войну. Италия сразу же показала своим будущим союзникам, что «возить на себе воду» она не позволит. И благодаря этому политическому чутью и этой политической воле удельный великодержавный вес Италии на междусоюзных конференциях сразу же стал более высоким, нежели удельный вес России, несмотря на гораздо более скромный размер «лепты на общесоюзное дело».

Не будем говорить про довоенную французскую цензуру плана нашего стратегического развертывания. Французы определили как численность сил нашего Северо-Западного фронта, так

и сроки его готовности. Упомянем только про одну из слишком многочисленных наших моральных капитуляций — Нарочское наступление в марте 1916 г. Предпринято оно было по настоянию союзников армии нашего Западного фронта с целью облегчить Верден.

Двести тысяч русских офицеров и солдат окровавленными лоскутками повисли на германской проволоке (одна 2-я армия лишилась 140 000 убитыми и ранеными), но сберегли кровь тысячам французов. К апрелю 1916 г. за Верден легло в полтора раза больше русских, чем французов.

Неудача этого предпринятого в мартовскую распутицу наступления до того морально повлияла на генерала Эверта, что он потом (уже летом) категорически отказался перейти в наступление вторично — и победоносные, но малочисленные армии Юго-Западного фронта, не поддержанные, захлебнулись в своей победе, а кампания 1916 г. оказалась безрезультатной.

Вот к каким жестоким последствиям в стратегии приводит слабая политика, бесхарактерность, неспособность твердо и властно огородить свои права, сказать «нет» (объяснив, почему именно «нет»). Мы не в силах были что-либо отказать нашим союзникам, даже когда они требовали, чтоб мы им вырывали из нашего же живого тела куски мяса. А двенадцать лет спустя маршал Петен в своей книге «Верден» ни словом не упоминает о тех двухстах тысячах русских, которые отдали свою жизнь и кровь тогда при Нароче.

Из русских деятелей Великой войны политическим чутьем и сознанием государственности были наделены лишь генерал Гурко — поборник равноправия России с союзниками, и командовавший в 1914 г. Черноморским флотом адмирал Эбергард.

Немедленно же по прибытии «Гёбена» в Золотой Рог адмирал Эбергард осознал, что эти корабли вовлекут Турцию в войну с Россией (последствиям чего должно было явиться закрытие проливов и полная изоляция России от остального мира). Он предложил атаковать «Гёбен» в турецких водах своими пятью старыми, но отлично стрелявшими кораблями, и этим предупредительным мероприятием — политической мерой пресечения — удержать Турцию от вступления в войну. Блистательная Порта и младотурки были бы раздосадованы, а англичане опечалились бы этим самоуправством. Но России не пришлось бы умирать от удушья. Сазонов запретил эту спасительную операцию. В 1878 г.

русская дипломатия боялась английских броненосцев, в 1914 г. она боится своих собственных!

* * *

Несостоятельность политиков сказалась и в Гражданскую войну.

Весь трагизм русского дела заключался в том, что красные — антигосударственники по существу — оказались государственниками по методу, тогда как белые — по существу государственники — оказались по методу анархистами. Анархичность Белого движения стала причиной его гибели.

Эта анархичность в первый год борьбы за спасение России была особенностью обеих сторон. Кубанские походы велись под знаком импровизации и красными, и белыми. Только красные поспешили как можно скорее отказаться от импровизации и вступить на путь организации. Белые же, наоборот, импровизацию возвели в систему. Подвиги обоих Кубанских походов придавали этой импровизации героический оттенок. Романтика взяла верх над политикой, добровольчество над регулярством, импровизация над государственностью.

Вот причина катастрофического исхода второго года войны, причина, погубившая Московский поход. Отсутствие политики, ее игнорирование, выразилось в неустройстве занятых местностей, неиспользовании их человеческих ресурсов (при населении в 60 миллионов — на фронте всего 22 тысячи штыков). Не были использованы огромные офицерские кадры (до 70 000 офицеров на территории Вооруженных сил Юга России), упущено создание регулярной силы, воссоздание государственности. Многие ошибки генерала Деникина были затем исправлены в Крыму генералом Врангелем. Однако пословица «лучше поздно, чем никогда» в политике неприменима.

Анархизм в Крымский период сказался в отсутствии внешней политики. Северная Таврия обращена была в «Восточную Пруссию» для спасения Польши.

Пилсудский был таким же врагом России, как Ленин. И то обстоятельство, что Польша ввязалась в борьбу с РСФСР, было чрезвычайно благоприятным для Вооруженных сил Юга, получивших передышку после зимнего разгрома и новороссийской катастрофы.

В интересах освободительной белой борьбы было извлечь как можно более выгоды из Польско-советской войны.

Генерал-лейтенант
Николай Эмильевич Бредов.
Фотография. 1907 г.

Николай Эмильевич Бредов (1873 — после 1944) — военачальник, генерал-лейтенант, участник Русско-японской, Первой мировой войн и Гражданской войны на стороне Белого движения. В начале 1920 г. возглавил так называемый Бредовский поход — отступление белогвардейских частей и беженцев от Одессы в Польшу. 12 февраля 1920 г. после тяжелого похода они вышли к местечку Новая Ушица, где соединились с польской армией. Около месяца части Бредова занимали самостоятельный участок фронта против Красной армии, а через месяц были разоружены, отправлены в Польшу и размещены в бывших немецких лагерях для военнопленных. В августе того же года генерал Бредов и часть его подчиненных вернулись в Крым и присоединились к армии генерала Врангеля.

После поражения Белого движения Н. Э. Бредов жил с семьей в Болгарии. В октябре 1944 г. он был арестован НКВД и передан югославской контрразведке. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Разгром Польши был чрезвычайно выгодным. Во-первых, побеждался один из врагов русской государственности. Во-вторых, разгром Польши и выход большевиков на границы Центральной Европы (потрясенной войной и представлявшей собой необозримый склад горючего материала) всполюшил бы Францию, ибо вся ее версальская постройка оказалась бы под ударом. Врангель

в Крыму был бы единственным спасителем положения и смог бы диктовать свои условия французскому правительству.

Поражение Польши повышало удельный вес Русской армии в Крыму. Победа Речи Посполитой, наоборот, делала «русских белых» лишними.

Этого как раз не понял генерал Врангель. Он стремился оказать помощь Польше, исходя из ошибочного — романтического, а не политического расчета: «*Всякий, кто борется против большевиков — наш союзник*».

Задачей настоящего политика (имевшего бы не только огненную душу, но и холодную голову) было не мешать красному врагу русской государственности сокрушить польского врага русской государственности. Минус на минус давал плюс.

Идеальным политико-стратегическим решением был отвод победоносной армии после операции 25 мая обратно за перешейки, выкачав из Северной Таврии в Крым необходимые запасы продовольствия. Закрепившись за перешейками — устроить армию и ожидать дальнейших событий, оставаясь совершенно глухим к мольбам о помощи из Варшавы и Парижа (если слепота в политике гибельна, то глухота иногда полезна).

В Варшаву ответить, что заключением в концентрационные лагеря войск генерала Бредова Польша сама себя лишила права на помощь со стороны Русской армии. В Париж заявить, что ни одного шага для выручки Польши, а косвенно Франции, не будет сделано, пока войска не будут в избытке снабжены всем необходимым снаряжением, в первую очередь (имея в виду сильную красную конницу) достаточной боевой авиацией. Такой сильный язык был бы понятен как нельзя лучше, и все требуемое было бы доставлено беспрекословно. После этого можно было бы предпринять всеми силами (а не слабой частицей) решительный для всей освободительной войны поход на Кубань.

Ту помощь, что была тогда, в июле — августе 1920 г., оказана Польше даром, следовало не «дать», а «продать» — продать за наличные и как можно дороже. Франция находилась в положении, когда приходится платить, не торгуясь. Полная пассивность Крымского фронта с июня по август была бы несравненным орудием политического давления. Но эту исключительную политическую и дипломатическую обстановку лета 1920 г. крымское правительство (политически чрезвычайно слабое) не использовало.

Ее использовали поляки, получившие в подарок помощь, за которую при других обстоя-

тельствах должны были бы заплатить очень дорогой ценой. И перемирие поляков с красными от 30 сентября — перемирие, выдавшее большевикам с головой благородный, но неразумный белый Крым, — стало жестоким предметным уроком, который польская государственность и польская государственная политика давали антигосударственной политике Белого движения. Эта антигосударственная политика июня — августа принесла плоды в октябре. Врангель был побежден не Буденным, а Пилсудским.

Квалифицировать польскую политику «вероломной» столь же неосновательно, как жаловаться на «неблагодарность» Австрии в Восточную войну. К морали государственной нельзя подходить с той же меркой, как к морали частного лица. Эти два понятия — несоизмеримы.

Глава VII СТРАТЕГИЯ, ОПЕРАТИКА И ТАКТИКА

Стратегия есть ведение войны. Оператика — ведение сражения. Тактика — ведение боя. В стратегии компетентен Верховный главнокомандующий. В оператике компетентен командующий армией. В тактике компетентны все остальные инстанции — от командира корпуса до командира отделения и старшего в звене.

Стратегия верхним своим концом входит в политику, нижним — в оператику. Задача стратегии — направить оператику к цели, указанной политикой — путем удачных операций и сражений выиграть войну.

Оператика, опираясь верхним концом в стратегию, нижним — в тактику, имеет целью согласовать тактику со стратегией — согласованием боев во времени и пространстве, сведением их в осмысленную систему добиться выигрыша всей операции, всего сражения.

Тактика имеет своей целью удачное ведение боя — элементарного военного действия. Для удачного ведения боя тактика должна стремиться сколь можно лучше использовать оба своих составных элемента: постоянный — человека и переменный — технические средства.

Война ведется не в безвоздушном пространстве, а на местности. Географический элемент, являясь одним из главных и определяющих признаков всемогущего фактора войны — политики, безусловно, влияет на полководцев в сильной степени. Стратегия должна считаться с условия-

ми геополитическими, оператика — с условиями географическими (в первую очередь — с начертанием сети путей сообщения), тактика — с условиями топографическими.

Стратегия ориентирует политически оператику, как оператика ориентирует стратегически тактику. Коль скоро стратегия должна быть подчинена политике, оператика должна быть подчинена стратегии, тактика — оператике.

* * *

Взаимная подчиненность этих трех элементов полководчества на практике часто нарушается. Это зависит от характера самого полководчества, являющегося, в свою очередь, производной характера личности и духовного облика данного полководца.

В полководческих натурах низшего порядка, т. е. рационалистической формации, встречается тенденция пренебрегать высшими ценностями ради низших, идя по линии наименьшего сопротивления. Практически это ведет к принесению стратегии в жертву оператике. Наоборот, недостатком высшего типа полководчества интуитической формации является часто пренебрежение реальностями, что ведет за собой непродуманность оператики. В первом случае — близорукость, во втором — чрезмерная дальнорукость.

Рассмотрим для примера полководчество генерала Людендорфа весной 1918 г. и полководчество генерала Врангеля в Гражданскую войну. Первый из этих двух деятелей по свойству своей натуры рожден ползать (несмотря на бесспорные свои дарования), второй рожден летать.

Людендорф для нанесения Антанте решительного удара выбирает английский фронт в Пикардии. Этим он показывает свое пренебрежение духовным элементом — психологической оценкой своих противников. Он — позитивист и считается лишь с материальными данными. Он не принимает во внимание характера своих противников, их психологических особенностей. Иначе свой первый и самый сильный удар он нанес бы французам.

Он не принял во внимание традиционного британского эгоизма, медлительности и той национальной черты — «моя хата с краю», которая сказалась на всем британском полководчестве Великой войны. В случае разгрома французской армии англичане отступили бы на свои базы и не подумали бы выручать французов, тогда как французы понеслись на выручку англичан.

Наполеон в 1815 г. отлично учел эту особенность британского характера (англичан он успел хорошо изучить в испанских походах). Он поэтому и нанес свой первый удар Блюхеру при Линьи, что был уверен в полной пассивности Веллингтона. Вся его ошибка заключалась в том, что он не добил Блюхера, тогда как Веллингтону и в голову не могло прийти облегчить положение пруссаков при Линьи и после Линьи.

Итак, стратегия Пикардийского сражения марта 1918 г. — ошибочна. Это повторение Инкермана, в огромном только масштабе. Подобно Меншикову, Людендорф атакует англичан, подобно зуавам Боске, бегом пошедшим выручать Реглана, — французские корпуса на автомобилях устремились выручать Бинга и Гофа.

Нанося свой первый удар англичанам, Людендорф думал пойти по линии наименьшего сопротивления: английская армия была низшего качества сравнительно с французской (особенно в отношении старшего командного состава). Но он пренебрег высшим, иррациональным, элементом военного дела в угоду низшему — рациональному; пренебрег соображениями стратегии (в широком, политическом смысле этого термина) в угоду соображениям оперативки. В результате — «линия наименьшего сопротивления» оказалась на деле линией наибольшего сопротивления: немцам пришлось иметь дело в Пикардии с обоими противниками, тогда как атакуй они на Шмен-де-Дам, они имели бы дело с одними французами.

Ход Пикардийского сражения раскрывает нам дальнейшие ошибки Людендорфа, окончательно решившего плыть по течению, идти по линии наименьшего сопротивления, пренебречь стратегией в угоду оперативке и просто тактике. Его 2-я и 17-я армии, решающие собственно стратегическую (оператико-стратегическую) часть всей операции, ведут тяжелые бои и продвигаются медленно. Наоборот, 18-я армия, роль которой второстепенна (оператико-тактическая), имеет бурный успех. Это побуждает Людендорфа отказаться от «слишком трудной» стратегической задачи и все свои резервы направить на развитие тактического успеха. Операция скомкана — гора родила мышь.

Перейдем к генералу Врангелю. Полководчество его во всех отношениях выше такового же генерала Людендорфа, но оно впадает в противоположную крайность.

Весной 1919 г. генерал Врангель доказывал необходимость для Вооруженных сил Юга Рос-

сии наступления в царицынском — волжском направлении, на соединение с армиями Верховного правителя¹, выходящими на Волгу. Это — мысль характера бесспорно «стратегического».

Но Врангель в данном случае совершенно не считается с оперативкой (и с относящимся к оперативке «орографическим элементом» географией). План идти на соединение с Колчаком — вне времени и пространства.

Вне времени — потому что потерпевшие на берегах Волги в конце апреля поражение войска Верховного правителя стали откатываться назад, с каждым днем все более удаляясь от Вооруженных сил Юга России. В момент сражения на Маныче они уже отходили от Бугуруслана. Царицынские штурмы совпали как раз со сдачей Уфы.

Вне пространства — потому что даже в случае удачного форсирования Волги под огнем господствовавшей волжской флотилии красных (а переправа всей армии с артиллерией и тылами явилась бы операцией совершенно иного масштаба, чем переброска нескольких сотен генерала Говорущенко) фронт пошел бы по линии Златоуст — Уфа — Царицын — Таганрог, заняв гораздо большее протяжение, чем фронт Царицын — Орел — Киев и не имея к тому же ресурсов фронта Московского похода. Опирался бы этот фронт на безлюдные (и даже безводные) степи, в стороне от каких бы то ни было населенных политических центров страны. Более того, этот пустынный фронт не имел бы ни одной рокадной железнодорожной линии. При попытке выдвижения его на линию Самаро-Златоустовской железной дороги неизбежен был разрыв между левобережной и правобережной группами, и красные от Саратова либо Вольска брали бы левую группу во фланг. Иначе, чем катастрофой, все это кончиться не могло.

Впрочем, до создания фронта Златоуст — Таганрог дело и не дошло бы. В случае совместного наступления от Маныча на Царицын обеих армий — Кавказской генерала Врангеля и Добровольческой генерала Май-Маевского² — вся эта масса вынуждена была бы довольствоваться единственной (причем однокорейной) железнодорожной линией Тихорецкая — Царицын. Конная армия Врангеля преодолела знойную

¹ То есть А. В. Колчака.

² Владимир Зенонович Май-Маевский (1867—1920) — военный деятель, генерал-лейтенант, командующий Добровольческой армией в мае — ноябре 1919 г.

и безводную степь в 12 переходов, но каково пришлось бы пехоте?

Затем, в случае переброски Добровольческой армии из Каменноугольного района в направлении Царицына, Донецкий бассейн и обеспечение всей наступательной операции пришлось бы поручить Донской армии. Справилась бы она (при тогдашних донских настроениях и настроенностях) со всем фронтом до Таганрога и с четырьмя советскими армиями? Что вообще произошло бы с Вооруженными силами Юга России, не будь тогда, в апреле — мае 1919 г., в Каменноугольном районе добровольцев Май-Маевского? Сбив непомерно растянутый левый фланг Донской армии, красные овладели бы к Первомайскому своему празднику Ростовом и, развивая свое наступление на Великокняжескую, зашли бы в тыл Кавказской и Добровольческой армиям, отрезав их от их баз и загнав их в калмыцкую степь. Все это могло бы иметь роковые последствия.

Людендорф смотрит «снизу вверх» — от него ускользают перспективы стратегии. Врангель смотрит «сверху вниз» — от него ускользают перспективы оператики.

Генерал Деникин, уступая генералу Врангелю во всех отношениях (кроме одного — умения читать карту), не согласился на проект командующего Кавказской армией идти всеми силами на соединение с Колчаком. Идея его Московского похода была безусловно правильной и единственно возможной.

Мы видим на этом примере влияние географии на стратегию, географических условий на полководчество — в частности, «орографических» на оператику. Вообще же в Гражданскую войну значение географического элемента (влияние геополитических условий на стратегию, орографических на оператику) сильно возрастает. Поэтому в румянцевское правило «никто не берет города, не разделившись при этом с силами, его защищающими» в этом случае надлежит сделать поправку.

Гражданская война — борьба за власть, и значение политического центра страны — «геометрического места власти», где сосредоточены все командующие страной рычаги правительственного аппарата, приобретает исключительное, первостепенное значение. В 1794 г. бретонские шуаны и вандейцы пропустили благоприятный момент для Парижского похода, что имело следствием конечную неудачу всего их движения. В 1919 г. Деникин, отдав свою «Московскую

Генерал-лейтенант
Владимир Зенонович Май-Маевский.
Фотография. 1919 г.

директиву»¹, избежал ошибки Шаретта и Ларош-жаклена. Идея Московского похода соотнобразуется с реальностями гражданской войны и с требованиями политики — этого всесильного элемента войны.

Исследуем на конкретном примере русского полководчества Великой войны взаимоотношения элементов войны — в частности, стратегии и оператики.

Рассмотрим план нашего стратегического развертывания в августе 1914 г. Российским вооруженным силам ставились две задачи: разгром австро-венгерской армии, облегчение французской армии. Первая задача, интересовавшая единственно Восточный театр войны, поручалась Юго-Западному фронту. Вторая, интересо-

¹ Директива № 08878 («Московская директива») — данное 20 июня (3 июля) 1919 г. командующим Вооруженными силами Юга России А. И. Деникиным подчиненным ему частям оперативное-стратегическое целеуказание овладеть столицей РСФСР Москвой. Результатом этой директивы стал так называемый Московский поход Деникина. К концу сентября 1919 г. инициатива была в руках белых, и казалось, что вскоре цель похода будет достигнута. Однако с середины октября наступил перелом, и к концу года деникинцы были отброшены не только от Москвы, но и с занятых ими ранее Киева, Харькова, Донбасса и др.

вавшая всю совокупность театров войны, поручалась Северо-Западному фронту.

Русское полководчество ведется в 1914 г., так сказать, в двух измерениях — политико-стратегическом (Северо-Западный фронт) и оперативно-стратегическом (Юго-Западный фронт). Сама жизнь делала русского главнокомандующего в продолжение всего первого месяца войны «общесоюзным» главнокомандующим.

Поход в Восточную Пруссию был настоятельно необходим. Облегчение Франции политически было более важно, чем разгром Австро-Венгрии, важный стратегически. Для Восточного театра войны, взятого в отдельности, как бы изолированного в безвоздушном пространстве, Юго-Западный фронт, разумеется, был главным, Северо-Западный фронт — второстепенным. Но для всей войны, совокупности ее театров, главная роль принадлежала именно Северо-Западному фронту, как наиболее ярко представлявшему всемогущий принцип войны — принцип политический.

Приступая к операции, хирург исследует предварительно не только оперируемое место организма, но и сердце. «Оперируемое место» Восточного театра войны заключалось на Юго-Западном фронте, но «сердце» билось на Северо-Западном.

Допустим, что все усилия были бы обращены исключительно на разгром Австро-Венгрии, а Северо-Западному фронту дана лишь пассивная задача и слишком малочисленные силы. Россия разбила бы Австро-Венгрию. Германия разбила бы Францию. Что произошло бы в этом случае?

В октябре русские армии Юго-Западного фронта, разбив австрийцев и преследуя их по пятам, втянулись бы в коридор между Вислой и Карпатами — в австрийскую Силезию. Вывести их из боя, отвести назад по бездорожью для современного парирования германского нашествия было бы невозможно, во всяком случае трудновыполнимо. И тридцать опьяненных победой во Франции германских корпусов обрушились бы от Торна на Варшаву и дальше на Люблин, на сообщения и тылы нашего Юго-Западного фронта, зарвавшиеся армии которого были бы, кроме того, связаны австрийцами (опыт показал нам, что невозможно сокрушить одним, двумя сражениями великую державу; Австро-Венгрия же была великой державой, а ее армия — армией великой державы). Сокрушительный удар германских армий в тыл, удар

воспрянувших австрийцев с фронта — и четыре наших армии Юго-Западного фронта были бы пойманы в мешок.

Стратегически наше развертывание 1914 г. безупречно, ибо отлично сочетается с двойной задачей русских вооруженных сил. Оперативчески оно чрезвычайно неудачно, армии «нарезаны» по одному шаблону, главное операционное направление выражено как нельзя менее отчетливо: на Северо-Западном фронте оно вообще отсутствует, на Юго-Западном выражено неясно (и к тому же ошибочно). Этот вопрос будет разобран нами в своем месте, а именно при разборе ведения войны и самого главного из его принципов — глазомера.

Начиная с октября 1914 г. русскому полководчеству приходится считаться с вводной данной, совершенно изменяющей ход войны. Мы имеем в виду крупнейшее для России политическое событие Мировой войны — выступление Турции. С этого момента Россия изолировалась от остального мира и обрекалась на постепенную смерть от удушья. Вместе с тем появление Турции в стане врагов, в связи с чрезвычайно благоприятно сложившейся для России дипломатической обстановкой (Англия вынуждена быть на нашей стороне), делали возможным удовлетворение великодержавных чаяний России.

Политика и стратегия властно требовали как «хирургическую операцию» по устранению удушья, так и сообщения войне великодержавного характера. То, что было упущено в 1878 г., само давалось нам в руки в 1915 г. Турецкий фронт стал главным, великодержавным фронтом России. Австро-германский фронт сразу становился политически и стратегически второстепенным (оперативчески, само собой разумеется, он продолжал оставаться главным, поглощая 95 процентов всех вооруженных сил).

Политический орган страны — ее правительство — смутно, но все-таки отдавало себе отчет в огромной важности Турецкого фронта, и в апреле 1915 г. в Одессе и Севастополе были собраны десантные войска, силой около двух корпусов, для овладения Константинополем и форсирования проливов. Все силы были прикованы борьбой за Дарданеллы — Босфор и Константинополь были почти что беззащитны. Можно было, кроме того, рассчитывать на содействие Греции, а может быть, и Болгарии.

Но стратегический орган — Ставка — не дорос до понимания великодержавного элемента в политике и политического элемента в стратегии.

Растерявшись после горлицкого разгрома, Ставка отозвала в Галицию войска, предназначенные для десанта на Царьград — для главной русской операции Великой войны. В Галиции эти два корпуса не принесли никакой пользы, будучи введены в бой (Радымно, Любачев) пачками, бессистемно — побригадно, чуть ли не побатальонно. Они лишь увеличили потери 3-й армии, и без того тяжелые. На Босфоре они могли бы решить участь всей войны — на Сане оказались лишь песчинкой, вовлеченной в водоворот всеобщего отступления. Ставка была поставлена перед дилеммой: Константинополь либо Дрышов, и она выбрала Дрышов.

Причину этого ослепления надо видеть в том, что и великий князь Николай Николаевич, и генерал Данилов, подобно генералу Людендорфу, — полководцы рационалистической формации. Это были ученики Мольтке — позитивисты, априори отрицающие значение духовного элемента и считающиеся лишь с весовыми элементами. Им и в голову не может прийти соображение, что взятие Царьграда возбudit в обществе и всей стране такой подъем духа, что временная утрата Галиции, Курляндии и Литвы пройдет совершенно незамеченной, и Россия обретет неисчерпаемые силы для успешного продолжения войны. Не видели они и политических последствий этой величайшей победы русской истории (Мольтке мог не заниматься политикой; за его плечами все время высилась исполинская фигура Бисмарка).

Возглавление армии императором Николаем Александровичем было шагом вперед в придании войне великодержавного характера. Десант для овладения Царьградом под руководством адмирала Колчака был назначен на апрель 1917 г.

Но Бог судил иначе. Все сроки были уже пропущены, удуше уже наступило. Стратегия не позволяет издеваться над собой безнаказанно, и зря загубленные на Сане пластуны мстили за себя.

* * *

Изложенные примеры в достаточной степени позволяют судить нам о взаимоотношениях и взаимной подчиненности элементов полководчества.

Политика и стратегия, оператика и тактика — суть множители полководчества. Они представляют собой известные положительные величины. При недооценке какого-нибудь из этих множителей, умалении его, превращении его

Генерал-фельдмаршал
граф Хельмут Карл Бернхард фон Мольтке.
Фотография. 1850 г.

в «правильную дробь» уменьшается все произведение, умаляется все полководчество. Людендорф в 1918 г. недооценивает стратегию и, не смотря на превосходную оперативку и тактику, результаты невелики — произведение меньше отдельных сомножителей, как это всегда бывает при умножении на правильную дробь. При игнорировании одного из этих элементов сомножителей, приравнении его к нулю, все произведение обращает в нуль, каково бы ни было достоинство прочих элементов. Пример — проект генерала Врангеля идти на соединение с Колчаком, проект, где оперативка приравнена к нулю.

Давая эту математическую метафору, мы считаем долгом предупредить читателя, что дается она лишь в виде пояснения взаимоотношения элементов полководчества, и ее ни в коем случае не следует понимать математически и не развивать ее, дабы не впасть в один из семи смертных военных грехов, именуемый позитивизмом.

Нет более несходных понятий, нежели математика и военное дело. Математика имеет дело с отвлеченными величинами, военное дело — с живыми людьми, их достоинствами и их недостатками. Математические величины

обладают общими свойствами и соизмеримы между собой. Военные величины такими свойствами не обладают. Политика, стратегия, тактика, будучи сомножителями одного и того же произведения, лежат в различных плоскостях и между собой несоизмеримы. Найти их «общий наибольший делитель», как и привести их к «общему знаменателю», совершенно невозможно и немислимо. В математике единица всегда равна единице — в военном деле никогда. Политическая «единица» не равна, например, оперативной «единице» и не соизмерима с ней. В «духовной единице» — и плюс материальная единица и еще что-то, чего тремя измерениями Евклида постигнуть нельзя.

Поэтому дополним математическую метафору пояснением, что стратегический элемент всегда сильнее тактического (как политический сильнее стратегического). Хорошая стратегия всегда исправит посредственную тактику, тогда как искусство и героизм ротных командиров никогда не выправят промахов главнокомандующего.

И мы закончим эту главу приведением древней пословицы: «Лучше стадо ослов, предводимое львом, чем стая львов, предводимая ослом». Пословица эта вечно останется справедливой, и справедливость ее не раз уже, со смерти последних екатерининских орлов, пришлось испытать на себе львиной стае, именуемой Русской армией.

Глава VIII ТАКТИКА И ТЕХНИКА

Иследуем взаимоотношение тактики и техники. Величайшему военному гению свойственны общечеловеческие заблуждения, и Наполеон как-то обмолвился неудачной фразой: «Новая техника, новая тактика», неправильно сформулировав основной закон эволюции военного искусства. Из этой неправильной формулировки поверхностный ум склонен сделать заключение о подчинении тактики технике.

Наполеон был гений. Как гений, он чувствовал превосходство духа над материей (откуда его изречения, что «война на три четверти зависит от моральных факторов» и о «неимоверной силе духа, необходимой полководцу» и др.). Однако ум его — математический, т. е. материалистической формации. Изречение его о технике и тактике, как некоторые иные, носит след этой материалистической формации. Это надо иметь в виду.

Сделав эту оговорку, проследим влияние друг на друга тактики и технических факторов. Оба они, тесно сплетаясь, образуют ряд звеньев одной и той же цепи. Звенья эти, тактические и технические, входят одно за другое. Посмотрев в корень, добравшись до первого звена этой цепи мы увидим, что это первое звено — тактическое. Сперва додумались до войны, а лишь затем до оружия. Война создала потребность оружия, а не наоборот.

Не заглядывая в даль веков, исследуем лишь взаимоотношения тактики и техники в новейшее время, рассмотрим последние звенья нашей цепи — чередование моментов тактических и технических.

1. Революционные и наполеоновские войны выдвинули массовые армии, а массовые армии создали новую тактику (вне всякой зависимости от техники). Тактика эта характеризовалась стрелковыми цепями (элемент огня), за которыми следовали «колонны к атаке» (элемент удара).

Новая тактика потребовала нового оружия. Ведение стрелкового боя требовало скорозаряжающегося ружья, массовые колонны, в свою очередь, являлись слишком заманчивыми целями, чтобы не стимулировать изобретательность конструкторов.

2. Дрейзе сконструировал свое игольчатое ружье. Новое оружие появилось как раз в той армии, которая наиболее полно и последовательно восприняла новую тактику. Пруссия, кроме того, одна сохранила «народную армию», и эта армия, при коротком сроке службы, естественно, более других нуждалась в простом устройстве скорозарядном ружье.

3. На это новое оружие техники тактика ответила рассыпным строем всего боевого порядка.

4. Рассыпной строй усложнил технические задачи (являющиеся в первую очередь проблемами поражаемости). Магазинное ружье не явилось удовлетворительным выходом из положения, и на рассыпной строй тактики техника смогла ответить в полной мере лишь машинным огнем пулемета.

5. На машинный огонь техники, тактика ответила расчленением боевого порядка в глубину.

Мы видим, таким образом, что, начиная с пещерного человека, в первый раз догадавшегося запустить камнем в соперника, до Максима Шнейдера и Круппа техника выполняет задачи, поставленные ей тактикой. Идея скорострельного ружья носилась в воздухе при Ваграме и Бородино, как идея пулемета чувствовалась при Сен-

Прива и Плевне. Техника никогда не творит вне времени и пространства. Ее работа указывается, более того, властно диктуется тактикой. Техник исходит из определенных современных ему тактических предпосылок. Дрейзе мог сконструировать игольчатое ружье, но он не мог сконструировать пулемет, как не додумался бы до пулемета и Максим, живи он в эпоху наполеоновской тактики.

Тактика — порождение духа властвует над техникой — порождением материи. Совершенно ошибочно, например, утверждение, что огромная пропорция артиллерии в Русской армии XVIII века объясняется тем, что Россия того времени «занимала первое место по выплавке чугуна». Большое количество пушек объясняется не этим методом исторического материализма, не тем, что пушки эти отливали с горя, не зная, куда девать избыток чугуна, а тем, что все наши тогдашние уставы (вспомним хотя бы Шувалова) отводили артиллерии первое место и проводили резко выраженную, даже утрированную огневую тактику. Абсурдно и утверждение материалистической школы, что производство бессемеровской стали открыло собой новую эру тактики (иные говорят, даже стратегии). В этом случае тактика создала новую эру техники, использовав бессемеровскую сталь в своих целях. Плод техники созрел в лучах солнца тактики.

* * *

Новая техника влечет за собой не новую тактику, а всего лишь новые тактические навыки. Тактика может измениться коренным образом от причин, совершенно независимых от техники (например, при переходе вербовочных армий на систему вооруженных народов). Природа тактики совершенно не должна измениться от технических условий, ибо она лежит вне досягаемости техники, будучи производной величиной военной доктрины. Военная же доктрина вытекает из доктрины национальной.

Ошибочность принципа «новая техника — новая тактика» — принципа, подчиняющего тактику технике — с особенной силой сказались на примере французской армии 1870 г.

В 1867 г. эта армия была перевооружена винтовкой Шасспо, по справедливости считавшейся лучшим ружьем в мире. Восторг техников немедленно сказан на Полевом уставе 1867 г., в основу которого легло положение: «При наличии нового оружия — все преимущества на сто-

роне обороняющегося. Оборонительный образ действий явится поэтому наиболее выгодным для пехоты, позволяя ей использовать в полной степени качества ее нового оружия». Никогда еще принцип «новая техника — новая тактика» не формулировался столь отчетливо.

С этой винтовкой и с уставом, порожденным ею, французы выступили на злополучную для них войну. Пассивность французской армии в августовских боях вокруг Меца — Фроссара при Форбах, Ламиро при Гравелоте, Канробера при Сен-Прива — объясняется именно этим уставом, переоценкой технических средств, стремлением подчинить тактику технике. Французские командиры заранее отказывались от наступления. Они прежде всего выбирали позицию (и в большинстве случаев отлично выбирали) с возможно лучшим обстрелом, занимали эту позицию, все дальнейшее ведение боя предоставляли «маршалу Шасспо». Имей французская армия 1870 г. свои старые сольферинские «табакерки», кто знает, быть может, при Гравелоте и Сен-Прива повторился бы порыв войск и почин командиров Инкермана и Мадженты. И войска, и командиры полупрофессиональной армии Второй империи были ведь те же!

Из этого, конечно, не следует делать скоропелого заключения «долой технику!». Не «долой технику», а «технику — на ее место». Техника — всего лишь инструмент тактики, средство, отнюдь не спасающее от проигрыша сражения, но заставляющее победителя — коль скоро техническое превосходство не на его стороне — покупать свою победу зачастую непомерной ценой, как о том свидетельствует Сен-Прива и Марна.

Чем шире область данного элемента войны, тем важнее этот элемент. Лучшая тактика побеждает лучшую технику (победы германских командиров 1870 г. над лучшей в мире винтовкой Шасспо), как лучшая стратегия побеждает лучшую тактику (победа на Марне французской армии, имевшей хорошую стратегию, хотя и плохую тактику, над германской армией, имевшей плохую стратегию, хотя и при лучшей тактике), как лучшая политика одолевает лучшую стратегию.

Не «новая техника — новая тактика», а «новая тактика — новая техника». Превосходство тактики над техникой — явление того же порядка, что и превосходство политики над экономикой, искусства над ремеслом, головы над брюхом и духа над материей.

Глава IX ПУЛЯ И ШТЫК

Пуля — выразительница огня. Штык — выразитель удара. Пуля — огонь — характеризует бой. Штык — характеризует победу.

На огне зиждется материальное могущество армии. На штыке — моральное. Штык — ее престиж, более того — престиж государства. Величайшая империя держалась на магическом обаянии трех слов. И эти три слова были: граненый русский штык. В этих трех словах — ужас Фридриха II, войска которого после Кунерсдорфа отказывались принимать бой с русской армией. В них и растерянность Наполеона, услышавшего вечером эйлаусского побоища от лучшей своей дивизии — дивизии Сент-Илера — вместо традиционного: *Vive L'Empereur!* совершенное новое, никогда еще неслыханное: *Vive la paix!*¹

Если мы под «пулей» будем понимать огонь, а под «штыком» удар, то их сочетание даст нам маневр — характерный элемент боя. Маневр представляет сочетание элемента огня и элемента удара (мы имеем в виду наступательный маневр, единственно способный принести решение).

Сочетание в маневре элементов огня и удара — их пропорции — является переменной величиной, изменяясь в зависимости от национальных особенностей данной армии, господствующих в данную эпоху тактических доктрин (критерием чего являются уставы), а также от настроения данного момента (победитель, как правило, повышает значение ударного элемента; побежденный, боясь удара, все свои упования полагает на огонь). Короче, пропорция «пули» и «штыка» зависит отданной армии, данной эпохи, данного момента. При этом огонь — достояние рациональности, а «штык» — иррационален.

Глубоко ошибочно материалистическое положение, в силу которого «с развитием техники повышается значение элемента огня и понижается значение элемента удара». Мы только что видели, что техника, существенно влияя на тактические навыки, бессильна повлиять на саму природу тактики, лежащую в совершенно иной плоскости. Армии середины XVIII столетия с их кремневыми ружьями проводили гораздо более резко выраженную огневую тактику, чем вооруженные магазинными ружьями и скорострельными пушками армии конца XIX и начала

XX века. Фридрих II смотрел на свою пехоту как на «машину для стрельбы». Шувалов мечтал обратить всю тогдашнюю русскую армию в артиллерийскую прислугу.

* * *

Первая молодость нашей армии — эпоха со смерти Петра I до Румянцева — проходит под знаком увлечения производством огня и копирования тогдашней прусской огневой тактики.

И тот день 19 августа 1757 г., когда при Гросс-Егерсдорфе, в первом сражении с хваленой прусской армией, Румянецев, схватив апшеронский и белозерские батальоны, стремительно повел их напролом сквозь чащу на ошеломленных пруссаков, стал знаменательным моментом нашей военной истории. С этого момента у нас стал возможен Суворов, стала возможной «Наука побеждать».

Заслугой Румянцева был вывод русской армии из рутин. Пронизываясь сквозь егерсдорфские лесные чащи, русские полки румянцевского авангарда были символом всей армии, выходящей из дебрей рутин на широкий простор национального творчества и великих дел.

А вечной славой Суворова было установление закона равновесия между огнем и ударом, пулей и штыком.

Это равновесие было утрачено нашей армией после суворовского периода в плацпарадную эпоху первой половины XIX века, когда на ружья стали смотреть только как на амуниционную принадлежность для отработки приемов, отнюдь не как на огнестрельное оружие.

Кавказские и особенно туркестанские войны с храбрым, но неорганизованным и сильно впечатлительным противником показали огромное психологическое значение (специально в этих условиях) залпового огня. Залповая стрельба мало-помалу стала главным видом огня всей нашей пехоты. Ее особенно культивировали (в ущерб прочим видам стрельбы), и предметом гордости, венцом работы ротного командира этого доброго старого времени был выдержанный залп полуроста берданок, в котором бы ни один не сорвал. Рота считалась тогда «отлично стреляющей». Параллельно с этим велось Драгомировым и его последователями усиленное насаждение лжесуворовского принципа «пуля дура — штык молодец»: нарочитое умаление свойств огня и экзальтация штыка — главного и непобедимого оружия «святой серой скотинки».

¹ «Да здравствует император!», «Да здравствует мир!» (фр.)

Битва при Гумбиннене 4 августа 1914.

Итальянская открытка 1914 г.

Результат — Тюренчен. Наш залповый огонь — декоративный, но, конечно, недействительный, поразил своим архаизмом японских офицеров и полубеспристрастного свидетеля — сэра Яна Гамильтона. Сибиряки 11-го полка пошли в атаку «колоннами из середины», и Куроки мог бы сказать о русских при Тюренчене то же, что Сент-Арно сказал на Альме: «Они отстали на полстолетия».

За последовавшие затем десять лет русская армия наверстала все упущенное. Более того, ни одна армия не отводила в своих уставах и наставлениях огню такое почетное место, как наша. Ни в одной армии стрелковое дело, применение к местности, самоокапывание не культивировались так тщательно, как у нас. И вот кампания 1914 г. показала, что дело во все не в одной отличной стрелковой подготовке и не в скорости самоокапывания (как бы эти вещи сами по себе и ни были полезными и как бы ни изумлялись немцы и особенно австрийцы способности русской пехоты «моментально вращаться в землю»).

Оба элемента боевого маневра — огонь и удар — были в русских войсках, безусловно,

высшего качества, нежели в австро-германских, хуже стрелявших и не имевших той моральной «штыковой традиции». Но сочетание этих элементов в неприятельской (в частности германской) тактике было гораздо более удачным, и качество неприятельского маневра поэтому гораздо выше. Техническое неравенство и разительное превосходство неприятельской стратегии дополняли картину, углубляли тактическое неравенство и создавали ту тяжелую и печальную обстановку, в которой пришлось работать русской армии в Великую войну.

Воевавшие в августе 1914 г. армии придерживались трех различных тактических начал: 1) преимущественно ударных — французская и австро-венгерская армии, 2) преимущественно огневых — русская, 3) ударно-огневая — германская.

Эта последняя армия добилась в 1914 г. наиболее крупных и наиболее блестящих тактических успехов как на Востоке, так и на Западе (проиграв в то же время войну стратегически). Гармония между огнем и ударом, между «пулей» и «штыком» была осуществлена в ней наиболее полным образом.

Мнение, что германская армия придерживалась в 1914 г. «чисто огневой тактики», ошибочно. Вспомним хотя бы их XVII корпус под Гумбинненом — пехоту в густых цепях, офицеров верхами, артиллерию, становившуюся на открытую позицию. Это — германский Тюренчен. Прочтем описание прорыва из сольдауского мешка остатков доблестного Ревельского полка, которому пришлось пробиваться сквозь густые массы немцев, обрушивавшихся в штыки с пением протестантских хоралов. На Западе было то же самое.

Моменты чисто ударной тактики шли у немцев, однако, рука об руку с моментами чисто огненной тактики. Сильным их местом именно и было умелое и быстрое чередование этих моментов, наподобие шотландского душа¹. Собирая огневые средства в кулак, они создавали на «обреченном» неприятельском участке огненный ад, а затем обрушивались туда, доводя опять свой удар до определенной степени напряжения.

В противоположность густой концентрации, насыщенности германской огневой тактики, русская огневая тактика поражала своей слабой концентрацией, своим, так сказать, «жидким раствором». Вся система нашего огня построена была на неуместной симметрии. У немцев огонь был сосредоточен: германский командир артиллерийской бригады стремился собрать огонь всех своих батарей в кулак. Русский же нарезал своим батареям шесть совершенно одинаковых участков по фронту. Немец был кулаком, мы — растопыренными пальцами. Техническая наша слабость при таких условиях являлась еще более ощутимой, и это несмотря на блестящую стрельбу наших артиллеристов, качеством значительно превосходящую таковую же немцев.

Мы видим, таким образом, всю огромную важность разумного сочетания моментов чисто огневой тактики с моментами тактики ударной. Одна подготавливает победу, другая ее пожинает, причем и та, и другая должны быть доведены до крайней степени интенсивности и сосредоточения. Одностороннее «штыкопоклонство», конечно, столь же абсурдно, как и одностороннее «огнепоклонство». В одном случае — Тюренчен, в другом — Гумбиннен, где нерешительный командир III корпуса не осмелился поднять из-за укрытий свою пехоту и взять голыми руками Ма-

кензена и его корпус, разгромленный нашими 25-й и 27-й артбригадами.

* * *

Посмотрим, как осуществил равновесие между огнем и ударом великий Суворов.

Суворовская «Наука побеждать» — катехизис, подобно которому не имеет и не будет иметь ни одна армия в мире, в своей философской основе изумительно полно отражает дух православной русской культуры. Оттого-то она и сделалась «наукой побеждать», оттого-то она и завладела сердцами чудо-богатырей Измаила и Праги.

Исследователи этого величайшего памятника русского духа, русского гения, впадают в одну и ту же ошибку. Романтики и позитивисты, «штыкопоклонники» и «огнепоклонники», они читали своими телесными глазами то, что писалось для духовных очей. Неизреченная красота «Науки побеждать», ее глубокий внутренний смысл остались для этих «телесных» глаз сокрытыми.

Наиболее блестящий из комментаторов Суворова, но в то же время менее всех его понявший, М. И. Драгомиров, пытался, например, резюмировать всю суворовскую доктрину крылатой фразой: «Пуля дура — штык молодец!»

Фраза эта взята, выхвачена из другой, и ей придан тенденциозный смысл. Суворов сказал иначе: «Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко — пуля обмишурится, штык не обмишурится, пуля — дура, штык — молодец!»

Суворовское изречение приобретает здесь, на своем месте, совершенно иной смысл — свой настоящий смысл.

Перенесемся мысленно в обстановку, в которой протекала деятельность Суворова. Со времен Миниха, а особенно Шувалова, активно оборонительные петровские начала ее все более уступают место началам чисто пассивным. Уставы 1755-го (Шувалов) и 1763 г. (Чернышев), пытающиеся навязать нам прусские линейные боевые порядки, прусскую огневую тактику и строящие бой исключительно на огне развернутого строя, не оставляют на этот счет ни малейшего сомнения.

Суворов боролся с этим злом. Ему приходилось преодолевать невероятную рутину, инерцию среды. Для преодоления этой рутины, этой инерции были нужны сильные средства, яркие образы, лапидарные формулы. «Пуля дура, штык молодец» и была одним из таких подчеркива-

¹ Шотландский душ — разновидность душа Шарко, его контрастный вариант.

ний — подчеркнутым концом фразы, отнюдь не самостоятельным предложением, как хотел представить эти четыре слова М. И. Драгомиров.

* * *

Если характеризовать все суворовское обучение одной фразой, крылатыми словами, то, конечно, это не будет «пуля — дура», а совершенно иное положение: «Гренадеры и мушкетеры рвут на штыках, — говорил Суворов, — а стреляют егеря». Это разделение боевой работы и проводится им неукоснительно еще в Суздальском полку. Но при этом он требует «скорости заряда и цельности приклада» и от grenадер с мушкетерами, а «крепкого укола» и от егерей. Каждому свое, а «Наука побеждать» — всем.

Суворов всегда отдавал должное огню. Напомним только его сражения. Под Столовичами он не атакует сразу Огинского, а сперва расстреливает огнем необстрелянные войска коронного гетмана. Под Гирсово его отряд расстреливает из шанцев втрое сильнеешего неприятеля. При Козлудже, опрокинув турецкий авангард и подступив к турецкому лагерю, Суворов начинает четырехчасовую артиллерийскую подготовку (которая по тем временам может считаться исключительно длительной). Артиллерийская подготовка атаки Фокшанского монастыря короче, но и она занимает час времени. А батальонный огонь рымникских каре?

В то время как во всей армии на стрельбу отпускалось по три патрона в год на человека, в одном полку отпускалось не три, а тридцать. Нужно ли говорить, что это был Суздальский полк полковника Суворова?

Но Суворов ценил лишь хороший огонь — стрельбу, а не пальбу. Премьер-майором в Казанском полку он был при Кунерсдорфе. Он помнил, как быстро, бешено, отчаянно — и безрезультатно — пала оробевшая прусская пехота в тот навеки славный момент, когда на нее по трупам зейдлицких кирасир пошли в штыки каре Салтыкова.

Противники «драгомировской романтики» — позитивисты грешат против памяти Суворова иным образом. «Во времена Суворова, — рассуждают они, — пуля была всего на сто шагов и могла считаться “дурой”. Теперь она бьет на три тыся-

чи шагов. Меткость увеличена во столько-то раз, огневые средства части возросли во столько-то десятков раз. Следовательно, в “Науке побеждать” нужно делать поправку на современные обстоятельства. Да и сам Суворов, живи он в наши времена, конечно, того бы не утверждал».

Подобный подход к делу — чисто материалистический. Бессмертие гения, будь то Суворов, Шекспир либо Рубенс, и заключается именно в том, что творчество их остается всегда полноценным. Рубенсовским кавалерам не надо подмалевывать смокингов на том основании, что при «современных обстоятельствах» никто кружевных воротников не носит. Все положения «Науки побеждать» верны и останутся верны до той поры, пока не перестанет биться последнее солдатское сердце.

«Может случиться против турок, что пятисотенному каре надлежит будет прорвать пяти- или семитысячную толпу — на тот случай бросится он в колонну». Ученые позитивисты пожмут плечами: разве это современно? Кто сейчас воюет «кареями» и «колоннами»? Да и турки давно уже не дерутся толпой. Ясно, что это положение «Науки побеждать» устарело!

Но пусть они потрудятся прочесть это не телесными глазами, а духовными очами — и Бжезинский прорыв германцев из русского мешка под Лодзью сразу станет им ясен и «научно обоснован». И смогут оценить всю преступность куропаткинской формулы: «С превосходящими силами в бой отнюдь не вступать».

Командуй Суворов полком в наше время, он, конечно, выразился бы так: «Гренадеры и мушкетеры рвут на штыках, а стреляют пулеметчики». И это опять-таки не мешало бы ему отпускать на каждого grenадера и мушкетера, как в те времена, патронов в несколько раз больше принятой нормы. И так же добиваться от стрелков и ружейных пулеметчиков убийности стрельбы («редко да метко»), И так же внушать им, что «пуля обмишугается, штык не обмишугается». Ибо горе той пехоте, которая хоть на миг допустит мысль, что ее штык когда-нибудь сможет «обмишугаться». Такая пехота разбита еще до начала боя, ее не спасет никакая пальба и ее ждет участь прусской пехоты «франфорской баталии».

А эпиграфом к «Науке побеждать» должно поставить: «Могий вместити, да вместит»...

Часть третья.

О ВЕДЕНИИ ВОЙНЫ

Глава X

ПРИНЦИПЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ. ГЛАЗОМЕР, БЫСТРОТА, НАТИСК

К бессмертной формулировке Суворова нельзя ничего ни прибавить, ни убавить. Глазомер, быстрота и натиск были, есть и останутся тройным принципом как ведения войны, так и ведения боя.

Эти три элемента всеильны и в политике, и в стратегии с оператикой, и в тактике.

* * *

Первое место Суворов отводит глазомеру.

Глазомер — замысел. Оценка обстановки. Быстрота и натиск — выполнение. Использование обстановки.

Первенство глазомера тем явственнее, чем шире данный элемент войны. Чрезвычайно важный уже в тактике и оператике, он царит самодержавно в стратегии. Что же касается политики, то вся она не что иное, как глазомер правителя.

Глазомер без быстроты и натиска — сражение вничью. Это зимняя кампания Беннигсена 1807 г. Это медлительность Потемкина, давшая нам Очаков, но упустившая Царьград. Быстрота и натиск без глазомера — непоправимая катастрофа. Это безрассудный наскок Гитлера в 1939 г.

Следующий после глазомера элемент — быстрота — приобретает особую ценность в оператике.

Наконец, натиск — добродетель по преимуществу тактическая. В стратегии натиск иногда излишен, ибо может мешать глазомеру. В политике же часто губелен, затмевая глазомер, как то трагически показывает опыт Гитлера — азартного игрока и мистика, но отнюдь не государственного человека.

Глазомер — природная добродетель, развиваемая практикой. Быстрота во многом зависит от технических возможностей (сети дорог и состояния этих последних). Что касается натиска, то это качество — само по себе природное — находится в прямой зависимости от тактики данной армии и данной эпохи. Французская армия, проявившая исключительный натиск в Крыму и Италии, в кампанию 1870 г. держалась пассивно благодаря принятому ею за два года до того уставу.

Гармония между глазомером, быстротой и натиском не всегда удается и военному гению. Бонапарт в Италии, Наполеон в 1805 и 1806 гг. дал классические ее образцы. Тот же Наполеон в кампанию 1813 г. показал полное отсутствие глазомера, раздробив и разбросав свои силы по крепостям Германии и приняв Лейпцигскую битву в исключительно невыгодной обстановке. Подобного рода промахи мож-

но наблюдать и у других мастеров военного дела (причем всегда страдает глазомер). Один только Суворов дал нам непревзойденный образец этой гармонии за все время своего орлиного полета от Столовичей до Муттенской долины.

Глава XI О КОАЛИЦИОННОЙ ВОЙНЕ

Основным правилом политика в коалиционной войне должна быть полная свобода действий. Государство должно вести войну, поскольку это требуют его интересы. Оно обязано прекратить военные действия и выйти из состава коалиции, лишь только продолжение войны окажется невыгодным и его интересы не соблюдаются союзниками.

Никогда не следует заключать предварительных соглашений и составлять торжественные декларации о незаключении сепаратного мира. Этим мы связываем себе руки (самая большая ошибка, которую может допустить плохой политик) и лишаем себя драгоценнейшего орудия дипломатического давления — отказываемся от главного козыря и подписываем пустой вексель, на который недобросовестные соратники могут затем записать все, что им вздумается.

Петр Великий, воюя со Швецией в союзе с Англией, Данией, Пруссией и Польшей и видя, что союзники стремятся загрести жар русскими руками, немедленно выступил из состава коалиции в 1717 г. и стал продолжать войну за свой счет. Он даже предложил Швеции мир и союз (не состоявшийся из-за смерти Карла XII). Это — политика, достойная великого монарха великой страны.

Сазонов закабалил Россию Лондонским протоколом в сентябре 1914 г., связал ей руки и обратил русскую армию в пушечное мясо для чужестранной выгоды. Нельзя было действовать хуже.

* * *

Стратег, подобно политику, должен хранить за собой полную свободу действий.

Не связывать себе рук предварительными военными конвенциями. Эти конвенции столь же нежелательны в стратегии, как декларации о незаключении сепаратного мира нежелательны в политике. Никаких цифр, никаких сроков, никаких формальных обязательств.

Обещать немного. Но все обещанное сдерживать свято.

Маршал Луиджи Кадорна.
Фотография. 1917 г.

Представлять счет за каждую оказанную услугу и, в свою очередь, платить немедленно за услугу союзника. Если по ходу военных операций нам придется таскать из огня каштаны, то потребовать от союзников огнеупорных перчаток.

Выручая Верден в марте 1916 г., мы положили у неразбитой немецкой проволоки у Нарочи 200 тысяч русских офицеров и солдат, надорвали свои силы на весь остаток кампании и не получили от союзников даже простой благодарности, не то что какой-либо компенсации. А итальянский главнокомандующий генерал Кадорна, когда союзники от него в декабре 1916 г. потребовали решительных действий в предстоящую кампанию, заявил им, что не сдвинется с места, пока они ему не пришлют 400 тяжелых батарей. Этот сильный язык был понят и уважен.

Полководец — полный хозяин своей вооруженной силы и своих решений. Он должен принимать к сведению пожелания своего союзного коллеги и сам при случае доводит до его сведения свои пожелания. Но он ни в коем случае не должен терпеть непрошенных советов и сам обязан воздержаться от подачи таковых.

Два с половиной миллиона павших со славой русских воинов мировой войны диктуют нам эти основные правила коалиционной борьбы.

Часть четвертая.

О ВОЕННОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Глава XII

КАЧЕСТВА ВОЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Воинские добродетели можно разделить на две категории: качества вообще необходимые воину, чтобы с честью носить свое звание при всяких обстоятельствах, и качества, необходимые ему при выполнении определенных его обязанностей, как в мирное время, так и на войне. Иными словами — качества основные, общие и качества вытекающие, специальные.

Основных воинских добродетели три: дисциплина, призвание и прямодушие.

Храбрость, которую иные ошибочно полагают главной воинской добродетелью, это только производная этих основных, главных качеств. Она заключена в каждом из них. Часть и люди, сохраняющие дисциплину под огнем, тем самым уже храбрая часть, храбрые люди. Солдат по призванию, твердо и пламенно верящий в это свое призвание, уже не может быть трусом. Наконец, прямодушие — открытое исповедание своей веры, своих взглядов, своих убеждений — откровенность и прямота гораздо выше храбрости, уже по той причине, что это — храбрость, возведенная в квадрат. Храбрость «сама по себе», так сказать, «голая храбрость» — малоценна, коль скоро она не соединяется с одной из этих трех основных воинских добродетелей, которые и рассмотрим по порядку.

* * *

«Субординация, экзерциция, дисциплина — победа, слава, слава, слава...»
Бессмертные слова бессмертной «Науки побеждать».

Суворов дает пять основных понятий в их гениальной простоте и гениальной последовательности. Сперва субординация — альфа и омега всего воинского естества. Потом экзерциция — упражнение, развитие, закалка. Это дает нам дисциплину, слагающуюся из элементов субординации и экзерциции — чинопочитания и совместного учения. Дисциплина дает победу. Победа рождает славу.

Мы различаем по форме дисциплину наружную и дисциплину внутреннюю, по естеству — дисциплину осмысленную. По форме дисциплина всех организованных армий сходна, по естеству же — глубоко различна.

По форме наружная дисциплина заключает в себе внешние признаки чинопочитания, внутренняя — степень прочности этой дисциплины.

Естество дисциплины различно, смотря по армиям, народам и степени духовности этих народов. Мало того, различным историческим эпохам соответствует различная дисциплина.

Русской армии соответствует дисциплина осмысленная по существу, но жестокая по форме. Для сохранения драгоценного содержания стенки сосуда не мешает

иметь сколь можно твердыми. Для сохранения качества дисциплины необходима известная доза автоматизма. Отношение автоматизма к осмысленности то же, что науки к искусству, лигатуры к благородному металлу.

* * *

Что касается второй воинской добродетели — пламенной веры в свое призвание, то в отличие от дисциплины — добродетели благоприобретаемой — она является врожденной.

Пусть молодой человек, колеблющийся в выборе карьеры, посмотрит на растерзанные полотнища знамен. Он сможет разобрать или угадать славянскую вязь: «За отбитие знамен у французских войск на горах Альпийских», «За подвиг при Шенграбене, в сражении отряда из пяти тысяч с корпусом из тридцати тысяч состоявшим», «За отличие при поражении и изгнании врага из пределов России в 1812 г.», «За Шипку и двукратный переход через Балканы». Если эти слова не покажутся ему райской музыкой, если он своим внутренним оком не увидит тут же рядом с собой сенготардских мушкетеров, шенграбенских гусар, бородинских егерей, не почувствует себя в их строю, тогда, значит, военного призвания у него нет и в армию ему идти нечего. Если же он увидел кровавый снег Муттенской долины и раскаленные утесы Шипки, если он почувствовал, что это ему Котляревский крикнул: «На пушки, братец, на пушки!» — тогда, значит, что священный огонек ярко вспыхнул в его груди. Тогда он — наш.

Любить военное дело мало. Надо быть еще в него влюбленным. Эта любовь — самая бескорыстная. Военная профессия — единственная, не приносящая дохода. Она требует все, а дает очень мало. Конечно, в материальном отношении: в моральном это «малое» — огромно.

Но и быть влюбленным в военное дело недостаточно. Надо еще верить в свое призвание, каждую минуту ощущать в тяжелом ранце фельдмаршальский жезл — быть убежденным, что именно тебе, вверенным тебе роте, полку, корпусу надлежит сыграть главную роль, произвести перелом в критическую минуту.

* * *

Третья воинская добродетель — прямодушие. Подобно второй, призванию, она природная, и ее можно испортить превратным

толкованием первой воинской добродетели — дисциплины. Начальник — деспот, грубо — не по-офицерски обращающийся с подчиненными, терроризирующий их безмерно строгими взысканиями, может погубить эту добродетель в своих подчиненных.

Угодничанье (в сильной степени — подхалимство) — худший из всех пороков военного человека, единственно непоправимый, тот отрицательный сомножитель, который обращает в отрицательные величины все остальные достоинства и качества.

Казнокрад и трус терпимее подхалима. Те бесчестят лишь самих себя — этот же бесчестит всех окружающих, особенно же того, перед кем пресмыкается. Воровство и трусость не могут быть возведены в систему в сколько-нибудь организованной армии. Подхалимство и его неизбежное следствие, а именно очковтирательство — могут. И тогда — горе армии, горе стране! Не бывало и не может быть случая, чтобы они смогли опереться на гнущиеся спины.

Мы можем видеть, что если дисциплина имеет корни в воспитании, а призвание вытекает из психики, то прямодушие — вопрос этики.

* * *

Из качеств специальных на первое место поставим личный почин — инициативу.

Качество это — природное, но оно может быть развито — или, наоборот, подавлено — условиями воспитания, быта, духом уставов, характером дисциплины (осмысленной либо автоматической по естеству) данной армии.

«Местный лучше судит, — учил Суворов. — Я вправо, нужно влево — меня не слушать». Эти слова касаются наиболее болезненной и наиболее «иррациональной» стороны военного дела, а именно сознательного нарушения приказа — конфликта инициативы с дисциплиной.

Когда следует идти на этот конфликт и когда не следует? Ведь если «местный лучше судит», то часто «дальний дальше видит».

Всякого рода схематичность и кодификация в данном случае неуместны. Все зависит от обстановки, от средств, имеющихся в распоряжении частного начальника, а главное — от силы духа этого последнего. Это как раз «божественная часть» военного дела.

На рассвете 22 мая 1854 г. Дунайская армия князя Горчакова готовилась к штурму Силистрии. Минные горны были уже взорваны, турецкая ар-

тиллерия приведена к молчанию, войска ожидали условной ракеты, как вдруг фельдгегерь из Ясс привез приказ Паскевича снять осаду и отступить.

Князь Варшавский был преувеличенного мнения о силе турецкой крепости. Горчаков, как «местный», мог бы лучше судить, но не дерзнул послушаться грозного фельдмаршала. И отступление из-под Силистрии, пагубно повлияв на дух войск, свело на нет всю кампанию, ухудшив положение России и стратегически и политически.

Иначе поступил за полтора года до того под Нотебургом князь Михайло Голицын. Три наших штурма были отражены, и войска, прижатые к реке, несли громадный урон. Царь Петр прислал Меншикова с приказанием отступить. «Скажи государю, — ответил Голицын, — что мы здесь уже не в царской, а в Божьей воле!» И четвертым приступом Нотебург был взят.

В последних числах января 1916 г. генерал Юденич решился на штурм считавшегося неприступным Эрзерума, несмотря на отрицательное отношение великого князя Николая Николаевича, не верившего в возможность овладения турецкой твердыней, да еще в зимнюю пору.

Когда в октябре 1919 г. командовавший 3-й дивизией Северо-Западной армии генерал Ветренко отказался выполнить приказание идти на Тосну и перерезать сообщения красного Петрограда, то этим он не проявил инициативу, а совершил преступление. Свернув вместо указанной Тосны на Петроград, генерал Ветренко руководствовался исключительно мотивами личного честолюбия — и этим своим своевољством сорвал всю петроградскую операцию Юденича.

То же мы можем сказать про своеволие генерала Рузского, пошедшего в чаянии дешевых лавров на не имевший значения Львов вопреки приказаниям генерала Иванова и упустившего разгром австро-венгерских армий.

В октябре 1919 г. Московский поход был сорван прорывом Буденного от Воронежа. В это же время I армейский корпус генерала Кутепова разбил под Орлом последние силы красных, прикрывавшие московское направление.

У генерала Кутепова было 11 000 отличных бойцов. Он мог устремиться с ними, очертя голову, на Москву, бросив всю остальную армию, бросив тылы, не обращая внимания на прорвавшегося Буденного. Но он подчинился директиве Главного командования и отступил, «сократив и выровняв фронт». И Кутепов, и его подчиненные были уверены, что это ненадолго, что это — лишь до Курска...

Впоследствии генерал Кутепов сожалел, что не отважился на первое решение и не пошел от Орла на Москву. Психологический момент в гражданскую войну всесильен, взятие Москвы свело бы на нет все успехи Буденного. Но кто постыет упрекнуть Кутепова в нерешительности? В его положении один лишь Карл XII, не задумываясь, бросился бы на Москву. Но это как раз полководец, опрометчивостью погубивший свою армию. Отступить временно на Курск сулило, конечно, большие выгоды, чем прыжок с зажмуренными глазами в пространство. Ведь в случае весьма возможной неудачи гибель была совершенно неизбежной, и погибло бы как раз ядро Добровольческой армии, ее цвет.

Из всех примеров видна вся невозможность провести точную грань между дозволенной инициативой и гибельным своевољием.

Мы можем указать эту грань лишь приблизительно.

Инициатива — явление импровизационного характера. Она уместна и желательна в тактике, с трудом допустима в оператике и совершенно нетерпима в стратегии. Всякая импровизация — враг организации. Она допустима в мелочах, изменяя их к лучшему (в приложении к военному делу — в тактике). Но в сути дела (в военном деле — в оператике и в стратегии) она вредна. 29-я пехотная дивизия генерала Розеншильда-Паулина и 25-я генерала Булгакова решали под Сталлупененом тактические задания. Частный почин Розеншильда, выручившего соседа, — целиком оправдан, это блестящее решение. Дивизия же генерала Ветренко под Петроградом решала (в условиях гражданской войны) стратегическую задачу — никакая инициатива там не была терпима.

Достоинство для тактика, инициатива превращается в порок для стратега.

* * *

Отметим честолюбие и славовлюбие. Желание вечно жить в памяти потомства вообще доказывает бессмертие духа. Со всем этим и честолюбие, и славовлюбие сами по себе — пороки. Подобно тому как яд в небольшом количестве входит в состав лекарства, так и эти два порока в небольшой дозе могут принести пользу в качестве весьма действенного стимула.

Упомянем еще про храбрость. Мы знаем, что сама по себе (не входя составным элемен-

*Анри Феликс Эммануэль Филиппото. Битва при Фонтенуа 11 мая 1745 г.
Переговоры лорда Чарльза Хэя и графа д'Энтероша: «Господа англичане стреляют первыми!».
1873 г.*

том в какую-нибудь из трех основных воинских добродетелей) она особенно высокой ценности не представляет.

Суворов это осознал. Он учил: «Солдату — храбрость, офицеру — неустрашимость, генералу — мужество», предъявляя каждой высшей категории военных людей высшее требование. Это — три концентрических круга. Неустрашимость — есть храбрость, отдающая себе отчет о происходящем, храбрость в сочетании с решимостью и сознанием высокой чести командовать, вести за собой храбрых. Мужество есть неустрашимость в сочетании с чувством ответственности.

В общей своей массе люди — не трусы. Те, кто способны под огнем идти вперед, уже не могут называться трусами, хотя настоящих храбрецов, которым улыбнулся с неба святой Георгий, быть может, пять человек на роту. Остальные — не храбрецы, но и не трусы. Пример неустрашимого командира и храбрых товарищей может сделать из них храбрецов, отсутствие этого примера обращает их в стадо, и тогда губительный пример открытой трусости может все погубить. При этом следует, однако, отметить, что среди трусов преобладает вполне исправимый тип «шкурника». Настоящие же, неисправимые трусы — явление, к счастью для человечества, редкое.

Глава XIII ВОЕННАЯ ЭТИКА И ВОИНСКАЯ ЭТИКА

Под военной этикой мы разумеем совокупность правил и обычаев, как кодифицированных, так и не кодифицированных, которыми противники должны руководствоваться на войне. Под воинской этикой — правила и обычаи, которые члены военной семьи соблюдают при сношении друг с другом и вся военная среда в сношениях с невоенными.

* * *

Конец XVII века и почти весь XVIII век с их «кабинетными» войнами, веденными за государственные интересы профессиональными армиями, были золотым веком человечества. Война велась без ненависти ко врагу, да и «врагов» не было — были только противники, упорные и свирепые в бою, учтивые и обходительные после боя, не терявшие чувства чести в самом жарком деле.

После битвы на Треббии Суворов приказал вернуть шпаги взятой в плен 17-й полубригаде из уважения к двухсотлетней славе и доблести Королевского овернского полка, из коего она

была составлена. За полстолетия до того, при Фонтенуа¹, шотландцы сблизилась на пятьдесят шагов с французской гвардией, продолжавшей безмолвно стоять. Лорд Гоу крикнул французскому полковнику: «Прикажите же стрелять!» — «После вас, господа англичане!» — ответил французский командир граф д'Отрош, учтиво отсалютовав шпагой. Залп всем фронтом шотландской бригады положил сотни французов. Это «*Après vous, messieurs les Anglais!*» стало нарицательным. Свою роль в истории двух народов эпизод этот сыграл — о нем 170 лет спустя напомнил Фошу маршал Френч, когда та самая шотландская бригада пожертвовала собой, прикрыв отход французов в критическую минуту под Ипром.

Современная военная этика — лишь бледная тень той, которая была выработана поколениями воинов за полтора столетия кабинетной политики и профессиональных армий. Всего того запаса чести, отваги и учтивости хватило и на полчища Первой республики — полчища, предводимые офицерами и унтер-офицерами старой королевской армии, смогшими привить своим подчиненным традиции и дух, в которых сами были воспитаны.

Революция 1789 г. с ее вооруженными массами нанесла жестокий ущерб военной этике. Уже столкновения вооруженного французского народа с вооружившимися народами испанским и русским воскресило картины варварских нашествий и религиозных войн.

Профессиональные (и полупрофессиональные) армии сообщали войнам оттенок гуманности, впоследствии совершенно утраченной. Крымская и Итальянская война были последними из больших войн, веденных джентльменами. Уже война 1870 г. и поведение в ней германского вооруженного народа показали всю несовместимость правил морали и воинской этики с интеллектом вооруженных народных масс. О безобразных бойнях 1914 г. — позоре Динана и Лувена²,

¹ *Битва при Фонтенуа* — сражение между французскими войсками, с одной стороны, и союзными силами англичан, армии Нидерландов и ганноверцев у деревни Фонтенуа (на западе современной Бельгии) во время Войны за австрийское наследство. Битва закончилась победой французской армии.

² Имеются в виду два эпизода в начале Первой мировой войны — убийство немцами более 600 жителей бельгийского города Динан, которые подозревались в сопротивлении, и приведший к многочисленным разрушениям и жертвам обстрел германской артиллерией города Лувен (Лёвен), также находящегося в Бельгии, проведенный в отместку за обстрел жителями города немецких солдат.

зверствах в Сербии, развале русской, германской и австро-венгерской армий и отвратительных явлениях, этот развал сопровождавших, нечего и говорить. Заменяя профессиональные «воспитанные» армии свирепыми народными ополчениями, человечество заменило бичи скорпионами, усугубило бедствия войны.

Вместе с тем война неизбежна, как неизбежна болезнь — от нее не избавишься никакими бумажными договорами. Следовательно, человечеству надо устроиться так, чтобы сделать войны легче переносимыми, избавиться от гангрены морального разложения, болезненный процесс которой длится долгие годы после самой войны.

Народное просвещение не может здесь помочь. Тысяча умственно развитых индивидуумов дадут при соединении невежественную и свирепую толпу. Лувенские поджигатели и динанские палачи принадлежали к самой грамотной нации в мире. Решающий фактор здесь — воспитание. И в этой области (как и во всех других областях военного дела) воспитание господствует над обучением.

Изжив психоз «вооруженного народа», придав вооруженной силе характер сколь можно более профессиональный и сообщив нашей жизни сколько можно более церковный дух, мы освободимся от петли, наброшенной на нашу шею доктринерами 1789 г. и их последователями. Войне можно будет тогда придать характер «доброкачественной язвы» вместо злокачественного фурункула, и можно будет опять говорить о военной этике.

* * *

Воинская этика — это совокупность правил, писанных, но главным образом неписанных, которыми члены военной семьи руководствуются при сношении друг с другом.

Полноправными членами военной семьи, так сказать, «достигшими совершеннолетия», можно считать лишь солдат по призванию — офицерский корпус, сверхсрочных и охотников. Только к ним поэтому надо предъявлять требования воинской этики во всей их строгости.

Отношения младших к старшим, подчиненных к начальникам, в достаточной степени очеркнуты уставами — писанными правилами воинской этики. Гораздо менее ясна область отношений старших к младшему.

Каждый начальник, какую бы должность он ни занимал (до Верховного главнокомандующе-

го включительно), должен всегда помнить, что он не просто командует, а имеет честь командовать. Он это обязан помнить как в мирное время, уважая в подчиненном его воинское достоинство, так — и особенно — на войне, когда с честью вверенной ему роты, корпуса либо армии неразрывно связана и их личная честь, их доброе имя в глазах грядущих поколений.

Общее оскудение народного духа в продолжение второй половины XIX и начала XX века повело к постепенному, но чрезвычайно ошутимому снижению воинской этики, и мы имели в Мировую войну сдачу командира XIII корпуса генерала Ключева, сдачу командира XX корпуса генерала Булгакова, сдачу в Новогеоргиевске генерала Бобыря, бегство командира VI корпуса генерала Благовещенского, бегство командующего Кавказской армией генерала Мышлаевского, бегство коменданта Ковно генерала Григорьева.

Исследуем с точки зрения воинской этики наименее тяжелый из этих случаев — сдачу генерала Ключева.

Генерал Ключев по справедливости считался блестящим офицером Генерального штаба и выдающимся знатоком германского противника. Его настоящим местом был пост начальника штаба Северо-Западного фронта. В июле 1914 г. он командовал Кавказским корпусом в Карсе и был вызван по телеграфу в Смоленск для принятия XIII корпуса, командир которого, генерал Алексеев, был назначен начальником штаба Юго-Западного фронта. Свой корпус он нашел уже в пути. Ни начальников, ни войск он не знал, управление корпусом обратилось для него в решение уравнения со многими неизвестными.

Сильно распушенный предшественниками генерала Ключева, корпус вообще не пользовался хорошей репутацией. Мобилизация окончательно расстроила его, лишив половины и без того слабых кадров и разбавив на три четверти запасными. По своим качествам это были второчередные войска — невтянутые и неподтянутые. В недельный срок ни Ключев, ни Скобелев не смогли бы их устроить. Вся тяжесть боев 2-й армии легла на превосходный XV корпус генерала Мартоса. XIII корпус, до самой гибели не имевший серьезных столкновений, пришел с начала похода в полное расстройство. Генерал Ключев — только жертва своего предшественника. Он оказался в положении дуэлянта, получающего у самого барьера из рук секунданта уже заряженный ими и совершенно ему незнакомый пистолет. Проверить правильность зарядки он

не может, бой пистолета ему совершенно неизвестен. И вот, заряжен он был небрежно, и вместо резкого выстрела получился плевок пульей. Стрелок совершенно невиновен. Но если он затем смалодушничает под наведенным на него пистолетом противника, то пусть пеняет на себя.

А это как раз то, что случилось с генералом Ключевым. Он сдался, совершенно не отдавая себе отчет в том, что он этим самым совершает, в том, как повысится дух противника и понизится наш собственный при вести о сдаче такого важного лица, как командир корпуса. Он знал, что командует корпусом, но никогда не подозревал, что он имеет честь командовать. А командир корпуса — человек, при появлении которого замирают, отказываются от собственного «я» десятки тысяч людей, который может приказать пойти на смерть сорока тысячам, должен эту честь осознать особенно и платить за нее, когда это придется — платить, не дрогнув.

Когда за 60 лет до сдачи генерала Ключева, в сражении на Черной Речке командир нашего III корпуса генерал Ред увидел, что дело потеряно, что корпус, который он вводил в бой по частям, потерпел поражение, он обнажил саблю, пошел перед Вологодским полком и был поднят завами на штыки.

Честь повелевала генералу Ключеву явиться в Невский полк храброго Первушина и пойти с ним — и перед ним — на германские батареи у Кальтенборна. Он мог погибнуть со славой либо мог быть взят в плен с оружием в руках, как были взяты Осман-паша и Корнилов. Беда заключалась в том, что он слишком отчетливо представлял себе конец своей карьеры без сабли в крепостном каземате и никак не представлял его тут же — на кальтенборнском поле. Подобно Небогатову, он сдался «во избежание напрасного кровопролития», не сознавая, что яд, который он таким образом ввел в организм армии, гораздо опаснее кровотечения, что это «избежание кровопролития» чревато в будущем кровопролитиями еще большими, что армии, флоту и Родине легче перенести гибель в честном бою корпуса либо эскадры, чем их сдачу врагу.

* * *

Мы подошли теперь к вопросу о капитуляции. Лучше всего этот вопрос был разработан французскими уставами после печального опыта 1870 г. За сдачу воинской части в открытом поле — все равно, при каких обстоятельствах

и на каких бы условиях она ни состоялась — командир подлежит смертной казни.

Что касается капитуляции крепостей, то у нас есть два примера: безобразная сдача Новогеоргиевска генералом Бобырем и почетная капитуляция генерала Стесселя в Порт-Артуре. Не будем бесчестить этих страниц описанием преступления Бобыря. Рассмотрим лучше сдачу Порт-Артура.

Общественное мнение было чрезвычайно сурово к генералу Стесселю, обвиняя его в преждевременной сдаче крепости со всеми запасами боевого снаряжения. Если бы гарнизон состоял из металлических автоматов, крепость, конечно, могла продержаться еще, до истощения всех запасов, но это были люди, и притом люди, бесценно выдержавшие восемь месяцев блокады и шесть месяцев осады, неслыханной в истории.

В том, что японцам был сдан материал, виноват не Стессель, а устав, допускающий такую очевидную несообразность, как «почетная капитуляция». Дело в том, что при заключении таковой победитель первым и неизменно условием ставит сдачу в полной исправности всей артиллерии и снаряжения и, в обмен на воинские почести — на салют саблей, получает сотни орудий и миллионы патронов.

Мы считаем, что единственным выходом из положения может быть не капитуляция, т. е. договор, заключаемый парламентарями, а просто сдача безо всяких условий, но предварительно со взрывом всех верков и приведением в полную негодность всего вооружения. Так поступил в Перемышле генерал Кусманек, благодаря чему наш Юго-Западный фронт не смог воспользоваться богатым перемышльским арсеналом в критическую весну 1915 г., тогда как немцы долгие недели гвоздили французские позиции на Изере артиллерией Мобежа, а новогеоргиевскими пушками экипировали свой эльзасский фронт. Благородный противник отдает воинские почести и в этом случае. А от неблагородного почестей вообще принимать не следует. Они лишь оскорбили бы нашу честь. Защитники форта Во и крепостцы Лонгви отказались принять свои шапки из рук динанских убийц.

Нравне с капитуляцией следует вывести из воинского обихода такое издевательство над присягой, как согласие на привилегированное положение в плену за честное слово не бежать. Это придумал сибарит для сибарита, а не офицер для офицера.

* * *

В общем, воинская этика «снизу вверх» — подчиненных в отношении начальников — заключается в соблюдении писанных правил. Сверху вниз, от начальников к подчиненным — в соблюдении правил неписанных. Соблюсти требования этики начальнику труднее, чем подчиненному: с него больше спрашивается, ибо ему и больше дается.

Два качества лучше всего выражают сущность воинской этики: благожелательность к подчиненным — таким же офицерам, как начальник, и сознание величия «чести командовать».

Глава XIV УМ И ВОЛЯ

Все рассмотренные нами качества военного человека, как основные, так и вспомогательные, в своей основе имеют два начала — «умовое» и «волевое». Равновесие этих двух начал, изумительно полно выраженное в Петре I, Румянцеве, дает нам идеальный тип военного человека, идеальный тип вождя.

Обычно перевешивает один из двух этих элементов, дающий нам начало «по преимуществу умовое» (Беннигсен), либо «по преимуществу волевое» (Блюхер). В первом случае — составители планов, во втором — исполнители.

Бывает гипертрофия одного элемента за счет другого. Чисто умовое начало, при атрофии воли, — Куропаткин, Алексеев. Чисто волевое, при атрофии рассудка, — Карл XII; это явление уже патологического характера, неизбежно влекущее за собой катастрофу.

Ум без воли — абсолютный нуль. Воля без ума — отрицательная величина.

В сфере полководчества преобладание волевого элемента над умовым дает лучшие результаты, чем преобладание умового элемента над волевым. Посредственное решение, будучи энергично проведено, даст результаты всегда лучшие, чем решение идеальное, но не претворенное в дело или выполняемое с колебаниями. Медная монета, непрерывно циркулирующая, полезнее червонца, зарытого в землю. Научная подготовка и интеллект Шварценберга гораздо выше таковых же Блюхера, но огненная душа и неукротимая воля Блюхера ставят его полководчество (несмотря на Бриени и Монмирайль) гораздо выше дел Шварценберга. Не имеющий высшего военного образования Макензен ока-

зывается куда выше эрудита, академика генерала Ключева.

Волевое начало, исходящее от сердца и потому иррациональное, свойственно деятелям военного искусства. Поэтому оно выше умового начала — начала рационалистического и свойственного деятелям военной науки. Воля развивается реже ума, и ее развить труднее, нежели ум. Воля развивается воспитанием, ум — обучением.

Волевое начало свойственно русскому народу, создавшему мировую державу в условиях, при которых всякий другой народ погиб бы. История дает нам таких исполинов воли, как Александр Невский, патриархи Гермоген и Никон, Петр Великий. Оно свойственно и русскому полководчеству.

Салтыков отстоял свою армию от посягательств Дауна и петербургской Конференции. Румянцев довел до конца казалось бы безнадежную осаду Кольберга, хотя созывавшийся им военный совет трижды высказывался за снятие осады. Суворов явил нечеловеческую силу воли под Измаилом, сверхчеловеческую в Мутгенской долине. Кто сможет по достоинству оценить волю Барклая, шедшего против течения и спасшего страну помимо ее стремлений? Кутузов, пожертвовавший Москвой, выявил большую силу духа, чем Наполеон, принявший Лейпцигскую битву. А Котляревский под Асландузом? Гурко, который двинул в лютую зиму российские полки за Балканы?

Уклад, сообщенный нашей армии Александром I по окончании наполеоновских войн (эпоха, неправильно именуемая «аракчеевщиной»), не способствовал образованию, а главное — выдвиганию сильных характеров. Паскевич заморозил армию, Милютин привил ей растлевающий «нестроевой дух», Ванновский обезличил, Куропаткин деморализовал... Это оскудение воинского духа было лишь одной из граней общенародного нашего духовного оскудения, общего ущерба российской государственности.

Волевые натуры встречались и в Восточную войну (Корнилов, Нахимов, Муравьев, Бебутов), и в Турецкую (Радецкий, Гурко, Скобелев, Тергукасов). Но безволие уже начинало брать верх на Дунае и в Крыму — совершенно обезличенный Горчаков и в 1877 г. едва не проигравшие войны великий князь Николай Николаевич Старший и Лорис-Меликов. В Японскую войну суетливый и слабовольный Куропаткин подсекает крылья волевому Гриппенбергу и, наконец, в Мировую войну абсолютно безвольный

Алексеев свел на нет блестящие успехи кампании 1916 г. своими колебаниями, уговорами, переговорами и разговорами.

Волевые натуры были и в Мировую войну: Лечицкий, Плеве, Юденич, Брусилов, граф Келлер. Но русское полководчество определили и сообщили ему характер катастрофический военачальники упадочного типа — Алексеев, Рузский и Эверт. Результат ущерба российской государственности, Алексееву в Ставке соответствует Беляев на посту военного министра, Хабалов на посту командующего войсками Петроградского округа и Протопопов на посту министра внутренних дел.

* * *

Превосходство полководчества «преимущественно волевого» типа над полководчеством «преимущественно умовым» особенно рельефно скажется при сравнении русских военачальников с германскими в 1914 г.

У наших начальников отсутствовала вера в свое призвание, вера в великое будущее Родины и армии, воля схватиться с врагом и победить — победить во что бы то ни стало. Ни горячие, ни холодные, легко и без усилий получавшие чины, отличия и высокие должности, они не чувствовали чести и славы воинского звания, не чувствовали, что они не только командуют, но и имеют честь командовать — и что за эту честь надо платить.

2 июня 1807 г., в день Фридланда, занимавший Кеннигсберг отряд Каменского 2-го был окружен корпусом Бельяра. 5000 русских были окружены 30 000 французами. Бельяр лично отправился к русскому начальнику, изложил ему обстановку и предложил капитуляцию на самых почетных условиях. «Удивляюсь вам, генерал, — холодно ответил Каменский. — Вы видите на мне русский мундир и смеете предлагать сдачу!»

И пробился... Вот о чем не подозревал бедный Ключев!

Германские командиры 1914 г. напоминают в этом отношении наших командиров великого века. Под Сталлупеном генерал Франсуа на приказание отступить ответил: «Скажите, что генерал Франсуа отступит, лишь когда разобьет русских!» — совсем как Каменский 2-й под Оровайсом («Ребята, не отступим, пока не разобьем шведов в пух!»). Правда, Франсуа отступил, не разбив русских, тогда как под Оровайсом Каменский победил. Тот же Франсуа при Сольдау

бросился в бой, не дожидаясь сосредоточения всех сил, словно какой-то незримый немецкий Суворов шепнул ему на ухо: «А у Артамонова нет и половины — атакуй с Богом!» Генерал фон Морген, наступая на Сувалки, доносил Гинденбургу: «Если я и буду разбит, то завтра снова схвачусь с врагом!» Слова, которые мог бы сказать Багратион при Шенграбене.

А Лицман под Брезинами проявил себя подобно Дохтурову под Аустерлицем.

Силу духа немцы черпали из своей национальной доктрины — из «Германия превыше всего» (Шарнхорст, Мольтке, Шлиффен — лишь выразители; Фихте, Клаузевиц, Трейчке — вдохновители). Совершенно как Дохтуров, Каменский и Милорадович черпали свою силу из суворовского: «Мы русские, с нами Бог!»

Развитию же воли у немцев способствовало чрезвычайно высоко поставленное на верхах их воинской иерархии чувство офицерской этики, взаимоотношения между старшими и младшими, отлично проведенная организация офицерского корпуса и порядок прохождения службы, позволявшей выдвигать сильных характеров.

Проблема воли — в первую очередь проблема воинской этики, воспитания и организации офицерства.

Глава XV О ПОЛКОВОДЦЕ

Существует три концепции главнокомандующего.

Концепция Льва Толстого — главнокомандующий, обсадывающий куриную косточку и присутствующий лишь посторонним зрителем драмы, разыгрывающейся совершенно помимо него. Концепция обоих Мольтке — главнокомандующий, руководящий операциями, сидя за сотни верст от фронта у себя в кабинете. Концепция Жоффра — главнокомандующий, направляющий операции лично на месте.

Теории Толстого окончательно изжиты и не представляют интереса. Его отрицание «так называемой стратегии» — это отрицание дикарем писем, в которых он не в состоянии разобраться. «Войну и мир» пишет крупный художник, имевший, однако, в военном деле кругозор севастопольского артиллерии поручика. Он видел кучи мокрой земли и пирамидки ядер на Четвертом бастионе, ощущал холодную слякоть ложементов, слышал визг неприятельских

ядер и заунывные возгласы махального: «Пушка!» — все мелочи, с таким мастерством описанные в «Севастопольских рассказах».

Будучи, в чисто военном смысле, заурядным обер-офицером, он видел отдельные деревья, но не мог охватить всего леса, видел отдельные эпизоды великой севастопольской драмы, но не мог уяснить всего ее хода. Лишенный интуиции, он чувствовал присутствие зримого и ощутимого батарейного командира, но не мог чувствовать незримой воли на этих бастионах сутулого «Павла Степаныча». Вот с этим кругозором он и приступил 15 лет спустя к изображению Наполеона и Кутузова. Для уяснения «Войны и мира» надо сначала прочесть и перечесть «Севастопольские рассказы».

Концепция главнокомандующего, руководящего операциями за сотни верст из своего кабинета, — концепция рационалистическая. Она считается со средствами связи, но совершенно упускает из виду свойства человеческой природы, в первую очередь свойства ближайших сотрудников главнокомандующего — командующих армиями. Отдавая из своего кабинета за сотни верст директивы далеким армиям, Мольтке Младший созерцал в Кобленце закат солнца на Рейне в то время как «план Шлиффена» терпел крушение на Самборе, а две недели спустя меланхолично прогуливался по террасам Люксембургского дворца в то время как его армия на далекой Марне переживала самую большую драму германского оружия. Его директивы, запаздывая в общем на два дня от истинного положения, обратились в мертвую букву. С ними мало-помалу перестали считаться. Командующие армиями забыли, что у них где-то в далеком тылу есть главнокомандующий, и, перейдя к Марне, сражались каждый на свой счет.

Совершенно иначе посмотрел на свою должность Жоффра. Он отдал себе отчет в том, что донесения и радиограммы дают лишь бледное и неясное представление о ходе дел на местах, оценил как следует значение «хозяйского глаза».

В решительные дни последней августовской недели 1914 г. Жоффра предпринял объезд своих командующих армиями, знакомясь на месте с обстановкой и состоянием духа ближайших своих помощников. Он овладел положением и крепко взял в руки начавший было давать перебой механизм. В момент решительного единоборства на Марне все французские армии были пронизаны единой волей своего главнокомандующего.

Концепция двух Мольтке — система управления армиями путем отдачи директив из глубокого тыла, соответствует условиям XIX века, тогдашним средствам связи — железной дороги и телеграфу.

Система Жоффра — личный контакт с главными исполнителями, «хозяйский глаз», пресекающий разнობой — это система XX века с его совершенно новыми техническими возможностями — автомобилем, самолетом и телефоном.

Пагубная система директив способствует стратегической инициативе — то есть анархии. Наоборот, вождение армии «на коротком поводе», путем отдачи ясных, точных и чеканных приказаний, дает возможность главнокомандующему в любую минуту чувствовать пульс операций и владеть положением.

В битве на Марне полководчество XIX века с его порождающим анархию директивами было побеждено полководчеством «на коротком поводе».

Румянцев со своим: «Стой, ребята!» в критическую минуту более жизнен и более современен, чем Мольтке в тиши своего удаленного на сотни верст от поля сражения кабинета.

* * *

Идеальный тип полководца — это, конечно, монарх, с верховной властью сочетающий полководческие дарования. Примеры Петра Великого, Наполеона, Густава Адольфа и Фридриха II показывают нам как огромную выгоду подобного сочетания, так и чрезвычайную его редкость.

Коль скоро монарх не является военным гением или просто талантом, его долг предоставить всю полноту власти облеченному его доверием главнокомандующему. Вмешательство монарха в ведение операций связывает руки главнокомандующему и умаляет его авторитет, рискуя при таких обстоятельствах пагубно отразиться на ходе кампании. Мы можем видеть это на примере Александра I, стеснившего Кутузова в Аустерлицкую кампанию 1805 г., и Николая I, сведшего на нет Витгенштейна в Болгарии в 1828 г. Оба эти государя, впрочем, осознали вред подобного рода вмешательства. Беннигсен в 1807 г., Дибич в Забалканском походе 1829 г. действовали совершенно самостоятельно.

Однако передав необходимую полноту власти главнокомандующему, монарх обязан лично вмешиваться в его распоряжения всякий раз,

когда высшие интересы государства — интересы политики — того требуют. Политика никогда не должна терять контроля над стратегией.

Решение императора Александра I на совете в Сомпюи идти на Париж, вопреки Шварценбергу и союзным кабинетам, блестяще закончилось в шесть дней рискованный иначе затянуться на долгие месяцы поход 1814 г. Александр II личным своим вмешательством после третьей Плевны воспрепятствовал отступлению за Дунай и настоял на продолжении кампании. Наконец, император Николай II, видя летом 1915 г. неизбежную катастрофу и полную растерянность Ставки, лично стал во главе действующей армии.

Условия ведения войны в XX столетии — миллионные армии и напряжение всего государственного организма — заставляют монарха возглавлять вооруженные силы страны лишь в критическую минуту и только на очень короткое время; в русских условиях — не свыше двух-трех месяцев. Венценосец должен считать свое пребывание на посту Верховного лишь временным — и притом кратковременным. У него есть другие дела — значительно более важные, чем возглавление действующей армии. Кроме того, опыт 1917 г. трагически доказал необходимость для монарха находиться все время в столице, у рычага правительственной власти. Нельзя делать два дела одновременно.

Глава XVI О ШТАБЕ

Необходимый и ценный помощник полководца — Генеральный штаб — совершенно неправильно именуют в просторечии «мозгом армии».

Армия имеет один мозг, и этот мозг — ее главнокомандующий. Генеральный штаб по своей природе коллектив, а мозговой аппарат всякого нормального организма — человеческого, войскового, государственного — по своей природе может быть лишь единоличным.

Великая монархистка — природа распорядилась так, что как только этот признак единоначалия утрачивается, организм немедленно же утрачивает равновесие, оказываясь, согласно народной мудрости, «без царя в голове».

Если продолжать придерживаться физиологических сравнений, то Генеральный штаб — не мозг, а нервная система, претворяющая в дело решения мозга, передающая эти решения во все

части организма, обеспечивающая функционирование организма.

Рефлективные движения, то есть движения, производимые по инициативе нервной системы, бессознательно, возможны, а до некоторой степени даже и желательны в военном организме, разгружая главнокомандующего, подобно тому как они возможны в человеческом организме, разгружая мозг. Однако эти рефлективные движения отнюдь не должны возводиться в систему. Нельзя возлагать на чинов штаба, какими бы выдающимися офицерами они ни были, решения задач, входящих в исключительную компетенцию одного главнокомандующего. Нет более плачевного зрелища, чем Мольтке Младший на буксире у своих пылких подполковников.

В январе 1916 г. после сражения при Азап-Кее генерал Юденич, выполняя категорическое приказание великого князя Николая Николаевича об отводе победоносной Кавказской армии назад, на кеприкейские позиции, командировал на фронт для выбора этих позиций двух офицеров своего полевого штаба — полковника Масловского и подполковника Штейфона.

Прибыв на фронт, эти два офицера Генерального штаба на месте отдали себе отчет в размерах одержанной победы и увидели невозможность подсесть победе крылья. Они осознали, что победу надо довести до конца — до взятия Эрзерума и окончательного разгрома неприятеля. Вместо «рекогносцировки назад» тыловых кеприкейских позиций, они по своему почину предприняли «рекогносцировку вперед» девебойненской позиции неприятеля и нашли, что Каргабазарский массив не занят турками. Все это они немедленно сообщили генералу Юденичу, и тот, увидев истинную обстановку, решил штурмовать Эрзерум.

Вот типичный пример рефлекса нервной системы, подсказывающего мозгу решение.

Классический случай утраты мозгом всяческого контроля над рефлексами произошел в германской армии на Марне. Утратив связь со своими армиями, чувствуя, что они ускользнули у него из рук, Мольтке Младший, вместо того чтобы по примеру Жоффра отправиться в их штабы, командировал туда одного из своих офицеров, подполковника Генча, снабдив его полномочиями чрезвычайно широкими, но расплывчатыми (что означало вполне следуемой им системы отдачи директив). Объездив все армии слева направо, Генч был сильно деморализован

штабом 2-й армии Бюлова (где, вследствие отправки войск на русский фронт, наметился разрыв фронта). Прибыв затем в штаб 1-й армии фон Клука, где дела шли прекрасно (Клук намеревался в то утро, 9 сентября, окончательно добить армию Монури), Генч, всецело под впечатлением уныния бюловского штаба, предписал своей властью Клуку отступать.

Сравнение Масловского и Штейфона с Генчем показывает не только превосходство русских офицеров Генштаба выпусков после Японской войны над их германскими сверстниками. Это клинический пример сравнения здорового штабного организма с больным. Связки пограничного сражения до проигрыша битвы на Марне германские армии были поражены пляской святого Витта.

* * *

Начальник полевого штаба — ближайший помощник (и ближайший подчиненный) полковника. Это человек, оформляющий, разрабатывающий и помогающий проводить в жизнь его предназначения. Он ни в коем случае не должен быть подсказчиком, а всего лишь советником, помощником с правом только совещательного голоса. Пословица «Одна голова хороша, а две лучше» в военном деле совершенно неприменима (в своем логическом развитии она обычно порождает другую: «Сколько голов, столько умов»). Полководец и его начальник штаба должны хорошо знать друг друга, быть в сколь можно тесном общении еще в мирное время. Только при этом условии возможна с самого же начала продуктивная работа. Гинденбург, познакомившийся с Людендорфом в вагоне по пути в Восточную Пруссию, — исключение, возможное лишь при монолитности прусско-германской военной касты. В обычных условиях возможно лишь два случая. Положительный пример — штаб Жоффра, где все чины — близкие сотрудники главнокомандующего с мирного времени и понимают его с полуслова. И отрицательный — русская Ставка, где неожиданно для себя назначенный Верховным великий князь Николай Николаевич вынужден осведомиться об имени и отчестве навазанных ему в сотрудники Янушкевича и Данилова.

Назначение штаба — поставить военачальника в возможно лучшее положение для принятия им единоличных решений.

Часть пятая.

О ВООРУЖЕННОЙ СИЛЕ

Глава XVII АРМИЯ, ФЛОТ, АВИАЦИЯ

Трем элементам природы — земле, воде и воздуху — соответствуют три вида вооруженных сил — сухопутные, морские и воздушные.

«Всякий потентат, который только армию имеет, — одну руку имеет, а который и флот имеет — обе руки имеет», — сказал Петр Великий, не знавший еще воздушной силы.

Армия воюет на земле. Флот — на море. Авиация — над землей и над морем. Рассмотрим их взаимоотношения.

* * *

Море составляет три четверти нашей планеты. Все государства дышат морем. Это — их легкие. Потерю господства над морем можно сравнить со скоротечной чахоткой. Та кровь, что проливает тогда сухопутная армия, не что иное, как кровохарканье надорванного государственного организма.

Это случилось с Россией в Мировую войну 1914—1917 гг. Она захлебнулась кровью, не будучи в состоянии дышать. Правое легкое — Балтика — было утрачено с объявлением войны. Левое легкое — Черное море — было парализовано выступлением Турции. А искусственное дыхание через Мурман запоздало.

Владей мы на севере Бельтом, а на юге Босфором — Россию не постигло бы удушье. Вступи в строй черноморская дивизия дредноутов не в 1915—1916 гг., когда политическая обстановка была уже испорчена, а на два года раньше, в 1913—1914 гг., до войны, Турция не выступила бы и война не затянулась бы на долгие годы.

Флот — показатель здоровья государственного организма, показатель государственного ума правителей и мерило великодержавности. Страна, имеющая только 40 дивизий пехоты, но 20 могучих броненосцев, значит в мире больше, чем страна, имеющая 100 дивизий на суше, но всего 5 кораблей на мировых океанских путях. Удельный вес Британской империи в союзной коалиции 1914—1918 гг. во много раз превосходил удельный вес России.

* * *

Армия и флот — близнецы, авиация — их младшая сестра. Младшая и по времени своего появления, и по своим возможностям.

Физические свойства воздушного океана менее благоприятствуют человеку, чем земная твердь и водная стихия. Корабль и море — величина на долгое время само-

довлеющая. Самолет в воздухе целиком зависит от своей сухопутной либо морской базы. Его автотономия измеряется не неделями, как у корабля, а лишь немногими часами.

Возвращаясь к петровской метафоре, мы можем ее развить. Если армия и флот — две руки потентата, то авиация — дубина, усиливающая каждую из двух рук.

Гармония между этими тремя видами вооруженной силы должна соблюдаться строго. Гипертрофия одного из них в ущерб другим вредна, атрофия — пагубна. Потеря господства над морем парализует сухопутную силу. Утрата господства над воздухом ставит сухопутные и морские силы в самое невыгодное положение. Препятствуя тактике, парализуя оператику, она рискует сорвать стратегию.

В дальнейшем, исследуя положение армии в государстве, мы под «армией» условимся понимать всю совокупность вооруженных сил.

Глава XVIII АРМИЯ В ГОСУДАРСТВЕ

Устроителю вооруженной силы надлежит решить две задачи: устройство постоянного состава, дав ему статус военной касты либо военного сословия, и устройство переменного состава — статус вооруженного народа.

* * *

Армия состоит из генералов, офицеров и солдат. Офицеры создают солдат и из офицеров создаются генералы. Следовательно, краеугольный камень всего здания — офицерство.

Офицерский корпус может иметь характер замкнутой касты, служилого сословия, профессионального объединения, партийной организации, либо, наконец, механического соединения людей, связанных индивидуальным служебным контрактом с государством.

В последнем случае это — человеческая пыль, картонный домик, положение, в XX веке невозможное.

Столь же невозможно придать офицерскому корпусу партийную окраску. Партийность несовместима с воинским духом и воинской этикой — плачевная история Красной армии тому наглядный пример. Партийность несовместима и с православием, а стало быть, с русскостью. Мы отбрасываем это самоубийственное и глубоко аморальное положение.

Союз профессионалов шпаги противоречит самому естеству российской вооруженной силы, единственной в мире не имевшей в своих рядах наемных ландскнехтов и кондотьеров.

Остаются каста и служилое сословие.

Германская армия 1914 г. была кастой. Сын фельдфебеля генерал Алексеев, главнокомандующий в Мировую войну российскими армиями, не мог бы в германской армии мирного времени получить и первый офицерский чин. Правда, воспитанные в кастовом духе германские генерал-адъютанты не предали своего кайзера (наоборот, там кайзер позорным своим бегством предал разбитую свою армию).

Сильной стороной касты является высоко развитое чувство воинской этики, чувство кастовой солидарности, где все за одного и один за всех. Каста — монолит, проникнутый единым духом, в ней старшие пользуются непререкаемым авторитетом в глазах младших, а младшие — товарищеским уважением со стороны старших.

Обратная сторона кастовой организации — ее замкнутость в себе и отчуждение от народа. Традиции германской армии восходят к Ордену меченосцев, сурово повелевавшему из своих замков поработенными племенами Прибалтики и Пруссии. Кастовая гордость и заносчивость глубоко претят православному русскому мирозерцанию, и не нам, чьи предки затупляли мечи о тевтонские черепа, перенимать обычаи потомков побежденных на Неве, в Ледовом побоище, в Раковорской битве и при Грюнвальде.

При организации военной семьи российского служилого сословия нам надо взять за образец птенцов гнезда Петрова — петровский гвардейский обычай.

Всех готовящихся к офицерскому служению писать юнкерами в гвардейские полки, где учредить юнкерские батальоны. Будет покончено с милютинской училищной системой и ее разделением на белую и черную кость. Все офицеры получат однородную гвардейскую шлифовку, единый крепкий и добрый гвардейский дух. Для специальных войск и авиации оставить училища и школы.

Эта система Петра Великого, система гвардейской шлифовки всего офицерства, действовала у нас целое столетие — и действовала на славу.

Таким путем удастся создать монолит, не создавая противоестественной русским условиям и понятиям касты.

Главным устоем офицерского корпуса должна быть крепко спаянная и тесно сплоченная офи-

церская полковая семья. Особенное внимание организатора должно быть устремлено на разработку положения о полковых офицерских обществах и на осознание великого значения должности командира полка.

Следует знать и помнить, что рота — административная единица, батальон — тактическая, а полк — духовная. Следующая за полком инстанция — бригада, дивизия, корпус — опять имеет характер чисто тактический и оперативный.

В полках создается дух армии, как на кораблях куется дух флота. Командир полка должен быть полным и единоличным хозяином своей части, подчиняясь командиру бригады, дивизии и корпуса лишь в чисто строевом отношении. Он должен иметь права командира корабля в отдельном плавании. Командир творит полк по своему образцу и подобию, накладывает на него свой, подчас неизгладимый, отпечаток, имеет на войска то влияние, которого обычно будет впоследствии лишен на более высоких должностях. Память о выдающемся командире живет в полку из поколения в поколение и более долговечна, чем память о выдающемся начальнике дивизии и командире корпуса. В этом — все величие командирского призвания.

Отношения между командиром полка и старшим штаб-офицером, председателем общества офицеров полка, должны быть теми же, что между командиром корабля и старшиной кают-компании. Строжайший культ воинской этики в рамках железной дисциплины.

Организацию офицерского корпуса можно уподобить зданию с узким входом и широким выходом. Доступ открыт для всех, но со строгим разбором — принимать лишь достойных. А «не могущим вместить» — свободная дорога на все четыре стороны.

* * *

Вооруженная сила — часть народа. Устроителю вооруженной силы надлежит привлечь в ее ряды лучшую часть народа.

Этого не понял Милютин. Его Устав о всеобщей воинской повинности 1874 г. под видом «льгот по образованию» фактически освободил всю образованную часть населения от долга защищать Отечество. Он лишил армию сотрудничества культурных сил страны и в значительной степени способствовал отчуждению между армией и обществом.

Запись в добровольческие батальоны в Петрограде.
Фотография. 1917 г.

Льготы по образованию — пагубны и преступны. Настоящая льгота, которую должно дать русскому образованному человеку — это честь в первую очередь и раньше других служить своей стране и кровью запечатлеть свою ей преданность. Писатели, ученые, инженеры, судьи, промышленники и в первую очередь педагоги — весь интеллектуальный отбор страны должен получить в великой школе воинского служения. Все они должны обладать чином офицера запаса. Служба в армии дает им возможность еще в молодости узнать жизнь, какова она есть, узнать по-настоящему людей, узнать и полюбить свой народ, осознать свою кровную к нему принадлежность.

Наравне со льготами по образованию следует уничтожить и другие столь же несправедливые льготы — в первую очередь льготы по семейному положению. Все они отнимали половину призываемых и делали невозможным физический отбор остальной половины. На службу шли слабосильные, надрывающие свое здоровье, в то время как крепкие здоровяки забронировались льготой.

Призывной возраст в 21 год слишком велик. В этом возрасте в крестьянстве часто женятся и на службу идут с тяжелым сердцем. Единственным положительным мероприятием советской власти было понижение его до 19 лет. Эта молодежь более беззаботна, ревностнее отдается службе и более податлива.

Само собой разумеется, допризывная подготовка солдатская в начальной школе и после нее, унтер-офицерская в средней, офицерская в высшей должна быть обязательной. Это — плодотворная совместная работа офицера и учителя.

* * *

Вооруженная сила — один из элементов политики (наравне со школой, администрацией, дипломатией). Утверждение, что «армия вне политики» — нелепо. Армия — это как раз вооруженная политика.

Армию сравнивают с «мечом государства». Это совершенно неверно. Меч — слепое орудие, неодушевленный предмет, которым может владеть и преступник, тогда как армия — живой организм.

Армия не меч. Она — рука, держащая меч. Живая рука, направляемая волей головы. А голова — царь.

Это единственно возможная в русских условиях формулировка. Всякая другая исключается. Коммунистическое варварство, демократический маразм, тоталитарно-диктаторское богоборчество одинаково растлевают страну, одинаково развращают вооруженную силу. Мы отбрасываем эти порождения бездушия и скудоумия.

Триединый завет «за веру, царя и Отечество» — не казенный лубок. Во всей своей краткости он целиком заключает в себе тысячелетнее бытие России, когда, черпая силу в православной вере, наши цари создали нам величайшую страну — наше Отечество.

Это — вся наша политика. Понять ее — значит стать непобедимыми.

Глава XIX О ВОЕННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ

Под «военным потенциалом» мы условимся понимать не показатель суммы всех боевых средств и возможностей государства, его, так сказать, «боевой коэффициент», а показатель «интенсивности» этих средств — точнее, показатель полезного напряжения сил данной страны.

Если мы под *A* разумеем сумму «абсолютных возможностей» страны: массу населения, сырые материалы, географические условия, а под *B* «относительные возможности»: систему комплектования вооруженной силы — для утилизации этих масс населения, степень развития обрабатывающей промышленности — для утилизации этих

сырых материалов, развития средств и начертание сети путей сообщения для преодоления этих географических условий, то боевой коэффициент государства выразится произведением $A \times B$.

В случае слабого развития «относительных возможностей» — дефективной системы комплектования, недостаточного развития обрабатывающей промышленности и путей сообщения — сомножитель *B* обращается в «правильную дробь». Тогда все произведение $A \times B$, боевой коэффициент страны, делается меньше одного сомножителя *A*. Иными словами, то, что дает страна при данных условиях, меньше того, что она могла бы дать при иных условиях.

Уступая России количеством населения соответственно в 4 и 3 раза, Франция и Германия оказались в военном отношении во много раз более сильными, нежели Россия, имевшая огромные «абсолютные» и ничтожные «относительные» возможности. Одна германская дивизия, перевозимая по железной дороге и своевременно прибывавшая на поле сражения, приносила больше пользы, нежели три русских дивизии, шедших походным порядком по польской грязи и запаздывавших. В кампанию 1916 г. 100 австро-германских дивизий, располагавших рокадными линиями, были по крайней мере вдвое сильнее 160 русских дивизий, этими линиями не располагавших (тем большее значение приобретает доблесть войск и искусство начальников Юго-Западного фронта, но общей картины это не изменяет). Сомножитель *B* имеет, таким образом, огромную важность: он определяет интенсивность.

«Боевой коэффициент» $A \times B$, будучи помножен на «моральный коэффициент» *M*, даст нам «военный потенциал» *P* — произведение материи на дух. Формула его: $P = (A \times B) \times M$.

Военизация страны есть приспособление ее к нуждам войны — переключение всей ее жизни на военное положение. Она определяется фактором *B* «боевого коэффициента» — его интенсивностью, и всеобщим фактором *M* «военного потенциала» — духом страны. Отсюда явствует, что военный потенциал есть производная степень военизации страны.

Глава XX ФРОНТ И ТЫЛ

Проблема организации страны в военное время формулируется просто: извлечь наибольшую пользу при наименьшем напряжении орга-

низма страны, добиться наибольших результатов с наименьшими жертвами.

На фронт идет лучшее, что есть в стране. Фронту дается много, и за дух фронта в организованной армии можно быть спокойным.

Тыл поставлен в значительно худшие условия. Он живет как бы изнанкой войны. Моральное напряжение тыла во много раз больше морального напряжения фронта. Средств же для того, чтобы выдержать это напряжение, гораздо меньше.

Вместе с тем тыл и есть страна — государственный организм, пораженный болезнью войны. Без тыла нет фронта. Неудачи фронта всегда поправимы при условии хорошо налаженного тыла. Расстройство же тыла неизбежно влечет за собой непоправимую катастрофу фронта. Пример Российской империи 1917 г. и белых армий 1919—1920 гг. — трагическое тому доказательство.

Внимание политика должно быть всецело обращено на устройство тыла.

Лозунг «Все для фронта!» доказал свою несостоятельность. Это все равно, если бы совершающий тяжелую физическую работу человек заботился исключительно о своих руках, не обращая никакого внимания на свой организм.

Тыл хуже переносит войну. Необходимо поэтому, чтобы он как можно меньше ощущал ее тяготу.

Население не должно ни в чем испытывать недостатка. Говядина по рублю фунт была в 1915 г. большим ударом для России, чем падение Ново-георгиевска и Ковно.

Немецкий подчеловек сказал, что «пушки важнее масла». И сказал глупо. И пушки, и масло важны в одинаковой степени. Без «пушек» страна не может обороняться, без «масла» она не может вообще жить.

* * *

Первым мероприятием правительства при приведении страны на военное положение должно быть закрытие на время военных действий всех общественных организаций (если таковые существуют) и всего самоуправления. Опыт Мировой войны 1914—1917 гг. показал гибельность такого рода учреждений. Правительство не должно иметь соперников. Оно обязано целиком владеть аппаратом власти и безраздельно контролировать все отрасли жизни столицы. Механизм управления должен быть свободен от дилетантского вмешательства. Война — дело государственное, а не комитетское.

При мобилизации вооруженной силы необходимо брать лишь самое необходимое количество населения, твердо помня, что «не множеством побеждают». Отвлекать от народного хозяйства как можно меньше рабочих рук, как можно меньше специалистов своего дела. Твердо помнить, какое напряжение нам под силу, а какое — нет. Почва для революции 1917 г. была создана надрывом не рассчитавшей своих сил России. Мы оторвали 15,5 миллионов мастеров своего дела, не имея ни кадров, ни оружия, ни даже помещений для них и создав этим непоправимые перебои во всех отраслях государственной жизни и народного хозяйства.

Другой род мобилизации — это мобилизация промышленности. Мобилизация тяжелой промышленности для обслуживания фронта. Мобилизация легкой промышленности для обслуживания тыла.

Само собой разумеется, весь личный состав тяжелой промышленности — инженеры, техники, рабочие — должны считаться «мобилизованными на месте производства», подчиняясь воинской дисциплине. В истории России не должно повторяться роковых событий, вроде выступления петроградских распропагандированных рабочих масс в феврале 1917 г.

Мобилизация обслуживающей тыл промышленности имеет огромное моральное значение. Тыл должен быть снабжен предметами повседневного обихода, как фронт — снарядами. Лишенная лучших своих элементов, ушедших на фронт, страна чрезвычайно болезненно ощущает перебои экономической своей жизни. Духовные ресурсы тыла неизмеримо слабее духовных ресурсов фронта. Их надо щадить, твердо помня, что успех войны зависит в первую очередь от моральной устойчивости тыла.

Если ситец стоил до войны 10 копеек, то во время войны он должен стоить 8 копеек. Если булка стоила 5 копеек, то должна стоить 4 копейки. Если поезда в мирное время имели право опаздывать на 10 минут, то в военное время могут запаздывать только на 5 минут.

Надо помнить, что если неприятелю удалось окружить и уничтожить одну из наших армий, то это крупная неудача всегда поправима: тут поражение несет только стратегия. Но если в тылу пятикопеечная булка стоит рубль, то это признак развала, непоправимой катастрофы: тут поражение понесла политика — главный элемент войны и всей государственной жизни.

Все это требует огромного напряжения и тщательной, вдумчивой подготовки еще в мирное время. Ничего не должно импровизироваться в последнюю минуту — импровизация ведет лишь к перебоям и сможет привести к катастрофе.

Основной задачей промышленной мобилизации, помимо переключения тяжелой промышленности на нужды фронта, должен быть учет и подготовка кадров и рабочих рук для легкой промышленности, заменив там призванных в действующую армию и в тяжелую промышленность категориями лиц, не подлежащих военным мобилизациям.

Мы подошли к чрезвычайно важному вопросу — вопросу о женском труде.

Задача женщины — создание и воспитание семьи. Это — самая важная из всех государственных задач. Женщина — столп государства и государственности, и ее дело достаточно трудно и ответственно для того, чтобы ее обременить другими, явно не входящими в ее обязанности и компетенцию.

Женский труд является лишь суррогатом мужского труда. Он вообще менее продуктивен, за исключением домашних работ, которые под категорию «защиты государства», конечно, подвести нельзя, но на которых в значительной степени само государство и держится.

Все же некоторую часть обширного 80 миллионного женского населения империи возможно и необходимо использовать в целях мобилизации легкой промышленности. В порядке трудовой повинности мирного времени некоторые категории (незамужние либо бездетные) должны быть подготовлены к службе в легкой промышленности, почтовом ведомстве, отчасти на транспорте.

* * *

Основным правилом организации страны в военное время должно быть сколь можно большое использование сил и способностей каждого на подходящем месте. Как можно больше подходящих людей на подходящих местах и как можно меньше дилетантов при полном исключении импровизации.

В первую очередь — заблаговременное создание крепких ведущих кадров во всех отраслях государственной работы. До организации миллионов — отбор десятков тысяч специалистов, более того, мастеров своего дела, беззаветно преданных как своей специальности, так и общему русскому делу.

Эти кадры — офицеры и унтер-офицеры, ученые и учителя, инженеры и техники, врачи и юристы, писатели и журналисты, администраторы всех рангов, проникнутые творческой волей, и поведут за собой родную страну в час решительного испытания.

Глава XXI ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И РУКОВОДСТВО ИМ

Общественное мнение служит выразителем и показателем духа страны.

Создание духа страны — дело церкви и школы. Создание общественного мнения — дело печати.

С упразднением патриаршества в 1700 г. и до запоздалого его восстановления в 1917 г., два с лишним столетия церковь, первооснова всей русской жизни, была «в вавилонском пленении» у светской власти. Оскудение церкви в «синодский период» стало причиной оскудения духа всей страны.

Духовенству надлежит прежде всего развязать руки, чтобы оно могло в полном объеме приступить к выполнению своей великой задачи.

Задача школы — не только (и не столько) образование, сколько воспитание. Министерство народного просвещения должно именоваться Министерством народного воспитания.

Первенство воспитания над обучением в школьном деле столь же ясно и очевидно, как и в собственном военном. Мы должны считать это аксиомой.

Организация школы — это прежде всего организация преподавательского состава, создание крепкого учительского сословия — пирамиды, основанием которой служат кадры народных учителей, а вершиной — профессора университета.

Народному учителю надо создать в стране положение, которого он до сих пор был лишен. Повысить уровень учительских семинарий, приравняв их к средне-учебным заведениям. Дать учителю чин офицера запаса и все связанные с офицерским званием преимущества на все время его учительской деятельности.

Роковой ошибкой милютинского устава 1874 г. было освобождение педагогов от воинского долга. Интеллектуальный отбор страны — школа — исключался из рядов армии. Мы уже имели случай разобрать антигосударственные положения этого устава.

Молебен перед боем.

Иллюстрация из альбома «Великая война в образах и картинах». 1915 г.

Сто тысяч тщательно подготовленных и тщательно отобранных народных учителей-офицеров дадут нам могучий кадр — закуску и фундамент российского просвещения.

Столь же тщательно следует отобрать преподавательский состав средней школы, ответственность которого еще более велика. Особенное внимание следует обратить на преподавателей родной истории и словесности как способных оказать решающее влияние на формацию учеников. Философские дисциплины — психологию, логику и собственно философию — надо поручить священнику-законоучителю либо педагогу с богословским образованием. Рационалистическая трактовка этих предметов, не осмысленная и не одухотворенная православием, выхолащивает их, лишая их глубокого содержания, и готовит интеллектуальных инвалидов.

Что касается высшей школы, создающей отбор страны, то преподавательский состав ее принадлежит уже не к учительскому, а к ученому сословию. Ученики же — студенты — полноправные члены общества и государства. Высшая школа должна быть целиком включена в государственную жизнь.

Очертив великое назначение церкви и школы, создающих дух страны, перейдем к печатному слову, выражающему общественное мнение.

* * *

«**В** начале бе Слово и Слово бе к Богу — и Бог бе Слово» (Ин. 1, 1). Слово, таким образом, божественно. В устах человека оно является первым признаком образа и подобия Божия. Это — самое грозное оружие, которым располагает и будет располагать человек.

Но созданный по образу и по подобию Божью, человек бывает грешником и преступником. Так и слово его бывает тогда отравленным и приобретает великую разрушительную силу.

Если в нашем государстве церковь и школа на высоте, то организм страны здоров. А в здоровом теле — здоровый дух. Отравленного слова тогда нечего бояться: страна прикрыта от ядовитых стрел надежной броней. Да и самой отраве неоткуда взяться.

Наоборот, когда в стране нет здорового духа, отравленное слово бьет наповал. Как бы ни напрыгало все свои силы правительство, какие бы меры пресечения оно ни предпринимало в борьбе с растлевающим печатным словом, оно эту борьбу проигрывает. Ибо нельзя бороться с внешними проявлениями зла, не устранив его первопричины.

В этом безнадежном положении находилось российское правительство времен упадка империи второй половины XIX и начала XX столетия. Дух России был поражен принижением церкви и разложением школы. Только в этой упадочной обстановке и возможен был успех — и самое появление — болезненных наростов, патологической литературы Белинского, Герцена, Чернышевского, Писарева, Михайловского — людей столь же озлобленных, как и бездарных. И лишь патологическим состоянием организма страны можно объяснить себе засилье этих «властителей дум». Убогая философия Льва Толстого — рассуждения средней руки папуаса, кажущаяся такой жалкой и примитивной в первой половине XX века, в свое время, на рубеже двух столетий, казалась евангелием смертельно больному обществу.

Правительство тратило зря свои последние силы. Оно боролось с дымом, вместо того чтобы бороться с огнем, и своей борьбой с «запрещенными» авторами лишь создавало этим последним совершенно не заслуженный ими ореол «мучеников идеи», а обманутому стаду «малых сих» — прелесть запрещенного плода.

В благоустроенном государстве не должно быть вредной печати за отсутствием уязвимых мест. На здоровый организм этот яд не должен действовать. А если действует, то это значит, что в нем появилась трещина, которую как можно скорее надо залечить.

* * *

Само собой разумеется, свобода печати в военное время должна подвергнуться ограничениям. Она несовместима с общей дисциплиной государства во время войны, как несовместимы, например, торговля и вольные профессии с отбыванием воинской повинности.

Задача печати в военное время — осведомлять страну о ходе дел на фронте. Осведомлять как можно более правдиво. Писатель, журналист и цензор — друзья, а не враги.

Неудач не замалчивать, ибо их замолчать невозможно: нельзя отрезать языки раненым, эвакуированным и отпускным. Твердо помнить главного врага — «стоустную молву». Для пресечения этой молвы лучше своевременно, с соблюдением известной меры, твердо и авторитетно сообщать о поражении XIII и XV корпусов в Восточной Пруссии (неприятель все равно узнал их номера), чем допустить панический страх по всей стране, что «полмиллиона наших погибло в Мазурских озерах» — слух, который потом никакими средствами не удастся искоренить.

Страна должна знать лучших своих сынов, должна знать и чтить имена своих доблестных полков — имена уже известные неприятелю, имеющему о них сведения по убитым и пленным. Такие черствые «алгебраические» выражения, как «один из наших доблестных полков», «один из наших молодых полков» ничего не говорят уму и сердцу населения, оставляя в то же время чувство горечи в сердцах участников боев. Вообще, сообщения нашей Ставки и Мировую войну 1914—1917 гг. следует рассматривать как непревзойденные отрицательные образцы.

Не следует обманывать население нелепыми бравадами, что неприятель умирает с голоду, что неприятельская страна сможет продержаться

еще самое большее полтора месяца, что неприятельские войска сдаются дивизиями при одном виде казацкой пики. Этими баснями печать дискредитирует себя в глазах общественного мнения и деморализует страну, зря обнадеживая ее.

* * *

Совершенно нетерпим и недопустим слащавый тон о «солдатиках» и «серых героях». Он раздражает бойцов и деморализует значительные их категории. В основе слащавости и пафоса всегда фальшь. Авторы подобного рода статей и очерков следует, после первого и последнего предупреждения, лишать права писать до окончания военных действий.

Еще опаснее слащавость в обращении с ранеными и выздоравливающими. За ними нужно ухаживать, но с ними ни в коем случае не надо нянчиться. Это развращает.

Госпитали ни в коем случае не должны располагаться в населенных центрах. Не надо подвергать дух тыла добавочному и совершенно излишнему испытанию.

Култ героев должен соблюдаться свято. В каждом храме, в каждой школе должны иметься доски с именами прихожан или бывших учеников, заслуживших белый крестик либо сподобившихся деревянного креста.

Портреты героев и описания их подвигов должны быть на почетном месте периодических изданий.

В наших русских условиях (при свойственной всем нам музыкальности и любви к театру) большое значение приобретают музыка и сцена. Для широких масс чрезвычайно важен кинематограф. Как в театре, так и в кинематографе следует избегать деланного пафоса и мелодрамы.

Уличные манифестации — очень сильно действующее средство. Но они ценны только в случае своей непосредственности. Манифестации, заранее организованные и принудительные, на советский образец, свойственны варварским тоталитарным государствам. Они обращаются в отбывание номера и совершенно не достигают своей цели.

* * *

В общем, проблема общественного мнения — это проблема духа страны. Церковь и школа создают этот дух, и при его наличии управление общественным мнением не представляет труда.

Часть шестая.

О ДОКТРИНЕ

Глава XXII

О ДОКТРИНЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ДОКТРИНЕ ВОЕННОЙ

Под «доктриной» мы понимаем совокупность взглядов по данному вопросу и совокупность методов при разрешении этого вопроса.

Военная доктрина представляет мировоззрение данной нации по военному вопросу и составляет одну из многочисленных граней доктрины национальной. Отсюда явствует основное свойство военной доктрины — ее национальность. Она является производной исторических, бытовых и военных традиций данной нации — ее политических, географических, племенных условий, духа и психологии народа (или народов), ее составляющих. Короче, является отражением ее духовного лика.

Пересадка и культивирование чужих доктрин представляет поэтому насилие над духом нации — насилие, к добру никогда не приводящее. Отсекая от монолитной глыбы чужой национальной доктрины маленький осколок этой глыбы — военную доктрину, мы можем этот осколок припаять, приклеить или привязать к нашему национальному монолиту. Соединение это прочным никогда не будет, даже если мы до склеивания обтесали наш монолит для того, чтобы легче подогнать осколок чужой доктрины к нашим условиям. Оно может быть лишь механическим — оно никогда не станет органическим, и вся полученная таким образом искусственная и ублюдочная доктрина не сможет выдержать серьезного испытания. Говоря о военной доктрине, мы разумеем две: германскую — технически разработанную и сведенную в строгую систему, и русскую, остающуюся в том виде, какой завещал ее нам Суворов.

* * *

Германская национальная доктрина — это обожествление всегерманства, покоряющего себе под ноги все другие народы, являющиеся, в сущности, особенно славяне, навозом для германской культуры. Германский народ — народ господ, благородная северная раса. Он один должен повелевать в поработанном для него мире.

«Одни лишь немки рожают. Все остальные женщины мечут». Это крылатое изречение немецкого профессора, имя которого не будет бесчестить этих страниц, как нельзя лучше характеризует германскую национальную доктрину — доктрину, в первую очередь, человеконенавистническую.

Отсюда — основные тезисы германской военной доктрины. «Стратегия на уничтожение», «битва на уничтожение», «интегральная война» и сопряженные с ней жестокость и террор должны парализовать мирное население — низшую расу неприятельской страны, убить в нем волю к сопротивлению, способствовать скоротечности, то есть скорейшему окончанию войны.

Германский офицер отрезает пальцы бельгийской девочке. Его всецело покрывают и оправдывают Клаузевиц и Людендорф своей бесчеловечной теорией «интегральной войны». Детская кровь — вполне допустимое средство войны, коль скоро дети эти принадлежат к низшей, не германской расе.

Эти человеконенавистнические тенденции сказываются не только на этической, но и собственно на технической стороне германской военной доктрины. Основная, подсознательная идея германского стратега, германского тактика — это чувство спартиата, с бичом в руке вышедшего на толпу трепещущих рабов-илотов. Отсюда — самоуверенность их уставов, дерзание и порыв всех их начальников, культ мужественных инстинктов, доведенный до предела, до гипертрофии, сочетается здесь с известного рода садизмом. Психопатологическая сторона учений Шлиффена до сих пор не разработана. В психозе «Канн», помимо экстаза полководца перед красотой и удачей двустороннего охвата, проскальзывают и нотки тигрового восторга потомков победителей Вара перед грудой из 70 тысяч окровавленных тел римских легионеров — молодых, крепких, смуглых тел ненавистной «южной расы». Чувство, никогда бы не пришедшее в душу русского, французского, английского исследователя.

Пытаясь пересадить на русскую почву тактику Франсуа и Моргена, знаменитую методику германских уставов и доктрин, рационалисты и позитивисты принимают результаты за причины. Они видят доктрину военную, но не замечают доктрины национальной. Они видят Франсуа и Моргена, но не замечают стоящих за ними Клаузевица, Трейчке, Фихте, меченосцев, короче — видя листья, дерева не замечают, не принимают в расчет корни этого дерева. Обламывая ветку, пересаживают ее на русскую почву в наивном расчете, что она пустит корни.

Германец считает себя «сверхчеловеком» — и этим низвел себя на степень «подчеловека». Русский, по бессмертному определению наи-

более яркого выразителя русской национальной доктрины — Достоевского, считает себя «всецеловеком». Германскую национальную доктрину выковал громовержец Тор, русскую вдохновил Христос. И те же два начала сказались и на военных доктринах обоих народов. Меч Зигфрида выковывает в преисподней карлик Миме; меч Ильи благословляет калика — угодник Божий.

Вот почему русская военная доктрина — русская национальная военная доктрина — должна носить в себе тот отпечаток высшей гуманности, которая сделала из России на протяжении одиннадцати веков «Божией рати лучшего воина».

Глава XXIII

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ДОКТРИНА

Сущностью той грани русского национально-го монолита, которая носит название русской национальной военной доктрины, является превосходство духа над материей.

Это превосходство бессмертного над смертным и ощущали русские канониры Цорндорфа, целовавшие свои пушки, прощаясь с ними навсегда и не отходя от них ни на шаг в момент, когда их самих рубили латники Зейдлица, и когда немец на их месте бежал бы или сдался. С этим чувством вышел Румянцев с 17 тысячами на 200 тысяч турок в Кагульскую битву. Оно вдохновляло перо Суворова, набрасывавшего бессмертные строки «Науки побеждать», вдохновляло и меч его, светя его чудо-богатырям и в серенькое утро Рымника, и в знойные дни Треббии, и в черном мраке альпийских ночей. Мушкетеры Милорадовича, егеря Дохтурова, гренадеры Котляревского, стрелки Юденича, ударники Корнилова — все они были движимы этим превосходством, ярким пламенем горевшим в их душах и в душах их вождей.

Основы русской национальной военной доктрины были, есть и останутся следующие.

Будучи народом православным, мы смотрим на войну как на зло, как на моральную болезнь человечества — моральное наследие греха прародителей, подобно тому, как болезнь тела является физическим его наследием. Никакими напыщенными словесами, никакими бумажными договорами, никаким прятаньем головы в песок мы зла предотвратить не можем. Пергамент Парижского договора 1928 г., пакт Бриана — Келло-

га¹, не избавил человечество от войны, как нама- леванный на дверях дракон не избавил китайца от чумы.

А раз это так, то нам надо к этому злу гото- виться и закалять организм страны, увеличивать его сопротивляемость. Это — дело законодателя и политика.

Военное искусство и военная наука (причем вторая призвана обслуживать первое), имеют строго национальный характер, вытекают из ду- ховных свойств и особенностей данного наро- да, данной нации. Русского Мольтке не может быть, как не может быть немецкого Суворова. В «суворовском» отношении немцы не пошли и не пойдут дальше Блюхера. В «мольткенском» мы могли дать самое большее Милютин. Наши учителя — Петр I, Румянцев, Суворов и те не- многие русские полководцы и деятели, которые вдохновлялись их примерами, отнюдь не чуждые нам органически иностранцы. Фош и Мольтке не могут быть нашими учителями — они могут быть, самое большее, лишь репетиторами.

Насколько «Наука побеждать» чище и выше софистики Клаузевица, схоластики Шлиффена, блестящей метафизики фон Зеекта!

В основу организации вооруженной силы русская национальная военная доктрина всег- да кладет принцип качества и принцип отбора («не множеством побеждают»). На идее отбора — привлечении в первую очередь дворянства — Петр и построил всю армию. Русская армия XVIII века — прежде всего армия отборная, этим и объясняются все ее подвиги в тот великий век.

Сама организация российской вооруженной силы — как Московского государства, так и Пе- тровской империи — была следствием нашей самобытности. «Мы мало сходствуем с другими европейскими народами», — писал Румянцев в своих «Мыслях по устройству вооруженной силы». Упадок нашей армии начался с подража- ния иностранным образцам при Павле.

При ведении войны мы должны стараться из- бегать бесчеловечных ее форм. Отбросив с отвра- щением «клаузевицко-ленинскую» теорию ин- тегральной войны с ее терроризацией населения неприятельской страны, вспомним слова второ- го (после Лазарева) нашего главнокомандующе- го на Кавказе, князя Цицианова: «Русские воины

имеют за правило бить своего неприятеля когда нужно, но не разорять его, ибо россияне не уме- ют, победивши неприятеля, не присоединять его землю к своему государству и, следовательно, собственность свою каждый обязан сохранять».

Если мы эти золотые слова прочтем не теле- сными, а духовными очами, то пойдем весь их вечный смысл. Присоединять неприятельские земли нам не надо (коль скоро они не являют- ся похищенным нашим достоянием) — хватит и духовного присоединения иноземцев к нашей культуре. А это возможно лишь при отсутствии взаимного озлобления, незаживших ран.

Не будучи бесчеловечными к чужим стра- нам, можем ли мы быть зверями в отношении нашей родной матери? Мы должны вести войну, стремясь как можно меньше отягчать, истощать организм нашей страны. Это достигается лишь сохранением на своих местах возможно больше- го количества специалистов своего дела — все равно, хлебопашцев или железнодорожников, ремесленников или торговцев. Не станем пов- торять ошибки гипноза полчищами, роковой ошибки 1916 г.

Но для того, чтобы наша армия могла дать все, что она способна дать, ее нужно и применять со- ответственно. И русская национальная доктрина дает тому законы. Это прежде всего «смотрение на дело в целом» — синтез. Затем — «глазомер, быстрота, натиск». Венец же всему — победа, и притом «победа, малой кровью одержанная».

* * *

В воспитательном отношении наша доктрина всегда выдвигала религиозное начало и на- циональную гордость. «Мы — русские, с нами Бог!» — учил Суворов. Поэтому-то его наука и сделалась действительно «Наукой побеждать». Каждое из ее слов дошло до бесхитростного серд- ца чудо-богатыря, а все суворовское поучение — одно из самых чистых творений русского гения, величайший памятник православной русской культуры. Для преподавания «Науки побеждать» в военных училищах надлежит учредить особую кафедру. Преподавать, конечно, без изуверско- го дословного толкования, но и без еретической «поправки на современные условия» — чтобы правильно усвоенная офицерами, она могла бы правильно быть переданной солдатам.

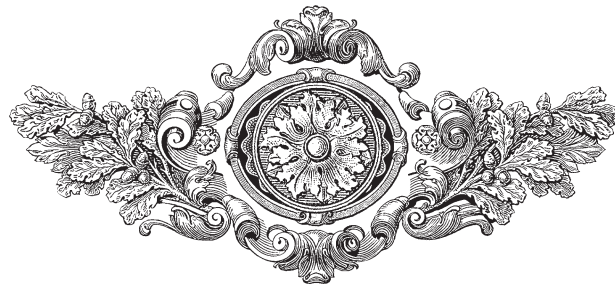
Затем нашу доктрину характеризует требова- ние сознательного отношения к делу: «Каждый воин понимает свой маневр». Проявление част-

¹ Пакт Бриана — Келлога (Парижский пакт) — подписан- ный 27 августа 1928 г. договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики; был назван по именам ини- циаторов — министра иностранных дел Франции Аристиде Бриана и госсекретаря США Фрэнка Келлога.

ной инициативы на низах — петровское требование: «Не держаться устава яко слепой — стены» и суворовское: «Местный лучше судит. Я вправо, ты видишь, надо влево — меня не слушать». Способствование этой инициативы на верхах — румянцевское: «Не входить в подробности, ниже предположения на возможные только случаи, против которых разумный предводитель войск

сам знает предосторожности, и не связывать рук».

И в этом отношении, как и во всех других, единственный способ, единственное спасение — это возврат на тот путь, с которого нас полтора столетия назад своротили гатчинским вахтпарадным эспонтоном, на путь, указанный нам Петром, Румянцевым и Суворовым.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ АРМИИ

ЧАСТЬ (том) 1, 2

ВВЕДЕНИЕ

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

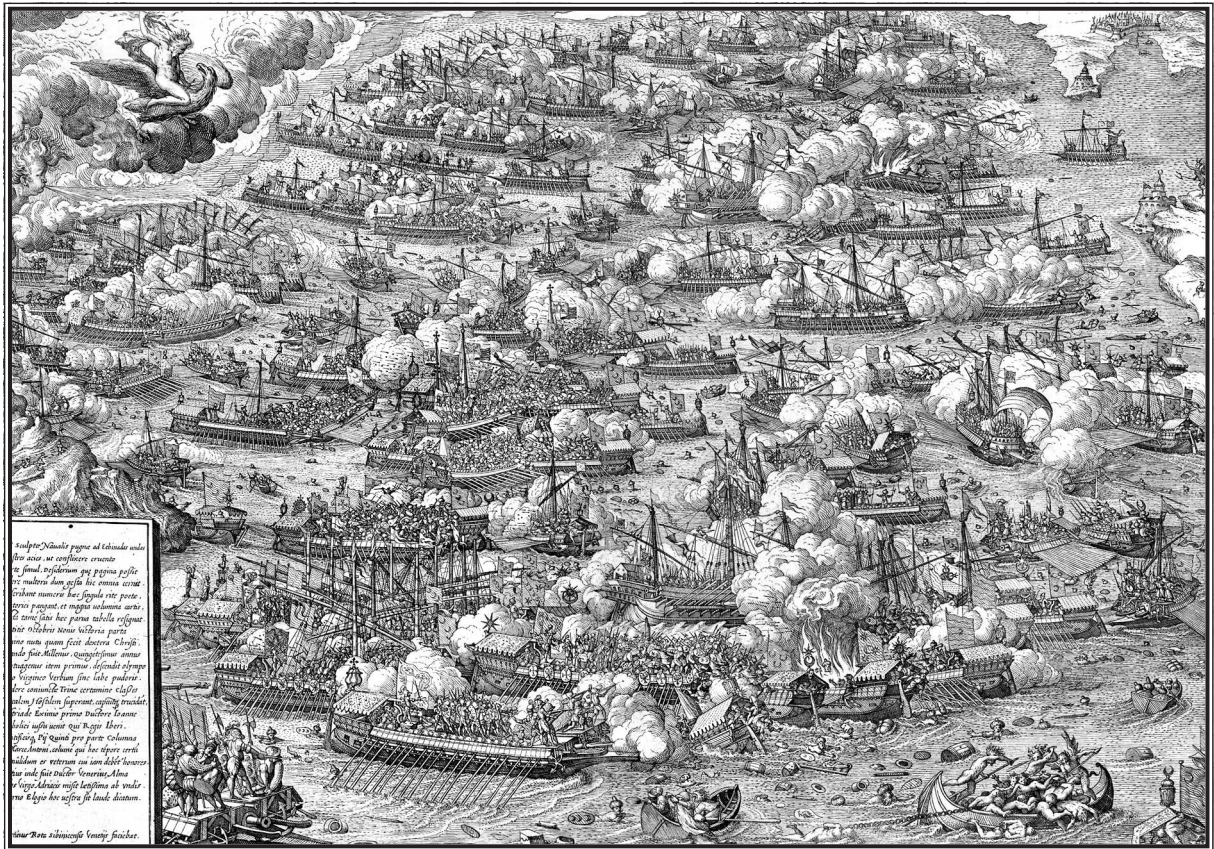
Сорок князей, царей и императоров в тысячу лет создали Россию. В их черед были правители слабые и неудачные, были искусные и гениальные. Недостатки одних на протяжении веков выравнивались деяниями других. Все вместе создали нашу Родину, ее мощь и красоту, ее культуру и величие — и мы, русские, навсегда останемся их неоплатными должниками.

В своем исполинском тысячелетнем деле созидатели России опирались на три великих устоя — духовную мощь Православной церкви, творческий гений русского народа и доблесть русской армии.

Будучи помазанником Божиим, проникнутый сознанием святости самодержавного строя, русский царь Богу одному отдавал отчет о своих действиях, управлял вверенной ему Богом страной по совести — через посредство лучших ее людей и не вверял судьбы ее бессмысленной толпе, никогда не знающей, чего хочет, и вожакам толпы, слишком хорошо знающим, чего хотят.

В троичности «Вера, Царь, Отечество» недаром понятие, выражающее идею Родины, поставлено не на первом, а только на третьем месте. Для русского народа оно является лишь результатом первых двух, своего рода производной их. Понятие *Россия*, неосмысленное предварительно понятием *Вера*, неоплодотворенное понятием *Царь*, является для него чуждым, абстрактным, лишенным внутреннего содержания и смысла. И далеко не случайность, что когда при советском владычестве не стало ни веры, ни царя, то само собой отпало и понятие *Россия*, уступив место сочетанию административных инициалов.

До этого последнего лихолетия России пришлось уже однажды пережить смертельную опасность. Природная династия Рюриковичей угасла, до избрания новой законной династии додумались не сразу (в претендентах незаконных и неприродных недостатка не было — что и создало анархию). Царский престол был пуст... но помимо него существовал еще один престол — престол патриарший. И этот престол спас тогда Россию. В сложившейся веками русской государственной машине царская власть являлась как бы ходом поршня, а духовная власть патриарха (до учреждения патриаршества — митрополита Московского) являлась своего рода инерцией махового колеса, обеспечивавшей ход машины, когда она начинала давать перебои и поршень становился «на мертвую точку». Гениальнейший из русских царей, перестраивая заново эту машину на иноземный образец, упразднил патриаршество и этим нарушил гармонию духовной жизни русского народа. Сообщенной Петром стране мощной инерции хватило на полтора с лишним столетия, но когда она стала иссякать и государственная машина стала давать

Мартин Рота. Битва при Лепанто 7 октября 1571 г.
Гравюра 1572 г.

В битве при Лепанто 7 октября 1571 г. в Патрасском заливе Ионического моря объединенный флот Священной лиги (коалиции католических государств) разгромил эскадру Османской империи. Это сражение имело большое моральное значение — европейцы убедились в том, что казавшихся непобедимыми турок можно побеждать.

Однако в стратегическом значении сражение при Лепанто не оказало большого влияния на ход Венецианско-турецкой войны, по итогам кото-

перебои — спасительной инерции маховика уже не оказалось. И машина остановилась...

Занимая совершенно особое положение среди прочих государств, Россия является страной самобытной, а в духовном отношении и самодовлеющей.

Историческое ее развитие — превращение в великую, а затем в мировую державу — совершалось с севера на юг: от Новгорода к Киеву, от Киева к Царьграду. Это — путь Олега, Святослава и Владимира Святого. Внутренние

рою Венеция была вынуждена уступить Османской империи Кипр. Под «освобождением Вены» имеется в виду битва при Вене 12 сентября 1683 г. В ней, после двухмесячной осады Вены турками, объединенные войска христианских государств во главе с королем Польским и великим князем Литовским Яном III Собеским одержали победу над османской армией. Это сражение стало переломным моментом в продолжавшейся три столетия борьбе государств Центральной Европы и Османской империи.

неурядицы и монгольский разгром с его последствиями заставили Россию в продолжение целых шести веков сойти со своего великодержавного пути. За весь этот тяжкий период русской истории не могло быть и речи о дальнейшем развитии русской великодержавности: шла борьба за само право существования России, а затем, медленно и с трудом, возвращалось и собиралось утраченное достояние. Это было великим делом нашей первой династии — династии, давшей Александра Невского и Иоанна Калиту.

За все время своего существования России приходилось отбиваться от двух врагов.

Первый враг — враг восточный — приходил к нам из глубины азиатских степей, сперва в обличье обров и половцев, затем монголов и татар и, наконец, турок. Эти последние, покорив пол-Европы, превратили Царьград в Стамбул, тем самым став поперек нашего исторического пути.

Второй враг — враг западный. Имя ему было и осталось — немец. Враг упорный и беспощадный, хитрый и бездушный, коварный и бесчестный. На протяжении 700 лет, от Ледового побоища до Брест-Литовска, враг традиционный, но не раз по капризу истории надевавший личину «традиционной дружбы» — всякий раз все к большей своей выгоде и все к большой беде России.

С восточным врагом боролись Дмитрий Донской, Иоанн III, Великая Екатерина, Александр Освободитель. С западным — Александр Невский, два первых Романова — цари Михаил и Алексей, дочь Петра — Елизавета.

Три царя боролись одновременно с обоими врагами — Иоанн IV, Петр I, Николай II (царь Грозный, царь Великий, царь Мученик).

Царю Иоанну удалось сокрушить восточного врага. Покорение Казани в истории христианства — праздник не меньший, чем битва при Лепанто и освобождение Вены. Однако борьба с западным врагом — вначале успешная — оказалась под конец ему не по силам.

Петр Великий, первый после Александра Невского, заставил западного врага обратиться вспять. В борьбе же с врагом восточным он потерпел неудачу.

Удачнее их действовал император Николай Александрович. На третьем г. беспримерной в истории борьбы ему удалось поставить восточного врага на оба колена, западного — на одно. Но тут явился третий враг — враг внутренний — духовный сын западного врага, поспешивший на помощь своему отцу...

И царя не стало! Ужасной ценой заплатила тогда страна за свою минутную слабость и невольное предательство. Историческая задача России, бывшая накануне своего славного разрешения, снова отодвинулась в кровавую мглу — и для разрешения ее, для признания за собой права на место под солнцем, нам придется еще долго, много и упорно воевать.

Борьба с восточным врагом обратилась для России сперва в защиту христианской веры, а в последующие века — в освобождение угнетен-

ных единоверцев и единоплеменников. И тот же освободительный характер приняла и самая большая из ее войн с врагом западным¹.

Все это сообщает войнам, веденным Россией, характер совершенно отличный от войн, веденных другими народами, и придает им отпечаток той высшей гуманности, за которую на этом свете не существует человеческой награды. Ведя эти войны, Россия выполняла свою задачу — задачу «Божьей рати лучшего воина» — многовековой непрерывный крестовый поход.

Француз умирал за славу, за белое знамя, за императора и просто за прекрасную Францию. Англичанин погибал на краю света «за всё большую Британию» и лил во славу старой Англии свою кровь во все моря земного шара. Русский офицер и русский солдат полагали свою душу «за други своя». Со смертью каждого из них словно одной звездочкой становилось больше на небе. И если бы удалось собрать в один сосуд всю кровь, пролитую ими на протяжении веков на полях Германии и Франции, Галиции и Польши, в горах Болгарии и Армении, то единственной надписью на этой чаше могло бы быть: «Не нам, не нам, а Имени Твоему»².

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ МОСКОВСКОЙ РОССИИ

XVII век был веком упадка русской государственности. Медленно оправляясь от последствий Смутного времени, Россия царя Михаила Федоровича не раз переживала тяжелые кризисы, участившиеся и принявшие грозный характер в правление царя Алексея.

Правление этого слабого государя не было счастливым, несмотря на присоединение Малороссии. Царская власть ослабела, самодержавие существовало лишь на бумаге, обратившись в господство дьяков. Ссора царя с патриархом Никоном удалила от престола единственный государственный ум России того времени. Хозяй-

¹ Пример весьма неоднозначной трактовки А. А. Керновским исторических событий. При том, что Первая мировая война действительно не была начата Россией, определение ее как «освободительной» выглядит очень сомнительно.

² «Не нам, не нам, а Имени Твоему» — фраза из Библии, которая в более точном и полном переводе звучит следующим образом: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей». Была очень популярна в России, в частности, после того как отчеканена на медали, выпущенной в 1812 г. в честь победы в Отечественной войне и изгнания Наполеона.

ничанье же дьяков привело к государственному банкротству (медные рубли) и к закреплению крестьянского сословия (простая полицейская мера Годунова была превращена в середине столетия в крепостное право стараниями «крючкотворцев»). Внутри страны не прекращались восстания и бунты. Внешние войны царя Алексея Михайловича закончились плачевно.

Умирая, он оставлял Россию в состоянии несравненно худшем, чем принял.

В 1670—1680-х гг. страна погрузилась в глубокий и полный маразм, раздираемая религиозными настроениями, внутренними смутами, придворными интригами и военными бунтами.

Военное бессилие России было полным. Московское правительство, не будучи в состоянии совладать с крымскими татарами, опустошавшими Украину и низовые области своими набегами, унизило до платежа ежегодной дани крымскому хану! Обуздать этих степных хищников, уведших в рабство в Турцию в одном, например, 1688 г. свыше 70 000 человек, оно было не в состоянии.

Русскими невольниками были переполнены рынки Востока и, увы, Запада — что вечным позором ложится на «просвещенную Европу», уже тогда торговавшую человеческим мясом с «каннибалами».

По мнению известного слависта профессора В. И. Ламанского, с XV века в продолжение четырех столетий (по XVIII век включительно) Великая и Малая Русь и часть Польши лишились от 3 до 5 млн жителей обоих полов, уведённых в турецкую неволю и проданных в рабство. Вот что он пишет по исследованию архивов Венецианской республики: «Венецианские посланники XVI века говорят, что вся прислуга Константинополя у турок и у христиан состояла из этих русских рабов и рабынь. Не было няnek и кормилиц, если крымцы долго не чинили набегов на Восточную и Западную Русь. Русские рабыни встречаются еще в XV веке в разных городах Италии. Немало было русских рабов и у мамелюков в Египте. С конца XVI века, в XVII и даже XVIII столетии Венеция и Франция употребляли русских рабов на военных галерах как гребцов-колотников, вечно закованных в цепи. Кольбер¹ особенно не жалел денег на покупку этих

рабов на рынках Леванта, а благочестивый Людовик XIV только иногда прибавляя, чтобы эти “*russiens* не были схизматик”. В таких размерах совершалась в XV—XVIII веках торговля русскими невольниками и невольницами в Европе. Лишь покорением Крыма положен был конец этой позорной для Европы торговли христианскими рабами²».

Ослабевшее Московское государство ограничивалось лишь пассивной обороной: от Брянска на Тулу и Каширу и дальше на Рязань была проведена укрепленная сторожевая линия, оставлявшая, однако, беззащитными не только новоприсоединенную Малороссию, но и коренные области Московской Руси — нынешние Курскую, Орловскую и большую часть Тульской губернии. Военное дело находилось в полном упадке, как то показывают неудачные походы Голицына на Крым.

Для того чтобы вывести страну из этого маразма, нужна была железная воля и железная рука. Одно и другое сочеталось в младшем сыне Тихайшего.

Мы не собираемся здесь подробно излагать и критиковать реформы Петра I. Это вывело бы нас слишком далеко за рамки нашего скромного труда. Скажем только, что если бы этого государя не было, анархия окончательно одолела бы страну, низведя Московию на положение какого-нибудь Бухарского ханства или Абиссинской деспотии, разделенную на «сферы влияния». Большинство реформ Петра были жизненно необходимы, иные были излишни (насильственная ломка быта, глумление над старинными обычаями и традициями, огульно объявленными «предрассудками», и т. п.). Некоторые реформы, как, например, упразднение патриаршества, оказались прямо вредны. Военные же мероприятия его — реформа армии, зарождение флота — отмечены печатью гения и одни уже дают ему право именоваться Великим.

Военная система России, как московской, так и императорской, резко отличалась во все времена от западноевропейской.

На Западе царил принцип найма, вербовки. Военное дело являлось там прежде всего доходной профессией. Ландскнехты и кондотьеры служили за деньги — сегодня цесарю и папе против

¹ Жан Батист Кольбер (1619—1683) — французский государственный деятель; занимал несколько государственных должностей, главной из которых был пост министра финансов, фактически же с середины 1660-х гг. был главой правительства при Людовике XIV.

² Согласно историческим данным, последний набег крымских татар, в ходе которого были захвачены русские пленники, произошел в 1737 г., т. е. за 46 лет до присоединения Крыма к Российской империи.

Русская поместная конница.

Гравюра из «Записок о московских делах»
Сигизмунда фон Герберштейна. 1557 г.

христианнейшего короля, завтра — королю против цесаря и папы. Западноевропейский солдат до конца XVII века был наемником.

В основу русской военной системы испокон веков положен был принцип ее обязательности — принцип долга для каждого защищать Русскую землю, принцип «повинности».

Московская рать явилась первой национальной армией в мире, подобно тому как петровская армия весь XVIII век была единственной национальной армией в Европе¹.

Регулярное войско — стрельцы — было у нас заведено при Иоанне Грозном. Большая же часть армии состояла из земского ополчения (дворяне и даточные люди), созывавшегося по принципу обязательной повинности в военное время, что придавало вооруженной силе Московского государства милиционный характер.

«Солдаты, более способные на грабеж, чем на битву», — пренебрежительно выразился о московских ратниках немец Пуффендорф, наблюдавший московскую Россию в ее упадочную пору, в XVII веке. Это утверждение мы оставляем на его совести (уж в чем ином, а в недоброжелателях и клеветниках у нас никогда недостатка не было). Летописи московской рати не знают

¹ Армии, которые можно считать «национальными», еще с XIII в. существовали в Англии, Швеции и других странах.

позорных событий вроде разграбления Рима католическими же ландскнехтами Фрундсберга². Магдебург был разгромлен озверелыми рейтарами Тилли³, не щадившими ни женщин, ни детей и умертвившими весь гарнизон за упорное сопротивление. А грозный царь Иоанн Васильевич, отпуская на все четыре стороны гарнизон Полоцка, одарил его богато за храбрую защиту.

О вооруженных силах Московской России в цветущий ее период — XVI век — предшественники Пуффендорфа судили иначе: «Ни один из христианских государей, — пишет один из них о войске Василия III, — не имеет армии более грозной и лучше устроенной, чем великий князь Московский». В Ливонскую войну рати Иоанна IV не раз бивали в открытом поле шведов и немцев-наемников в равных и даже превосходящих силах. Защитники Вендена, не желая сдаваться, удавились на своих орудиях⁴. Наемные солдаты других армий в их положении, наверное, поспешили бы сдаться и поступить на службу к новому хозяину! В укрепленных городах московские ратные люди могли отсиживаться и успешно отбиваться целыми годами. Военная история всех стран и народов не знает подвигов, могущих сравниться с защитой Смоленска, Пскова и Троице-Сергиевой Лавры.

² Георг фон Фрундсберг (1473—1528) — предводитель германских ландскнехтов на службе у императора Священной Римской империи Карла V. 6 мая 1527 г., в ходе так называемой войны Коньякской лиги, вышедшие из-под контроля многонациональные войска императора Карла V захватили Рим и разграбили город. Сам Фрундсберг тяжело переживал потерю дисциплины в вверенных ему войсках, перенес инсульт и вскоре скончался.

³ Иоганн Церклас, граф фон Тилли (1559—1632) — военачальник Священной Римской империи, фельдмаршал. В ноябре 1630 г. в ходе Тридцатилетней войны войска под командованием Тилли осадили Магдебург, жители которого исповедовали протестантизм. Несмотря на огромное численное превосходство, взять штурмом город австрийцам удалось только 20 мая 1631 г. Ворвавшиеся в город солдаты вышли из-под контроля начальников и устроили резню, в ходе которой, по некоторым данным, погибли 25 из 30 тысяч жителей Магдебурга.

⁴ Имеется в виду эпизод Ливонской войны, сражение под замком Венден (ныне возле города Цесис в Латвии) 21—22 октября 1578 г. Русские войска обложили Венден, однако польско-литовские войска и подоспевший ему на помощь шведский отряд пришли на помощь гарнизону. После первого дня сражения ночью русские военачальники бежали с поля боя. Оставшееся войско было разгромлено. По сведениям польского дипломата и историка Рейнгольда Гейденштейна (1553—1620), русские пушкари, после того как у них закончились боезапасы, повесились на стволах своих пушек (правда, по другим сведениям, они были повешены поляками).

Мушкетер немецких полков XVII столетия.

Иллюстрация из книги А. В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению». 1841—1862 гг.

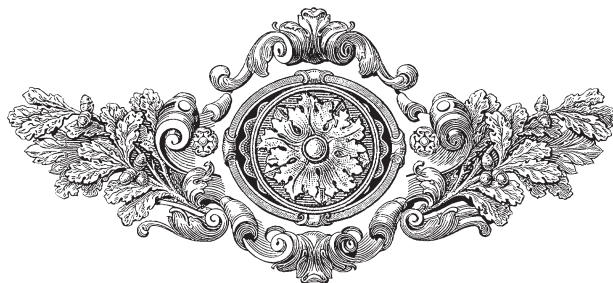
Дружинники Святослава, обещавшие «сложить свои головы, где его голова ляжет», храбрые жители Козельска — «злого города» Батяга, венденские пушкари, предпочевшие смерть плену, сергиевские иноки, смольяне и псковичи, целовавшие крест сидеть до конца, — вот от кого

произошли по прямой линии полтавские драгуны, цорндорфские фузилеры, рымникские чудобогатыри! Двух армий — «московской» и «императорской» — не существует, есть одна русская армия.

Войска иноземного строя стали у нас заводится при царе Михаиле Федоровиче. Первые из сохранившихся патентов выданы полковнику драгунского полка ван Даму в 1632 г. и полковнику солдатского полка Шарлю Эберсу в 1639 г. Признавался желательным состав этих войск на одну треть из иноземцев и на две трети из русских (те и другие — профессионалы). На самом деле они состояли почти сплошь из русских.

В 1642 г. было сформировано два «выборных» (т. е. отборных) полка из московских слобожан и стрелецких детей — Первомайский и Бутырский. Полкам этим суждено было явиться связующим звеном старой московской и новой петровской армий — символ единства и нераздельности русской армии. В начале царствования царя Алексея, в 1648 г., был издан первый в России воинский устав — «Учение и хитрости ратного строя пехотных людей».

Однообразных штатов не существовало. Иноземные полки делились на роты, стрелецкие имели сотенную организацию. Те и другие именовались по полковникам. Число полков колебалось: солдатских (т. е. пехотных иноземного строя) бывало от 25 до 35, рейтарских и драгунских — до 25, стрелецких 40—45 (в одной Москве 18). По росписи 1689 г. считалось: «стройных» войск 110 000, «нестройных» — 55 000, «городовых» — до 25 000. Всего на бумаге тысяч до 200, но плохо организованных, еще хуже дисциплинированных, в общем, слабой боеспособности.

Глава I.

ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА ПЕТРОВА

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ АРМИИ. РЕФОРМА 1698 г.

Службу регулярных войск Московского государства в последние десятилетия XVII века скорее всего можно сравнить с нынешним отбыванием лагерных сборов. Солдаты, поселенные в слободах, мало-помалу омещанивались, утрачивали воинский дух и даже воинский вид. Большинство обзаводились семьями и занимались ремеслами и промыслами, ничего общего с военной службой не имеющими. Под ружьем они находились в общей сложности месяц или два в году. Безвременье 1670—1680-х гг. особенно пагубно отразилось на стрельцах, превратившихся в смутьянов и бунтарей — каких-то янычар московской России и представлявших своим существованием государственную опасность.

Единственно полноценными в то время могли считаться лишь четыре полка: Преображенский и Семеновский «потешные» (учреждены в 1683 г., полковую организацию получили с 1691 г.) и оба «выборных» — Первомосковский Лефорта¹ и Бутырский Гордона².

В 1694 г. молодой царь произвел первые большие маневры русской армии, так называемый Кожуховский поход. Маневры эти явили собой точное подобие войны (вплоть до того, что около 70 человек было убито и ранено стрельбой пыжами в упор) и в них участвовало до 30 000 войск как старой организации, так и нового строя, причем все преимущества оказались на стороне последних.

Азовские походы окончательно убедили царя Петра в малой пригодности войск старой организации. Кампания 1695 г. закончилась плачевно — беспорядочное отступление от Азова походило на бегство. В 1696 г. 70-тысячная армия при поддержке, оказанной ей импровизированным флотом, лишь после двухмесячной осады смогла овладеть крепостью, которую защищало менее 5000 турок. Солдатские полки, не говоря уже о стрелецких, проявили мало боеспособности и еще меньше дисциплины. Наоборот, полки, составленные из призванных на время войны в порядке повинности земских людей — дворян и даточных³ крестьян — обнаружили большое рвение при всех неизбежных недостатках войск милиционного типа.

¹ Франц Яковлевич (Франц Яков) Лефорт (1655—1699) — государственный и военный деятель. Родился в Женеве, кальвинист по вероисповеданию. Приехал в Россию в 1675 г. С конца 1680-х гг. был одним из ближайших друзей и сподвижников Петра I, сыграл большую роль в реформировании российской армии по западноевропейскому образцу.

² Патрик Леопольд (Петр Иванович) Гордон оф Охлухрис (1635—1699) — шотландский и российский военачальник, генерал (1687) и контр-адмирал (1694) на русской службе.

³ Даточные люди — одна из составляющих вооруженных сил XVII в. выставлявшиеся населением для несения военной службы.

Все это подало Петру мысль целиком обновить состав армии, распустив всех «янычар» — солдат, рейтар и стрельцов, и вновь набрать «профессионалов», на этот раз подневольных, из среды дворян и даточных.

Реформа эта произведена в 1698 г. Все старые полки были распущены и расформированы за исключением четырех упомянутых выше. В эти четыре полка были сведены все, кого Петр считал надежными и пригодными для дальнейшей службы, — всего 28 000 человек (стрельцов после бунта этого года на службу не брали совсем).

В основу новой своей армии Петр положил, таким образом, принцип отбора. Ближайшим сотрудником царя в проведении этой реформы был генерал Патрик Гордон — ветеран чигиринских и герой азовских походов, переработавший тогда же старый устав 1648 г. Гордон умер в следующем 1699 г., и смерть его была тяжкой утратой для молодого царя и молодой его армии.

В 1699 г. был объявлен призыв 32 000 даточных — первый в России рекрутский набор. Одновременно было принято на русскую службу с большим преимуществом (главным образом в смысле окладов) много иностранцев, которым было отведено большинство командных должностей в новой армии. Только что закончившаяся война Франции с Аугсбургской лигой¹ освободила как раз многих профессионалов шпаги, среди которых наряду с авантюристами попадались и люди высоких качеств.

Весной и в начале лета 1700 г. из сверхкомплекта четырех старых полков и новопризванных даточных было сформировано 29 пехотных полков, составивших три сильные дивизии, и 3 драгунских. Большинство этих полков (вначале названных по полковникам) существует и поныне.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Впродолжение всей своей истории Россия стремилась к свободному морю, как лишенная света растение стремится к солнцу. Русь родилась на волнах — в варяжской ладье, и поэтому ее национальная политика не могла не быть политикой в первую очередь морской. Щит

Олега на вратах Царьграда является символом этой политики и сопряженной с ней великодержавности. «Морская традиция» была оставлена в упадочную пору русской государственности. В середине XIV века западный наш враг утвердился на Финском заливе, превратив «Варяжское море» в шведское внутреннее озеро. «Русское море» стало турецким внутренним озером. Россия была отрезана от обоих своих морей — северного и южного.

Возрождение российской великодержавной идеи при Иоанне III и блистательное ее развитие при Грозном не могло не привести к возрождению основного закона нашей великодержавности — «морской традиции» в политике. Вот причина Ливонских войн. Кровь Рюрика сказалась через семь столетий в предпоследнем и самом ярком из его венценосных потомков.

Петр понимал, что лишь выходом к морю можно вернуть России ее великодержавность. Архангельск и недавно приобретенный Азов не могли иметь значения для развития сношений с заграницей вследствие своего слишком окраинного положения.

Завоевание черноморского побережья Петр I считал менее срочным, чем приобретение «окна в Европу» на Балтийском море. Прежде всего борьба с такой могучей державой, как Оттоманская Порта того времени, была немислима без союзников. Союзники же по этой борьбе — Австрия и Польша — отказывались от продолжения Азовской войны. Австрия была озабочена вопросом о только что открывшемся испанском наследстве, Польша после смерти Собеского не видела выгод в походах на Молдавию. Затем, даже в лучшем случае, т. е. конечном одолении Турции, пользование Черным морем представляло много неудобств. Выходы из него были в турецких руках, и выводило оно в конце концов в Средиземное море, то есть в страны латинской культуры.

Питая отвращение к иезуитам и опасаясь не без основания роста их влияния в России, Петр не желал завязывать особенно тесных сношений с латинянами. Царевна Софья была сторонницей латинской культуры и иезуитов. Петр же решил «искать света» на севере — у голландцев (бывших его первыми друзьями) и англичан. Для этого необходимо было овладеть балтийским побережьем, т. е. выдержать борьбу со Швецией. А для этой борьбы уже намечались союзники — Дания и Польша, у которых были свои счета со «свейским» королем.

¹ *Аугсбургская лига* — союз, который был заключен в июле 1686 г. императором Священной Римской империи Леопольдом I, королем Испании Карлом II, королем Швеции Карлом XI, курфюрстом Баварии Максимилианом II Эмануэлем и некоторыми другими монархами.

* * *

Выступая на арену большой европейской политики, молодая Россия не имела никакого опыта в этом деле. До сих пор внешние сношения Московского государства ограничивались почти одной Польшей. Понятия о других странах были характера полубаснословного. Знали, что на севере живет «свейский» король, с которым мы часто воевали, а на юге — турецкий султан, поганой веры. Время от времени отправлялись пышные посольства римско-немецкому цесарю и принимались таковые от него. Про «аглицкого» короля знали, что он живет за морем и царствует «не по Божьему соизволению, а по мятежных человек хотению» — чином, стало быть, будет пониже цесаря. Из остальных иноземцев лучше других знали итальянцев, мастеров на все руки — зодчих, живописцев, музыкантов и лекарей, и голландцев — мореплавателей и торговцев, живших на Немецкой слободе.

Взаимоотношения иностранных держав были нам совершенно неизвестны. Отправляя в 1701 г. Толстого¹ (наш первый посол в Турции), Петр наказывал ему узнать «какое европейское государство турки больше уважают, какой народ больше любят». О количестве войск и кораблей у иностранных «потентатов» сведений не имелось.

Великое посольство Лефорта (1697—1698) значительно расширило кругозор государя (принимавшего в нем участие под именем Петра Михайлова) и его спутников. Еще до того Петр узнал много полезного от иностранцев, живших в России. Дружба с голландцами Брандтом² и Тиммерманом³ (создателем «дедушки русского флота») пробудила симпатии Петра к Голландии и привела к предвзятой неприязни ко врагу Голлан-

Портрет Петра I.

Гравюра Якоба Хоубракена
с портрета работы К. Моора. После 1717 г.

дии — Франции Людовика XIV. В 1692 г. победа англо-голландского флота над французским при Хуге была отпразднована у нас иллюминацией и пушечной пальбой в Преображенском потешном городке (а какое дело могло быть Московскому государству до Франции?). Франко-русские отношения, таким образом, испортились раньше, чем успели завязаться.

Положение же дел в Европе представлялось в следующем виде. Со времени Итальянских войн конца XV и начала XVI века характерной и постоянной чертой европейской политики — ее главной пружиной — являлось соперничество Франции с Австрией — христианнейшего короля с римским императором.

Союзниками Франции в этой вековой борьбе были Турция и Швеция. Традиции франко-турецкой дружбы восходят ко Франциску I и Сулейману Великолепному, а франко-шведской — к Густаву Адольфу и кардиналу Ришелье.

Эти два союзника королевской Франции являлись как раз нашими естественными противниками: столкновение России с ними при возобновлении процесса ее государственного развития

¹ *Петр Андреевич Толстой* (1645—1729) — государственный деятель и дипломат, сподвижник Петра Великого. В 1701—1714 гг. был посланником в Константинополе. Впоследствии являлся одним из руководителей секретной службы Петра (Преображенского приказа и Тайной канцелярии). Возвысился благодаря протекции А. Д. Меншикова, однако уже после смерти Петра I между ними возникла размолвка, и в итоге П. А. Толстой был сослан в Соловецкий монастырь, где и умер в преклонном возрасте.

² *Карштен Брандт* (ок. 1630—1693) — голландский судостроитель, с 1667 г. на русской службе, первый учитель Петра I морскому делу и голландскому языку, строитель судов «потешной флотилии» на Плещеевом озере.

³ *Франц Федорович Тиммерман* (1644—1702/1710) — голландский купец, учитель Петра I по геометрии и фортификации, флотскому делу, кораблестроению, астрономии.

было неизбежно, начертано на географической карте. И это обстоятельство определило характер франко-русских отношений на весь XVIII век. Вот причина неизменной русофобской политики Бурбонов, традиции которой, несмотря на исчезновение самой причины, сохраняются французскими роялистами и поныне. Появление России на международном ристалище и возобновление ею своей национальной и традиционно великодержавной политики явилось для Франции событием в высшей степени нежелательным, как ослабляющее ее союзников и лишаящее ее их поддержки.

Воинственный Карл XII, не будь он поглощен борьбой с Россией, конечно, не пропустил бы случая ввязаться в войну за Испанское наследство, чем выручил бы Францию, поживившись и сам за счет Англии и Австрии и стяжав себе лавры Густава Адольфа на полях Германии. Поэтому в продолжение всего XVIII века версальский кабинет всегда являлся душой интриг против России; вспомним Шуазеля¹.

Петр Великий не сходил с слишком близко ни с одной из иностранных держав, благодаря чему при нем русская кровь не проливалась за чужие интересы.

18 августа 1700 г. был подписан мир с Турцией², а на следующий день, 19 августа, была объявлена война Швеции. Для России начинался славнейший период ее истории.

ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

Готовясь к войне с могущественным северным соседом (количество населения Швеции тогда превышало этот показатель в России), Петр заручился союзом с Данией и Польско-Саксонским королевством. Дания чаяла возвращения областей, отторгнутых от нее Швецией по Копенгагенскому и Альтонскому мирным договорам. Польский же король Август II, курфюрст Саксонский, избранный по смерти Собеского в 1697 г., надеялся этой войной, предпринятой

под предлогом возврата Польше Лифляндии, упрочить свою шаткую власть в Речи Посполитой.

Союз был заключен в 1699 г. В том же г. польско-саксонские войска вошли в Лифляндию, открыв этим кампанию. Россия военных действий пока не начинала, занятая мирными переговорами с Турцией и устройством своей армии.

Состояние этой последней (около 60 000) оставляло желать лучшего. Ненадежные элементы были, правда, удалены, но вновь сформированные полки, за исключением четырех старых, имели характер импровизированных войск. Призванные на службу даточные люди были необученны, недисциплинированны, плохо одеты и снаряжены. Большую часть высших и значительную средних командных должностей занимали, как мы уже видели, иноземцы, знакомые с русскими условиями, обычаями, традициями, даже языком. В своем большинстве они презирали и третировали высоко своих русских сослуживцев и подчиненных, плативших им дружной ненавистью. Это взаимное недоверие «верхов» и «низов», в связи с общим неустойчивым импровизированных «мужицких» войск, предвещало мало хорошего при столкновении со шведской армией, по справедливости считавшейся тогда лучшей в мире.

В Великой Северной войне мы можем различить три периода. Первый — период коалиционной войны и триумфа шведского оружия (1700—1706). Нарва и Фрауштадт знаменуют собой апогей славы суровых протестантских полков. Второй и решительный период — единоборство России со Швецией, закончившийся достопамятною Полтавской викторией (1707—1709). Третий период (1710—1721), от Полтавы до Ништадта через Фридрихштадт, Гангут и Гренгам — это добывание Швеции совместно с бывшими союзниками, немедленно поспешившими на помощь победителю. Прутский поход представляет собой отдельный эпизод этого третьего периода и имеет с ним тесную внутреннюю связь.

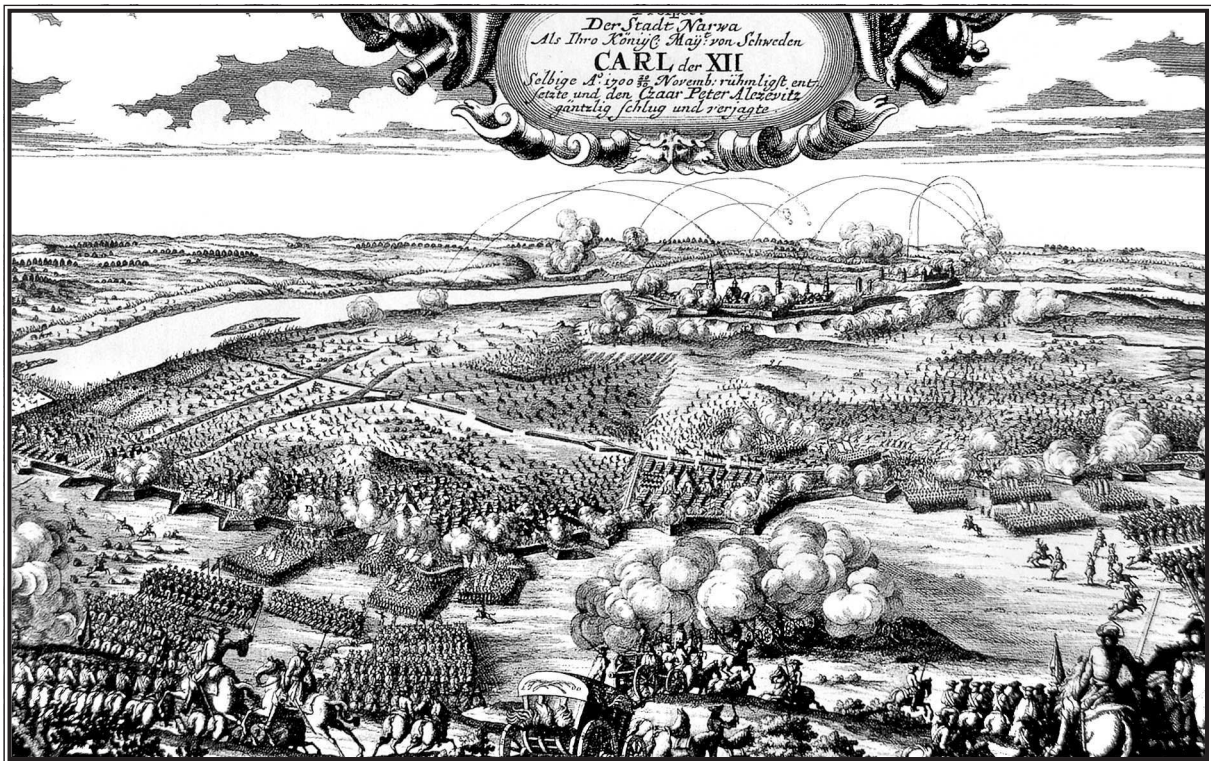
ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

В марте 1700 г. военные действия были открыты датчанами. Датский король вторгся с войском в шведскую Голштинию³ (на которую он претен-

¹ *Этьен-Франсуа де Шуазель, герцог д'Амбуаз и граф Стенвиль* (1719—1785) — французский государственный деятель и дипломат, руководитель французского внешнеполитического ведомства в последней трети царствования Людовика XV.

² Константинопольский мирный договор, явившийся итогом Азовских походов Петра I, был заключен 3 (14) июля 1700 г.

³ Голштиния была тогда ленным княжеством в составе Священной Римской империи.

Победа шведов под Нарвой 7 октября 1700 г.

Гравюра 1701 г.

Говоря о битве под Нарвой в 1700 г., нужно отметить несколько моментов. Во-первых, слова А. А. Керсновского, что «Петр I отбыл в Москву из армии наладить продовольственную часть» являются далеко не единственной и, пожалуй, не основной версией того, почему царь вместе с генерал-фельдмаршалом Ф. А. Головиным и фаворитом А. Д. Меншиковым покинул войска 18 (29) ноября 1700 г., накануне генерального сражения.

Шведские источники, особенно сразу после битвы, распространяли версию, что царь попросту струсил — якобы его напугали сведения (оказавшиеся ложными) пленных шведов о приближении 50-тысячной армии во главе с самим Карлом XII. Эту версию поддерживали и некоторые российские историки. Однако следует отметить, что ни до этого (в походах на Азов) ни после Петр никогда не позволял себе подобного малодушия.

Еще одна версия гласит, что Петр якобы предполагал, что шведы не станут атаковать сразу же после длинного перехода и поэтому он расчи-

тывал вернуться назад к моменту генерального сражения.

Также есть предположения, что русский царь, ожидая сражения с 50-тысячной армией, хотел уговорить польского короля как можно скорее присоединиться к боевым действиям против шведов.

Наконец, своего рода обратная версия гласит, что Петр, наоборот, решил, что победа над Карлом уже у него в руках и отправился в Новгород, чтобы вместе с Августом II планировать следующие шаги по окружению шведских войск в районе Нарвы.

Справедливости ради стоит также отметить, что фельдмаршал де Круа, во-первых, был введен в заблуждение относительно количества шведских войск — это произошло прежде всего по вине командующего поместной конницей Б. П. Шереметева, который не произвел должным образом разведку и положился на показания пленных шведов. Во-вторых, де Круа отказывался принять на себя командование войсками, однако фактически насильно был принужден к этому Петром.

довал), оставив свои владения незащищенными. Этим немедленно воспользовался Карл XII — и нанес Дании молниеносный, сокрушительный удар. С небольшой, но отборной армией он в мае

внезапно высадился на о. Зеландия и угрозой сжечь беззащитный Копенгаген заставил датского короля сложить оружие. Мир с Данией (в Травендале) был заключен 18 августа — таким

Герцог Карл Евгений де Круа.
Гравюра Якоба Хоубракена
с портрета работы К. Моора. После 1717 г.

образом, в сам момент выступления России один из членов коалиции выбыл уже из строя.

Решив бить своих противников по очереди, Карл XII из Дании морем отбыл в Лифляндию против поляков и саксонцев, осадивших было Ригу. Однако король Август, встретив отпор гарнизона и узнав о прибытии в Пернов шведской армии, счел за благо снять осаду и ретироваться восвояси. Оставался третий враг — «москвиты». Действующая русская армия — 3 дивизии, силой в 42 000 человек при 145 орудиях — вторглась в сентябре в шведские пределы. План Петра заключался в овладении Ингерманландией для разъединения шведских владений — Финляндии с Эстляндией и Лифляндией. Для этого надлежало осадить и взять Нарву, которую царь, по примеру своих предшественников, считал ключом к Ингрии. Малочисленность шведских гарнизонов, казалось, способствовала успеху операции. Армией командовал герцог де Круа¹ — французский гугенот, недавно принятый на службу и за-

¹ Карл Евгений де Круа (Круи, Крои, Кроа, Крой; 1651—1702) — военачальник нидерландского происхождения, служивший в датской армии, армии Священной Римской империи, саксонской и русской армиях, фельдмаршал австрийской и саксонской армий.

нявший место, но, увы, не заменивший покойного Гордона. Резервы в Москве устраивал князь Аникита Репнин².

Осада Нарвы затянулась, и осаждающие, вследствие плохого своего устройства, стали испытывать большие лишения, нежели осажденные. Петр I отбыл в Москву из армии наладить продовольственную часть.

Тем временем к Нарве подошел Карл XII — и 19 ноября 1700 г. русская армия потерпела здесь самое жестокое поражение за всю свою историю. Большой части ее пришлось сложить оружие — остатки бежали к Новгороду, на резерв Репнина.

Шведов было в пять раз меньше русских — всего 8000 человек³ при 37 орудиях. Сильная метель скрыла их приближение к русской позиции, но, несмотря на ее неожиданность, первая шведская атака была отражена. Внезапно вспыхнула паника в коннице Шереметева⁴, вдруг обратившейся в бегство. Крик: «Немцы изменили!» пронесся по всему лагерю, солдаты принялись избивать иноземных офицеров, которым оставалось лишь одно спасение — сдать шведам.

Гарнизон Нарвы под начальством энергичного генерала Горна в свою очередь предпринял вылазку. При втором натиске шведов все побежало. Дивизии Трубецкого⁵ и Вейде⁶ сложили оружие сразу, третья дивизия, Головина⁷, — лишь после упорного сопротивления, за что сохранила знамена и ружья. По капитуляции русская армия сдала шведам всю свою артиллерию, обоз, знамена и оставляла военнопленными всех генералов; остальные отпустились. Карл XII, не считавший «этих мужиков» для себя опасными, совершил

² Аникита Иванович Репнин (1668—1726) — военачальник и государственный деятель петровской эпохи, генерал-фельдмаршал (1724), первый генерал-губернатор Рижской губернии (1719—1726), президент Военной коллегии (1724—1726).

³ По другим данным, армия Карла XII насчитывала около 10 тыс. плюс гарнизон Нарвы численностью 1900 человек.

⁴ Борис Петрович Шереметев (1652—1719) — военачальник и дипломат, генерал-фельдмаршал, первый в истории Российской империи человек, возведенный в графское достоинство (1706).

⁵ Иван Юрьевич Трубецкой (1667—1750) — государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, последний в истории России боярин. В начале Северной войны попал в плен, в котором в итоге провел 18 лет.

⁶ Адам Адамович Вейде (1667—1720) — государственный деятель и военачальник немецкого происхождения, один из ближайших сподвижников Петра I.

⁷ Автамон Михайлович Головин (в большинстве источников — Автоном; 1667—1720) — военачальник и государственный деятель, сподвижник Петра I, генерал от инфантерии.

ошибку — он отпустил своих будущих победителей «и за нарвскую победу днем Полтавы заплатил».

Наши потери — 6000 убитыми и ранеными. Шведам эта победа даром не досталась — они лишились 2000 человек — четвертой части своего маленького войска. В память Нарвы, где Преображенский и Семеновский полки спасли честь русского оружия, офицерам этих полков и 1-й батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады (бомбардирской роты) пожалован нагрудный знак — первый знак отличия русской армии.

Герцог де Круа поспешил вручить свою шпагу победителю, его примеру последовали почти все начальники из иностранцев. «Пусть сам черт воюет с такой сволочью», — заявил он при этом.

Полвека спустя, вечером цорндорфского побоища, другой иностранец — и на этот раз великий полководец — выразился несколько иначе о русских солдатах: «Этих людей легче перебить, чем победить!»¹ Оба эти изречения — каждое верное для своей эпохи — нагляднее всего показывают размеры славного пути, пройденного русской армией в начале XVIII века и позволяют оценить по заслугам труды «птенцов гнезда Петрова» и самого великого преобразователя.

Считая Россию окончательно выбывшей из строя, Карл XII обратил все свои усилия против Августа II. Война стала вестись на двух отдельных театрах: польском (главные силы шведов с королем) и прибалтийском (заслон).

Оставив на этом последнем театре корпус Шлиппенбаха (8000) в Лифляндии и отряд Кронгиорта² (6000) в Ингрии. Карл счел эти силы достаточными для удержания «русских мужиков», пусть даже и превосходящих их числом во много раз. По низложению Августа II с польского престола и после разгрома Саксонии (на что шведский король полагал одну-две кампании) можно было бы добить «москвитов», если Шлиппенбах почему-либо не управился бы с ними до тех пор.

Вольмар Антон фон Шлиппенбах происходил из знатного дворянского рода германского происхождения. Свою карьеру военного он начал в 1670-х гг., во время шведско-датской войны 1675—1679 гг. Когда началась Северная война Шлиппенбах, к тому моменту уже полковник,

¹ Речь идет о прусском короле Фридрихе II Великом.

² *Абрахам Кронгиорт* (Крониорт; 1634—1703) — шведский военачальник, генерал-майор.

получил под свое командование драгунский полк. После победы при мызе Рауге над превосходящими силами русских в сентябре 1701 г. получил чин генерал-майора.

Во время Полтавской битвы Вольмар Антон фон Шлиппенбах командовал рекогносцировочным отрядом и стал первым захваченным в плен шведским генералом. В 1712 г. он перешел на русскую службу с сохранением своего воинского звания. В 1714 г., после успешных действий во время Гангутского сражения, Петр I пожаловал Шлиппенбаху звание генерал-поручика. Вскоре уже немолодой военачальник отошел от активных военных действий и в последние годы жизни занимался организационными вопросами в Военной коллегии.

* * *

Ужас и смятение охватили Россию при известии о нарвском погроме. Армия лишилась начальников, задержанных в «свейской» неволе; лишилась и всего своего «снаряда». Дух войск, даже и не бывших в деле, был подорван.

По глухим просекам дремучих ингерманландских и новгородских лесов шли, погибая от голода и стужи, толпами и поодиночке, остатки разоруженного шведами сермяжного воинства — первой регулярной русской армии. Тысячи их погибли в ту памятную зиму; из уцелевших же вышли полтавские победители.

Среди общего уныния не терялся один царь, думавший только о скорейшем поправлении расстроенных дел. В течение зимы 1700—1701 г. была реорганизована вся армия, вновь сформировано 10 драгунских полков, а из церковных и монастырских колоколов отлито 270 орудий — вдвое больше, чем потеряно под Нарвой.

К весне 1701 г. главные силы русской армии (35 000) сосредоточились у Пскова под начальством Шереметева. Репнин с 20 000 был послан «для оказания сикурсу» Августу II, но после поражения саксонцев под Люцаухсгольме вернулся назад.

Решено было двинуться в шведские пределы, но далеко не зарываться. В бой вступать лишь при наличии подавляющего численного превосходства и, действуя осторожно и осмотрительно, постепенно приучать войска к полевой войне, закаливая их переходом от более легких к более трудным задачам. Двести с лишним лет спустя, в 1917 г., тем же путем («наступления с ограниченной целью») воссоздал мораль и боеспособ-

И. П. Аргунов. Портрет фельдмаршала графа Б.П. Шереметева. 1768 г.

ность своей армии французский Шереметев — генерал Петен¹.

1701 г. весь прошел в незначительных стычках, но в конце его, 29 декабря, Шереметев одержал первую крупную победу над шведами при Эрестфере (взято до 2000 пленных), что имело громадное влияние на дух русских войск. Трофеями в эту первую победу было 16 знамен и 8 пушек. Шведов перебито до 3000, наш урон — 1000 человек.

В 1702 г. Петр Великий решил воспользоваться разобщенностью шведских сил и разбить их порознь. Шереметев в Ливонии должен был действовать против западного корпуса шведов — Шлиппенбаха, Петр же с главными силами шел на север в Ингрию — против Кронгиорта. Глав-

¹ Анри Филипп Бенони Омер Жозеф Петен (1856—1951) — французский военный и государственный деятель, маршал Франции. Прославился во время Первой мировой войны, в частности в битве при Вердене. Во время оккупации Франции гитлеровцами возглавлял коллаборационистский режим Виши. После победы союзников был приговорен к смертной казни, которая, в силу пожилого возраста подсудимого, была заменена пожизненным заключением.

ным оперативным направлением вместо западного, «нарвского», стало северное — линия Невы.

Получив известие о движении шведского флота в Белое море и угрозе Архангельску, Петр поспешил туда. Шведы были отражены, и в устье Северной Двины над ними одержана первая морская победа (захвачен фрегат). В августе 1702 г. русская армия тронулась в обратный путь с Белого моря на Ладогу по непроходимым скалам и лесам (причем солдаты на руках несли два небольших корабля — зародыш нашего будущего Балтийского флота).

Прибыв на Ладожское озеро, Петр, несмотря на начало осени, положил овладеть Ингрией и в первую очередь линией Невы. Находившиеся здесь крепости — Нотебург (у Ладожского озера) и Ниеншанц (у Финского залива) — были гораздо слабее Нарвы, защищались небольшими гарнизонами, и утвердиться на взморье в устьях Невы было гораздо легче, чем в устьях Нарвы. Кроме того, вклиниваясь здесь в шведскую территорию, Петр разобщал Швецию и Финляндию с Ливонией.

После трехнедельной осады Петр овладел Нотебургом, переименованным в Шлиссельбург (Ключ-город), вслед за тем сдался Ниеншанц. Нотебург защищало всего 450 шведов под командой полковника Шлиппенбаха. Петр подступил к нему с 14 полками (28 000 человек с 43 осадными орудиями). 26 сентября крепость была обложена, а 14 октября взята штурмом. Штурмовавший отряд князя Голицына (2500 человек) был сперва отражен, понеся жестокий урон. Царь приказал тогда Голицыну отступить. «Скажи государю, — ответил посланному Меншикову Голицыну, — что мы здесь уже не в царской, а в Божьей воле. Ребята, за мной!»

Эскапада удалась несмотря на жестокий огонь. Наш урон — до 1500 человек (538 убитыми, 925 ранеными) — в три с половиной раза больше, чем было гарнизона. Шведы были выпущены из крепости с воинскими почестями и, в воздаяние храбрости, с пулями во рту. (Их уцелело едва 150 человек.) Ниеншанц защищало 600 человек (полковник Апполон) с 28 орудиями.

Тем временем в Ливонии Шереметев 18 июля наголову разбил Шлиппенбаха при Гуммельсгофе, совершенно уничтожив его корпус. При Гуммельсгофе наши силы были в подавляющем превосходстве, 30 000 против 7000 шведов². Бой

² Данные о численности сторон, сражавшихся при Гуммельсгофе, сильно разнятся. В большинстве источников указывается, что отряд Б. П. Шереметева состоял из 10 тыс. человек, а шведы имели от 2000 до 5700 человек.

Н. А. Зауервейд. Петр I умиряет ожесточенных солдат своих при взятии Нарвы в 1704 году. 1859 г.

велся с крайним ожесточением: 5500 шведов перебито, всего 300 взято в плен с 16 знаменами и 14 орудиями. Наш урон 400 убитых и 800 раненых.

В 1703 г. на месте Ниеншанца был заложен Санкт-Петербург. Заветная мечта царя осуществилась. Россия твердой ногой стала на берегах Балтийского моря! Весь этот год продолжалась мелкая война в Ливонии и Эстляндии, и окончательно была завоевана Ингрия. Были взяты Копорье и древний Ям (на месте коего заложен Ямбург). Всюду оставлены крепкие гарнизоны. Утвердившись на Неве, Петр обратился на свой западный фронт и весной 1704 г. двинулся в Эстляндию. Штурмом взяты Дерпт и Нарва. У Шереметева под Дерптом было 23 000 человек при 46 осадных орудиях. Крепость защищало 5000 шведов со 133 орудиями. Осада начата

10 июня, штурм произведен в присутствии царя в ночь на 12 июля.

Нарву защищал тот же комендант, что и в 1700 г., — генерал Горн, имевший 4800 человек при 432 орудиях (считая с запасными). Штурм, при личном участии Петра, имел место 9 августа (осада началась 27 июня) и отличался жестокостью — из всего гарнизона осталось в живых 1848 человек. Петр I прекратил начавшийся грабеж, собственноручно заколов одного солдата-грабителя. В то же время в Польшу, на помощь Августу II, двинут корпус князя Голицына (12 000).

Таким образом, четырьмя кампаниями 1701—1704 гг. шведские войска, оставленные против русских, были истреблены, большая часть Прибалтики завоевана и русская армия силой до 60 000 — приучена к действиям в открытом поле.

Король Швеции Карл XII.
Гравюра Джеймса Хопвуда по рисунку
Даниеля Ходовецкого. 1839 г.

* * *

Дела в Польше приняли тем временем дурной для наших союзников оборот. Карл XII, вторгнувшись в 1702 г. в Польшу, овладел Варшавой и в ряде боев разбил польско-саксонские войска. Кампании 1702, 1703 и 1704 гг. в общем походили одна на другую: Карл XII выступал в поход из варшавского района, Август II, пользуясь уходом шведов, занимал свою столицу. Шведский король возвращался и гнал Августа по всей Польше.

Военное счастье неизменно сопутствовало шведскому оружию, причину чему надлежит искать в превосходных качествах и организации шведской армии. Блестящие победы над сильнейшим врагом создали юному королю ореол непобедимости — как в глазах собственных войск, так и в глазах врагов, дух которых начал заметно падать. Саксонцы никогда не отличались особенным искусством в ратном деле, о поляках вообще нечего говорить: постоянной армии у них в этот упадочный период почти не существовало — ополчение же (так называемое *постолитое рушене*) было качеством ниже нашей «нарвской» армии. Войну эту вели, собствен-

но говоря, шведы с саксонцами на территории польского государства, польские контингенты были и у тех, и у других (сторонники Августа, сторонники шведов, партии Лещинского¹). В 1704 г. по настоянию Карла XII сейм низложил Августа и провозгласил королем главу шведской партии — Лещинского. Август обратился за помощью к царю.

Шведский король не умел пользоваться плодами своих побед. Он гулял по Польше со своей небольшой, но превосходной армией, одерживал победы, но нисколько не заботился об упрочении своих завоеваний и организации завоеванных областей (это, впрочем, было трудно, принимая во внимание анархизм поляков). Стоило ему лишь удалиться из какой-нибудь местности, как ее немедленно занимал противник. Все завоевания Карла XII были поэтому бесплодны.

Овладев балтийскими провинциями и став твердой ногой в устьях Невы, Петр I решил перенести войну в Польшу. Весной 1705 г. русская армия двинулась в Курляндию и к лету вытеснила оттуда шведские войска Левенгаупта². Верный своему всегдашнему обыкновению, царь оставил на завоеванной территории сильные гарнизоны.

Приведя в сентябре армию в окрестности Гродно, Петр сдал начальствование над ней Августу II, а сам уехал в Москву. Армия расположилась в Гродно на зимние квартиры.

В декабре 1705 г. Карл XII, стоявший в лагере у Блоне, внезапно вывел большую часть своей армии из зимних квартир и быстрыми маршами двинулся с Варты на Неман — под Гродно. С ним было 20 000 отборного войска, и он надеялся принудить русских (25 000, почти исключительно пехоты, и 10 000 союзников — саксонцев и поляков, главным образом конницы) выйти из гродненского лагеря и принять бой в открытом поле, где их участь была бы решена. 14 января 1706 г. шведы установили блокаду Гродно.

Положение русской армии сделалось критическим, особенно после того как Август II оставил ее на произвол судьбы, выступил из гродненского лагеря с саксонцами и кавалерией. Король

¹ Станислав Лещинский (Станислав I; 1677—1766) — король Польский и великий князь Литовский в 1704—1709 гг. и в 1733—1734 гг., герцог Лотарингии (последний в истории) в 1737—1766 гг.

² Адам Людвиг Левенгаупт (1659—1719) — шведский военачальник, генерал-губернатор Ливонии (1706—1709). В 1709 г. после Полтавской битвы подписал капитуляцию шведских войск и остаток своих дней провел в плену в России.

Август увел с собой не только своих саксонцев, но и 4 русских драгунских полка. В составе русских сил у Гродно осталось 45 слабых пехотных батальонов и 2 драгунских полка.

Русские стали терпеть жестокие лишения, не будучи в состоянии, за отсутствием конницы, производить фуражировку. В лагере быстро развились цинга, тиф и всевозможные поварные болезни, от которых к концу зимы погибло 8000 человек — примерно третья часть всего войска. Принявший начальство над армией фельдмаршал Огильви¹ ни в коем случае не хотел рисковать битвой — благоприятный для шведов исход ее был ясен, да и инструкции Петра категорически запрещали ввязываться в бой. Огильви был принят на русскую службу из саксонской в 1704 г. Хороший администратор, он наладил хозяйственную и строевую часть и был известен составлением первых штатов («табели») русской армии.

Узнав о таком бедственном положении своей армии, Петр употребил все меры для ее спасения. Он сосредоточил 12 000 в Минске и приказал Мазепе с казаками (25 000) соединиться с ними для совместных действий по деблокаде Гродно. Когда же вовсе была потеряна надежда на помощь Августа II, царь приказал Репнину (фактически командовавшему армией за Огильви) держаться в Гродно до вскрытия рек, а затем, пользуясь прочно устроенным мостом через Неман и довольно значительным удалением шведских линий, перейти скрытно на левый берег Немана и отступить на Брест или между Брестом и Пинском, с целью как можно скорее прикрыться болотами Полесья, а затем отступить к Киеву. В то же время царь стал готовиться к войне со шведами на собственной территории — он укрепил Смоленск, а для защиты от банд Лещинского провел от Пскова через Смоленск на Брянск укрепленную линию (в лесах — засеки 150—300 шагов шириной, на полянах — валы, на больших дорогах — укрепления, их охраняющие).

30 марта Огильви и Репнин вывели русскую армию из Гродно, уничтожили за собой мост и быстрыми переходами достигли Бреста, а после — Днепра. Не найдя моста, Карл XII смог переправиться через Неман лишь 3 апреля, нагнать же русских ему уже не удалось.

Генерал-фельдмаршал
барон Георг Бенедикт Огильви.

Гравюра Иоганна Мартина Бернигерота. 1733 г.

Это отступление русских войск от Гродно является высоким образцом военного искусства. В то время оно вызвало восхищение иностранцев, и в первую очередь самих шведов. Быстрота и скрытность маршей этой армии, ослабленной 75-дневным сидением и насчитывавшей в своих рядах добрую половину больных, сохранение ею своей артиллерии и обозов — все это явилось показателем ее высокой боеспособности и воинского духа. Армия де Круа — нарвская армия 1700 г. — никогда не была бы способна на такое отступление.

8 июня главная русская армия (Петр I и Огильви) сосредоточилась у Киева. Она насчитывала 35 000 пехоты и 21 000 драгун. Кроме того, на Двине у Полоцка имелось 5000 штыков и 3000 сабель, прикрывавших Псков и Смоленск, а в завоеванных балтийских провинциях расположено гарнизонами 22 000 пехоты и 4000 драгун. Всего в распоряжении Петра имелось свыше 90 000, из коих около двух третей готовились встретить шведов под киевскими стенами.

¹ *Георг Бенедикт Огильви* (1651—1710) — военный деятель шотландского происхождения, служил в армии Священной Римской империи, российской и саксонской армиях.

Луи де Сильвестр. Портрет курфюрста Саксонии и короля Польши Августа II Сильного. 1718 г.

Однако шведский король, дав своим войскам отдохнуть на Волыни, двинулся оттуда не на восток — в Россию, а на запад — в Саксонию, осознав наконец (на шестом г. войны) важность занятия этой страны — единственного источника Августа II к ведению войны.

* * *

Выступив зимой к Гродно с главными силами своей армии, Карл XII оставил в лагере у Блоне 12-тысячный корпус генерала Реншильда¹. Командовавший русско-саксонской армией генерал Шуленбург решил воспользоваться уходом главных сил противника и атаковать шведов на их квартирах. Однако Реншильд сам двинулся навстречу Шуленбургу и, несмотря на двойное превосходство сил русско-саксонской армии, совершенно истребил его в сражении под Фрауштадтом. При Фрауштадте 13 ноября 1706 г.

12 000 шведов сражались с 20 000 союзников. Эти последние лишились 6000 убитыми и ранеными и 8000 пленными (в том числе начальник русской дивизии генерал Востромирский), 68 знамен и 75 орудий. Урон победителей — 1400 человек — в 10 раз меньше побежденных.

Фрауштадтский погром явился для Саксонии тем же, что Нарва для России. Однако Август не был Петром и саксонцы не были русскими. Никто не подумал переливать колоколов в пушки и выставлять новую армию. Август II бежал в Краков, бросив свою страну — как незадолго перед этим бежал из Гродно, покинув вверенную ему Петром русскую армию.

Карл XII, выступив из Волыни, прошел всю Польшу и, соединившись с Реншильдом, покорил без труда в течение августа всю Саксонию.

Курфюрст Саксонский, король Польский окончательно пал духом. Открыв переговоры о заключении мира (тайком от русских), Август должен был принять все условия Карла XII, отказаться от союза с Россией и от польской короны в пользу Лещинского. Мир был подписан в Альтранштадте в палатке победителя 24 сентября — и Август тщательно скрыл его от своего союзника — русского царя.

Следом за шведской армией из Киева, через Волынь и Малопольшу шла конная армия Меншикова в составе 40 000 пик и сабель (20 000 драгун — вся конница Киевской русской армии — и 20 000 малороссийских казаков).

Подойдя к Калишу, Меншиков решил атаковать своими драгунами корпус Марденфельда и потребовал участия в бою войск Августа II, который волей-неволей поставлен был в необходимость принять участие (правда, совершенно пассивное) в сражении.

Честь победы при Калише 18 октября 1706 г. принадлежит исключительно русским. Марденфельд со шведами сдался, его польские союзники были рассеяны. Других войск у короля Лещинского не было, и калишское сражение, — Фрауштадт с переменившимися ролями, — отдавало снова всю Польшу в руки союзников.

Калишский бой знаменит тем, что в нем с русской стороны не действовало ни одного пехотинца. Это чисто кавалерийская «драгунская» победа. У Меншикова было 17 000 драгун, у противника 27 000 человек, из коих 1000 убито, 4000, во главе с Марденфельдом, взято в плен, остальные рассеяны. Наш урон — 400 человек, в 13 раз меньше.

¹ Карл Густав Реншильд (Реншэльд; 1651—1722) — шведский военачальник и государственный деятель, фельдмаршал, один из ближайших сподвижников короля Карла XII.

Счастье улыбалось Августу, но саксонский курфюрст боялся им воспользоваться. Страшась гнева шведского короля, он отправился в Саксонию уговорить Карла XII не расторгать договор, а Меншикова отослал на зимние квартиры в глубь Галиции. Мир Саксонии со Швецией был объявлен 1 ноября.

Отныне у шведского короля оставался один лишь противник — и вся тяжесть борьбы обрушилась на одну Россию.

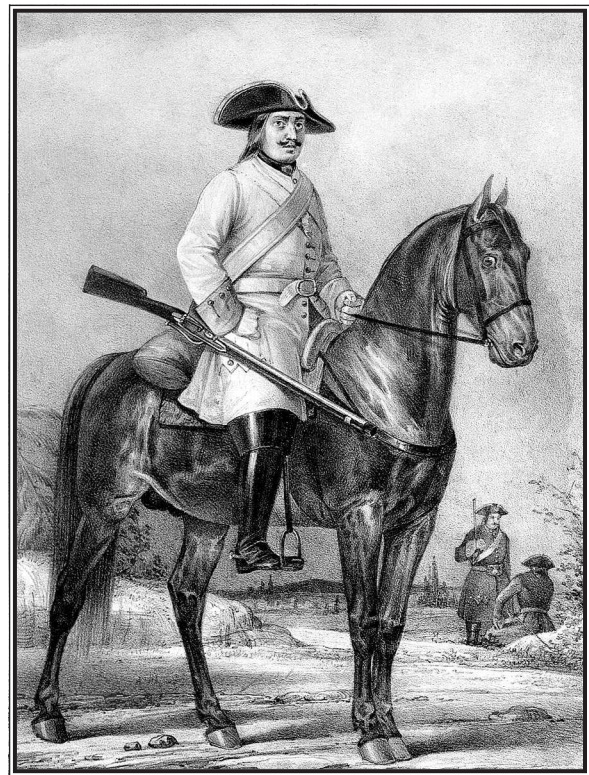
ВТОРОЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

Сознавая те бедствия, которые придется испытать России от неизбежного теперь нашествия, Петр Великий пытался предложить Карлу XII мир, оговаривая для себя лишь сохранение Петербурга — «окна в Европу» и соглашаясь отдать все остальные свои завоевания. Однако Карл, считая это следствием боязни, предъявил самые унижительные условия, на которые русский царь, конечно, не мог согласиться.

России оставалось изготавиться к тяжелому единоборству. Петр приказал усилить оборону Киева, Смоленска, Пскова и Новгорода, укрепить Великие Луки. На случай же самого несчастного оборота войны укреплялись Кремль и Китай-город, устроено предместное укрепление в Копысе на Днепре и исправлена линия за-сек Псков — Смоленск — Брянск.

В армию прибыли рекруты набора 1705 г. (первого за войну), пополнившие ее ряды. Войска отдохнули под Киевом от гродненского сидения и утомительного отхода. В главных силах с лета 1706 г. стало считаться 60 000 человек. По словам англичанина Уитворта¹, видевшего армию в 1707 г., она «состояла из здоровых, статных, хорошо обученных молодцов и очень изменилась со времени кампании в Польше». Материальная часть и конский состав, правда, оставляли, по его словам, желать лучшего («оружие плохо, а лошади и того хуже»).

Любопытно, что все иностранцы, видевшие русскую армию в первой половине XVIII века, весьма критически относятся к нашей коннице. Малорослая порода русских лошадей не выигрывала, конечно, при сравнении с рослым конским составом европейских армий. Австриец

Фузилер драгунского полка (1700—1720 гг.).

Иллюстрация из книги А. В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению». 1841—1862 гг.

Парадиз², наблюдавший русскую армию 30 лет спустя после Уитворта, в эпоху Миниха, пишет, что «кавалерию за драгунов и почитать нельзя», лошади до того плохи, что ему «часто случалось видеть, как драгуны, сходя с коней, валили их на землю».

Это последнее утверждение надо отнести на счет развесистой клюквы, тем не менее доля правды во всех этих суждениях, конечно, есть. Императрица Анна Иоанновна в одном из своих указов констатирует, что «до сего времени при нашей кавалерии употребляемые лошади по природе своей к стрельбе и порядочному строю весьма не способны». Как бы то ни было, при всех этих недостатках русская конница имела победы, каких никогда не имела и не будет иметь конница других стран. Имена Калиша, Лесной, Полтавы,

¹ *Чарльз Уитворт* (1675—1725) — английский дипломат, автор мемуаров. В 1705—1710 гг. исполнял обязанности чрезвычайного посланника в России.

² *Парадиз* — псевдоним австрийского полковника фон Райски, бывшего представителем в российской армии в 1730-х гг.

Генерал граф Адам Людвиг Левенгаупт.
Гравюра Иды Фаландер
по рисунку Давида фон Крафта. 1849 г.

Переволочны¹, Пальцига и Кунерсдорфа тому доказательство.

На военном совете в Жолкве (квартиры Меншикова) был выработан план действий, вполне согласный с обстановкой. Во исполнение его главные силы нашей армии весной 1707 г. перешли из киевского района в район Вильно — Минск, причем непроходимое Полесье огибалось маршами к Висле, а оттуда к Неману (движение совершалось по неприятельской стране, но Карл XII был далеко, а Лещинский бессилен). Оборона Киева поручалась Мазепе с казаками.

Таким образом, на севере Полесья Петр решил вести упорную активную оборону границ, а на юге пассивную, возлагая эту последнюю задачу на малороссийскую милицию, особенно пригодную для защиты своего родного очага.

Весь 1707 г. прошел в усиленных приготовлениях к войне обеих сторон. Окончив пригото-

¹ Во всех указанных сражениях применение конницы не имело решающего значения, а драгуны в основном сражались в пешем строю. У Переволочны же 30 (11 июля) 1709 г. боя как такового не было вовсе, а имела место капитуляция остатков шведской армии, разбитой ранее у Полтавы.

ния, Карл выступил в поход на Россию. Глубокой осенью двинулся он из Познани в Литву. С ним было 35 000 человек (из общего числа 116 000, которыми он мог бы располагать). Из 116 000 шведов 35 000 было при короле, остальные были разбросаны по всему северо-востоку Европы — 16 000 Левенгаупта в Лифляндии, 15 000 Либекера в Финляндии, 8000 генерала Крассова оставили в Польше поддерживать шаткий трон Лещинского, а 42 000 стояли гарнизонами в Прибалтике, шведских владениях в Германии (Померания и Голштиния²) и самой Швеции. 29 декабря он перешел по льду Вислу и двинулся в Мазовию по кратчайшей дороге — дремучими лесами, встречая всевозможные препятствия со стороны враждебного населения. Его авантюристической натуре всегда хотелось идти по линии наибольшего сопротивления.

* * *

В феврале 1708 г. шведский король расположил свое изнуренное войско на квартиры у Сморгани. Петр I сосредоточил всю армию в Чашниках: отсюда он мог предупредить неприятеля либо в днепровском тет-де-поне³, Копысе (если бы Карл продолжал свое движение на восток — к Березине и Днепру), либо в Полоцке (если бы он пошел на север к Двине и дальше в Прибалтику). Авангард Меншикова (драгуны) стал в Минске, опустошив всю округу.

Свой поход в Россию Карл XII мог начать двояким образом: 1) отнять у русских их завоевания в Прибалтике и, соединившись с оставленным там корпусом Левенгаупта, направиться в глубь России; 2) действовать прямо против русской армии. Первый план отвечал в начале на идею стратегической обороны, а оборону шведский король решительно отвергал в продолжение всей своей военной карьеры. Поэтому он избрал второй план — двинуться прямо на русских.

Для этого единственный удобный путь был от Минска на Смоленск и Москву — коридор между Двиной и Днепром, классический путь нашествия на Россию с Запада. Несомненно, этот путь и был бы избран Карлом, если бы не измена Мазепы, обязавшегося по договору дать шведам зимние квартиры в Северной области (нынеш-

² Голштиния не была шведским владением.

³ *Тет-де-пон* — предмостное укрепление, плацдарм, который используется прежде всего для создания защитного периметра, в котором могут размещаться войска или имущество.

няя Черниговская губерния), довольствоваться их в течение всего похода и присоединиться к ним со всеми казаками, как малороссийскими, так и донскими.

Поэтому Карл XII решил начать завоевание России с Украины. Кратчайший путь туда, в частности, в «обетованную землю» — Северскую область — вел левым берегом Днепра.

С русской стороны на 1708 г. было положено отступить в глубь страны, окружить шведскую армию летучими отрядами, тревожить и задерживать ее при всякой к тому возможности. Жителям — уходить в леса и болота, зарыв все, что не могло быть взято с собой. В Псковской и Новгородской областях всему мужскому населению было роздано оружие. Полагали, что шведы двинутся на Двину и в Лифляндию на соединение с войсками Левенгаупта. Армия стянулась к Бещенковичам

7 июня 1708 г. Карл XII открыл поход сосредоточением своей армии в районе Минска. Затем он переправился через Березину и двинулся к Днепру, отдав распоряжение лифляндскому корпусу Левенгаупта идти к нему на соединение в район Могилева, а финляндскому Либекера — двинуться на Новгород и Псков, срыв по дороге ненавистный Санкт-Петербург.

Стремясь не допустить шведов к Днепру, русские генералы сосредоточили до 30 000 под Головчиным, но в происшедшем здесь 3 июля сражении потерпели совершенную неудачу и отступили на Оршу и Мстиславль с целью преградить неприятелю дорогу на Москву.

Головчинская позиция была выбрана так неудачно, что артиллерия за дальностью расстояния не могла помочь пехоте. Бой происходил в густых зарослях, стеснявших маневрирование и делавших невозможным управление войсками, пришедшими после боя в совершенное расстройство, несмотря на незначительные сравнительно потери.

Бой мог бы иметь для нас очень скверные последствия, но шведы не преследовали по тем же причинам. Наши потери составили около 1100 убитыми и ранеными, 600 пленными, до 12 орудий, шведов (бывших в слегка превосходящих силах) — около 1500 убитыми и ранеными.

Петр был очень раздосадован опрометчивостью генералов, давших этот бой и рисковавших разгромом армии. Репнин был разжалован в рядовые и ему приказано возместить из личных средств стоимость потерянных пушек и обо-

Генерал-фельдмаршал
князь Аникита Иванович Репнин.
Гравюра Г. А. Афанасьева. 1821 г.

зов¹. Царь остался также недоволен и войсками: «Многие полки в том деле в конфузию пришли, не исправили должности, покинули пушки, непорядочно отступили, иные и не бившись, а которые и бились, то не солдатским и казацким боем».

Но Карл XII вместо того, чтобы настойчиво преследовать противника, повернул к Могилеву, овладел им и оставался там весь июль, давая отдых войскам и тщетно поджидая Левенгаупта. Оттуда он выступил в первых числах августа к Чирикову, но затем, неожиданно для русских, шведская армия вдруг повернула на север, заняла Старицу и снова здесь остановилась. Карл все ждал Левенгаупта. Наконец, отчаявшись в его скором прибытии, не имея от него вестей и полагая его еще далеко в Лифляндии, король в се-

¹ Изначально суд под председательством А. Д. Меншикова приговорил «за бесчестный уход от неприятеля» А. И. Репнина к смертной казни, однако затем приговор был смягчен: его лишили генеральского чина и обяжали возместить понесенные убытки (что примерно было сопоставимо с его состоянием). Однако после битвы при Лесной в сентябре 1708 г. А. И. Репнин был восстановлен в генеральском звании.

Генерал от кавалерии
Родион Христианович Боур.
Портрет середины XVIII в.

редине сентября повернул на Украину и пошел к Стародубу.

А Левенгаупт тем временем подходил уже к Днепру. Потерпи Карл еще немного и прибавь к двум месяцам бесплодного ожидания еще неделю — и обе шведские армии соединились бы. История не знала бы тогда сражения у Лесной, а может быть, и полтавской победы. Но в эту кампанию все начинало складываться фатально для шведов. Все гонцы Левенгаупта к Карлу были перехвачены русской конницей.

* * *

Движение шведской армии от Старицы к Стародубу (80 верст) через болота и непроходимую лесную чащу сопровождалось такими трудностями, что не доходя Стародуба Карл XII остановился и 15 дней собирал и приводил в порядок растянувшиеся войска.

Отлично осведомленный о движении шведов, и в частности Левенгаупта, Петр I, как только узнал о предположенном их движении на Стародуб, немедленно распорядился об уничтожении всех запасов, накопленных

Мазепой в Северной области, и о порче и без того скверных дорог.

Шведская армия получила нежелательный авангард в виде летучего корпуса Инфланда (4000 драгун), предшествовавшего ей и выполнявшего все разрушения. В то же время Шереметев с главными силами (40 000) шел параллельно шведам, заслоняя от них центрально-русские области, а Баур с 5000 драгун преследовал их с тыла.

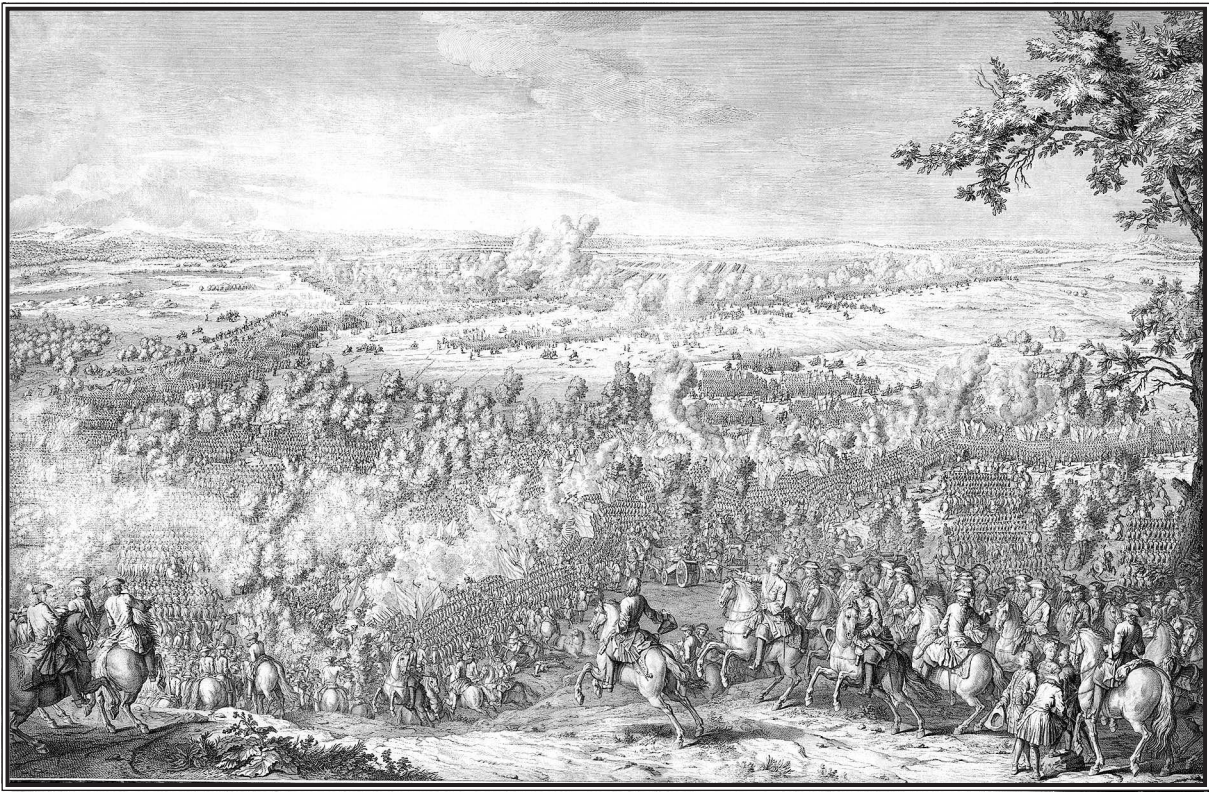
Еще во время стоянки Карла в Старице, 30 августа Петр имел возможность (искусно воспользовавшись утренним туманом) разбить у Доброго 6-тысячный отряд генерала Рооса. Эта первая удача подняла дух войск, а через месяц после нее была одержана наконец крупная победа.

Поручив Шереметеву, Бауру и Инфланду «заматывать» армию шведского короля у Стародуба, Петр с легким отрядом в 12 000 человек (из коих 7000 драгун) пошел навстречу Левенгаупту и 28 сентября наголову разбил его 15-тысячный корпус в кровопролитном сражении при Лесной. Бой длился 10 часов с перерывом. Наш урон до 4000 человек — треть всего состава (1111 убитыми, 2856 ранеными). Упорно дравшиеся шведы лишились 8000 убитыми и ранеными, 1000 пленными, 44 знамен, 17 орудий и всего обоза с припасами для армии Карла XII. Князь Репнин заслужил здесь прощение, а Петр называл впоследствии битву при Лесной «матерью Полтавской победы».

В битве при деревне Лесной (ныне Славгородский район Могилевской области) 28 сентября (9 октября) 1708 г. сошлись примерно равные силы — 13—16 тыс. корволанта (летучего корпуса) под командованием Петра I и 12—18 тыс. шведов под руководством генерала Левенгаупта.

Бой начался около 13 часов. Его исход стал решаться в пользу русских около 17 часов, когда к Петру подошел в качестве подкрепления конный отряд генерала Баура численностью около 4 тыс. человек. К семи часам вечера исход сражения был окончательно решен в пользу русской армии.

Оценки в 8 тыс. убитых шведов, приводимые А. А. Керсновским вслед за историками XIX в., кажутся современным исследователям преувеличенными, тем не менее, потери шведской армии в любом случае были значительными. Но самое главное, что основные силы под командованием Карла XII остались без подкрепления. Важным было и моральное значение; Петр I писал о победе при Лесной: «Сия у нас

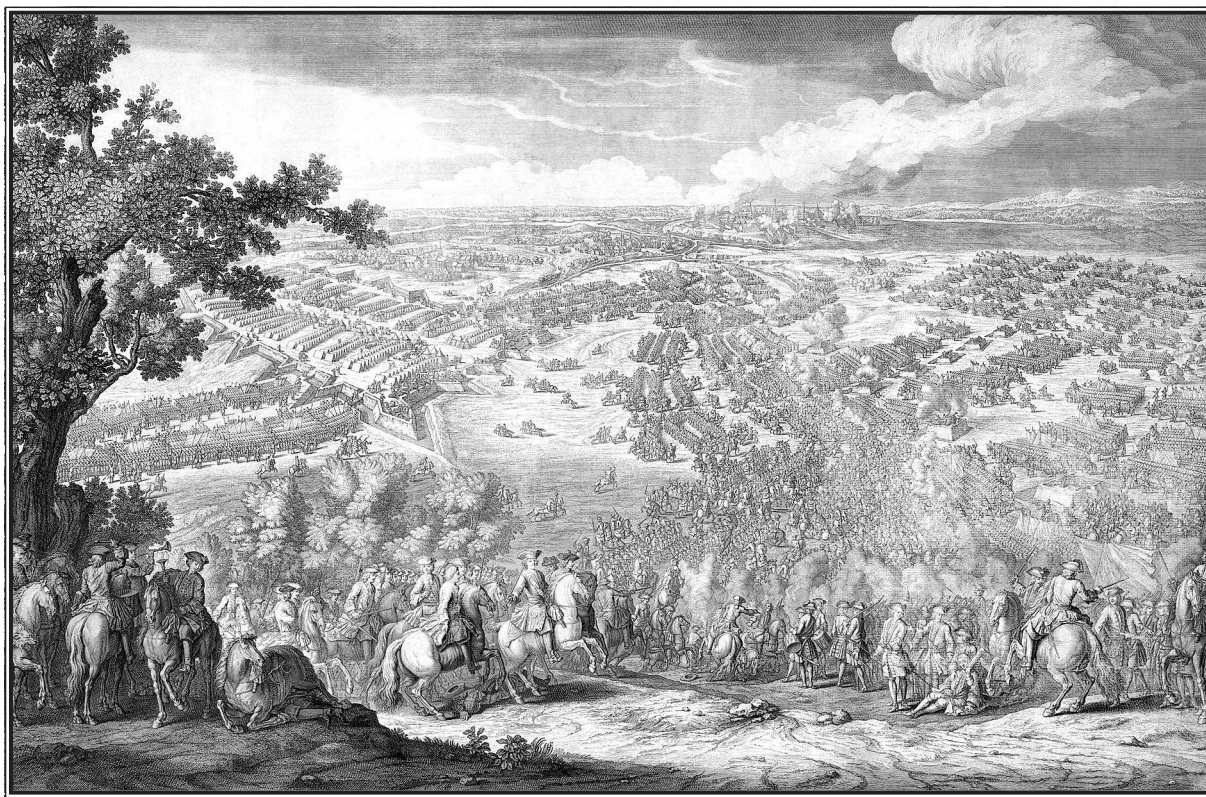
Сражение при деревне Лесной 28 сентября (9 октября) 1708 года.
Гравюра Мориса Бакуа по рисунку Николая Ламерссена. Первая половина XVIII в.

победа может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому же еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем, и поистине оная виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была, и людей конечно ободрила, и мать Полтавской баталии как ободрением людей, так и временем, ибо по девятимесячном времени оною младенца счастье принесла, егда совершенного ради любопытства кто желает исчислять от 28 сентября 1708 до 27 июня 1709 г.».

На Украине шведского короля ждали все новые разочарования. Мазепа — по настоянию которого был, собственно говоря, предпринят этот злополучный поход — привел с собой всего 3—4 тысячи разного сброда. Малороссийские казаки, не говоря уже о донских, остались верны России. Заготавливаемые запасы были уничтожены русскими драгунами, жители бежали, вместо обетованной земли шведы попадали в пустыню.

Соединившись с остатками войск Левенгаупта и перейдя Десну и Сейм (у Батурина), Карл XII расположил свою армию у Гадяча, Ромен и Лохвицы (на севере нынешней Полтавской губернии). Русская армия, следуя в общем параллельно шведам, шла на Глухов и Путивль и стала на зимние квартиры одновременно со шведами в середине ноября, у Лебедина. Оттуда были высланы отряды к Веприку, Миргороду, Полтаве и Нежину. Такое охватывающее положение давало возможность постоянно тревожить шведов внезапными набегами всю зиму.

Чтобы выйти из своего затруднительного положения, шведский король решил овладеть Белгородом, важнейшим узлом дорог Южной России. Однако оба его поиска в этом направлении потерпели неудачу. В первый раз, в декабре, геройское сопротивление импровизированной крепостцы Веприк (в конце концов взятой) нарушило все расчеты шведов и сорвало их маневр. Во второй раз, в конце января, тому воспрепятствовали внезапная оттепель, украинский чернозем, в котором увязли артиллерия, обоз и неуго-

Полтавская битва 27 июня (8 июля) 1709 года.

Гравюра Мориса Бакуа по рисунку Николая Ламерссена. Первая половина XVIII в.

мимые, всюду поспевавшие и везде побеждавшие петровские драгуны.

Зима 1708 на 1709 г. была лютой, и шведской армии, терпевшей крайнюю нужду во всем и расположившейся частью, за недостатком квартир, биваком в степи, пришлось испытывать то же, что испытывала за три года до того русская армия в Гродно. Мало-помалу, постоянными налетами, к концу зимы русским удалось вытеснить шведов из их первоначального квартирного расположения и заставить их стать между реками Пселом и Ворсклой.

* * *

Квесне 1709 г. положение шведов сделалось критическим. Армия их уменьшилась, боевые припасы иссякли, надежды на восстание в Малороссии не удалась. Турция все не решалась объявить войну России, Лещинский не был в состоянии оказать помощи. Находясь в крайнем положении, Карл XII решил осадить Полтаву, послушавшись совета Мазепы (бывшим

положительно его злым гением), утверждавшего, что в Полтаве шведы найдут продовольствие и большие запасы снаряжения. Король надеялся этим заставить Петра I поспешить на выручку гарнизона и принять битву. Спасти шведов и вывести их из малороссийской западни могла лишь победа. Пути к отступлению были отрезаны, мостов на Днестре не было.

25 апреля Карл осадил Полтаву. Гарнизон под начальством храброго полковника Келина (менее 7000 человек, из коих треть вооруженных мещан) мужественно встретил сильнейшего в пять раз противника (у Карла было еще 33 000, не считая казаков Мазепы). Два месяца длилась геройская оборона. Все штурмы были отбиты, Карл XII лишился примерно пятой части своей армии, израсходовал все боевые припасы и утомил окопными работами свои и без того истощенные войска. Гарнизон отбито три штурма, из коих последний стоил шведам 1676 человек. Шведская армия надорвала здесь свои силы. Конница Меншикова с середины мая производила диверсии в виду крепости (под Санжарами

отбито свыше 1000 русских пленного гарнизона Веприка и взято 8 знамен и 2 орудия). 15 мая гарнизон мог получить подкрепление 900 человек и переговариваться с драгунами путем записок, вкладывавшихся в незаряженные бомбы. Осада длилась с 25 апреля по 27 июня — 63 дня. Урон гарнизона за это время — 1186 убитыми и 1720 ранеными, без малого 3000, т. е. две пятых всего состава. Вступив в Полтаву, Петр I снял шляпу перед Келиным.

В 1909 г., в ознаменование 200-летия Полтавской битвы, на месте 4-го бастиона у Мазуровских крепостных ворот, где происходили самые тяжелые бои, был установлен памятник полковнику Келину и защитникам крепости. На установленной на обелиске бронзовой доске сделана надпись: «Доблестному коменданту Полтавы полковнику Келину и славным защитникам города в 1709 г. 1 апреля 1709 г. Карл XII осадил Полтаву. Три месяца гарнизон и жители героически отбивали все атаки шведов. Последние ожесточенные штурмы отбиты доблестными полтавчанами 21—22 июня, после чего Карл XII снял осаду Полтавы».

Силы осажденных все же слабели и царь двинулся на их выручку. 20 июня русская армия расположилась в 8 верстах от Полтавы и сражение стало неизбежным. Готовясь к нему, Петр собрал все имевшиеся у него под рукой силы и довел свою армию до 42 000 человек. В то же время Карл, казалось, делал все, чтобы еще больше ослабить свою армию. 21 июня, уже зная, что на днях предстоит решительное сражение, он предпринял последний штурм Полтавы, понеся еще раз тяжкие потери и расстреляв последние артиллерийские снаряды. У него осталось для битвы 28 000 бойцов и всего 4 стрелявших орудия.

27 июня до рассвета шведы атаковали русскую армию, а в полдень расстроенные их толпы искали спасения в бегстве. Передовая русская линия состояла из 6 редутов, занятых 2 батальонами. За редутами стояла конница (17 полков), а за ней в укрепленном лагере пехота и артиллерия (56 батальонов, 72 орудия). На рассвете 27 июня шведы устремились на редуты, но после упорного боя смогли взять только два. Шведская конница Реншильда после двухчасового боя была опрокинута нашей с потерей 14 штандартов. Карл XII приказал пехоте Левенгаупта не задерживаться у редутов, а помочь своей коннице.

Пройдя сквозь линию редутов, шведы расстроились (на что и рассчитывал Петр, устраивая эти редуты). Подступив к укрепленному русскому лагерю на 30 сажень, они были отражены картечью и отошли в беспорядке, причем правая их колонна генерала Рооса, атакованная драгунами Меншикова, бежала к самой Полтаве, где в шанцах и сложила оружие. Полтава с этой минуты была уже деблокирована. Сражение прекратилось на короткое время и Петр, ожидая вторичной атаки шведов, вывел часть войск из лагеря, намереваясь охватить шведов с обоих флангов. Не дождавшись атаки, царь сам пошел навстречу врагу с 42 батальонами в две линии и 17 драгунскими полками на флангах. У шведов осталось всего 18 батальонов в одну линию, 14 кавалерийских полков и 4 орудия (прочая артиллерия из-за недостатка пороха оставлена в полтавских шанцах).

Столкновение продолжалось всего полчаса, и в 11 часов все было кончено. Наш урон — 4635 человек, 11 процентов всей армии (1346 убитыми, 3289 ранеными), шведов перебито 9234 и в плен взято 18 746 при 137 знаменах и штандартах, 32 орудиях, с фельдмаршалами Реншильдом и Левенгауптом (в самом сражении взято свыше 3000 пленного, остальные сдались у Переволочны).

Полтавская битва — классический пример активной обороны, излюбленного способа действия Петра. Петр предполагал дать наступательный бой, но ему пришлось принять оборонительный. Заслуживает внимания отличная фортификационная подготовка поля сражения (редкая для эпохи) и осмотрительность всех действий Петра. Половина шведской армии была перебита либо взята в плен. Другая половина, настигнутая драгунами Меншикова, сложила оружие на следующий день у Переволочны. С несколькими всадниками шведский король бежал в Турцию.

Так закончился второй период Великой Северной войны, период решительного единоборства Швеции с Россией, Карла XII с Петром Великим. Солдаты Петра завершили под Полтавой дело, начатое дружинниками Александра на берегах Невы. И целых два столетия с тех пор нога нашего западного врага, германского завоевателя, не оскверняла русской земли.

Эта победа является первым днем великодержавности России, и весь великий XVIII век, век национальных устремлений, Россия праздновала день 27 июня.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Шведский король бежал в Турцию, его армия перестала существовать. Естественно, что у России при этих обстоятельствах сейчас же опять нашлись друзья и союзники.

Август II, едва лишь получив известие о полтавской победе, поспешил объявить «продиктованный» ему Альтранштадтский договор недействительным и двинулся в Польшу — возвращать себе корону. Станислав Лещинский бежал. Датский король, в свою очередь, не замедлил воспользоваться успехами русского оружия, и в конце октября 1709 г. высадил свои войска в Шонии¹ (однако был разбит в феврале 1710 г. шведским полководцем генералом Стенбоком).

В конце февраля воюющие державы заключили в Гааге конвенцию, согласно которой шведские и датские войска в северной Германии обязывались не участвовать в военных действиях.

Тем временем царь Петр, разделавшись со шведской армией, решил из-под Полтавы идти в Прибалтику — закончить завоевание балтийского побережья. Его превосходная армия прибыла из Малороссии в Лифляндию еще до наступления распутицы, и в ноябре Репнин осадил Ригу. У Репнина было до 32 000 войска. Шведы (генерал Стромберг) защищались до последней возможности (с 9 ноября 1709 по 4 июля 1710 г., 237 дней). Из 11 000 гарнизона сдалось 5000 с 564 орудиями. Чума произвела большие опустошения среди осажденных и осаждающих — от нее в три месяца умерло 9800 русских, почти треть всей осадной армии.

В 1710 г. окончательно покорена Лифляндия. Пали последние оплоты шведов — Рига, Пернов, Динамюнде (Усть-Двинск). В Финляндии взятием Выборга на Финском заливе и Кексгольма на Ладожском озере был создан плацдарм, надежно прикрывший Петербург. В Выборге взято 4000 пленных. Кампания 1710 г. носила характер крепостной войны, и кавалерия, которой в осадных работах нечего было делать, собралась под начальством своего гроссмейстера Меншикова в Польшу — для «возведения паки на престол» Августа II и наблюдения за шведами в Померании (в случае несоблюдения ими гаагской конвенции Меншиков должен был их атаковать).

Однако дальнейшие успехи русского оружия временно были приостановлены. Происки Карла XII в Турции увенчались успехом, и Порты в ноябре 1710 г. объявила войну России.

¹ Шония (Сконе) — историческая область в южной части Швеции.

ПРУТСКИЙ ПОХОД

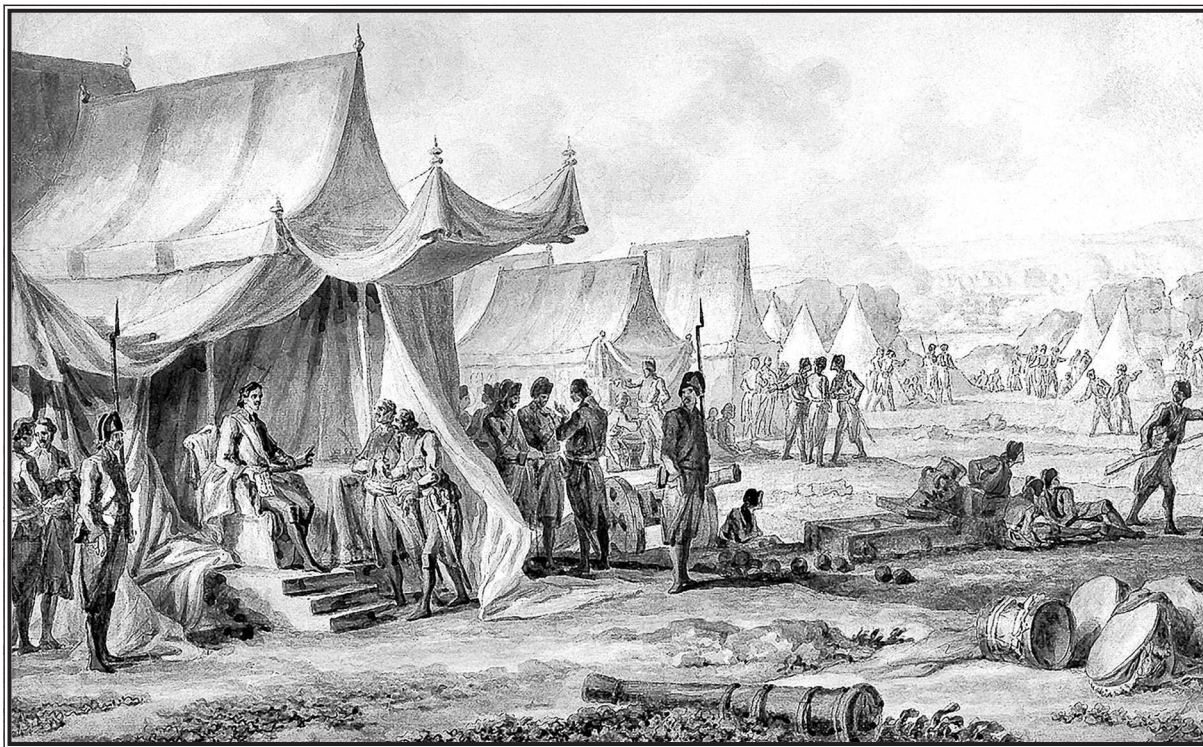
Зимой с 1710 на 1711 г. неутомимые русские полки выступили с Невы на Днестр. Петр заручился союзом господарей Молдавии — Кантемира и Валахии — Брынковану и содействием Польши. Кантемир обязался выставить 10 000, Брынковану 50 000 (из коих 20 000 сербов), Август двинул в северную Молдавию 30 000 человек, на усиление коих отправлен русский корпус Долгорукого (12 000 человек). Всего у Петра было до 50 000. Со 100 000 обещанных союзниками вспомогательных войск это должно было составить внушительную силу, «более чем достаточную для удержания за нами победы», по словам самого государя. Кроме этой главной армии было образовано еще две: одна — графа Апраксина в составе 20 000 регулярных войск, 40 000 казаков, 20 000 калмыков — должна была идти Муравским шляхом на Крым, другая — князя Голицына (15 000 регулярных войск, 30 000 казаков) — от Чигирина двигалась на Очаков. Таким образом для войны с Турцией — «турецкой акции» — Россия выставляла до 90 000 регулярных войск, 80 000 казаков и 20 000 калмыков — с силами, обещанными союзниками, это должно было составить до 300 тысяч войска.

В конце мая 1711 г. русская армия подошла к Днестру. Авангард Шереметева дошел до Прута, где соединился с Кантемиром. Здесь русские узнали, что в Молдавии никаких запасов нет, а набор молдавской армии производится туго: в 17 полках, организованных на русский образец, было не больше 7000 человек. Обозы с продовольствием для армии, шедшие из Киева, были перехвачены в Подолии татарами. Положение становилось серьезным.

Перейдя Днестр у Сорок, Петр 20 июня созвал военный совет, на котором было решено двинуться вперед. Только генерал Алларт² заметил, что русская армия находится в том же положении, в котором был Карл XII, вступая в Малороссию.

Испытывая большие затруднения от недостатка припасов, преодолевая сильный зной, русская армия вступила в Бессарабию. Надеясь на союзников, поляков и валахов, Петр смело шел вперед. Однако польская армия и корпус Долгорукого, дойдя до молдавской границы, остановились

² Людвиг Николай фон Алларт (Галлард, Галларт; 1659—1727) — военачальник и военный инженер шотландского происхождения, служил в саксонской и русской армиях, один из ближайших сподвижников Петра I.

М. М. Иванов. Петр I на реке Прут.
1804 г.

в Буковине и заняли выжидательную позицию; Брынковану же просто передан туркам.

Тем временем великий визирь Балтаджи-паша приблизился к Дунаю с 300 000 войска при 500 орудиях. Переоценивая силы русского царя, он остановился в нерешительности у Исакчи. Султан, опасаясь общего восстания христиан, предложил Петру мир при посредничестве патриарха Иерусалимского и Брынковану. Турция предлагала России все земли до Дуная: Новороссию с Очаковым, Бессарабию, Молдавию и Валахию. Петр I ответил отказом, совершив этим крупнейшую ошибку своего царствования.

* * *

Заняв Яссы, Петр двинулся правым берегом Прута к Дунаю, отрядив вперед летучий авангард генерала Ренне, куда вошла почти вся кавалерия, и приказал ему овладеть Браиловым. Ренне¹ быстро двинулся в Валахию, взял Браилов и занялся закупкой продовольствия и формиро-

¹ Карл Эвальд (Карл Магнусович) Ренне (1663— 1716) — военачальник остзейского происхождения, генерал от кавалерии.

ванием валахских войск. Однако его донесение было перехвачено, и Петр так и не узнал о взятии Браилова.

Великий визирь, перейдя Дунай с главными силами, быстро двинулся вверх по Пруту на Яссы. 8 июля произошло первое столкновение его с русско-молдавским авангардом, причем молдаване бежали. Ночью вся русская армия отступила на соединение с арьберггардом Репнина, предав огню лишние тяжести. Турки не преследовали. 9 июля русская армия соединилась в Станилештах и стала укреплять лагерь, но турки повели яростную атаку и захватили часть обозов, не успевших въехать за рогатки.

Нападение это и два следующих были отбиты с большим уроном для турок. Русских было 38 000 при 122 орудиях, турок 170 000 и 469 орудий. Наш урон 2872, у турок выбыло до 7000. Тем не менее, положение русской армии стало отчаянным: позиция ее представляла собой четырехугольник, задний фас коего составляла река. Турки, установив многочисленную артиллерию на командующих высотах, могли громить наш лагерь безнаказанно. Массы стрелков делали даже

невозможным пользование водой. Армия была окружена в пять раз сильнейшим противником.

Участь России была в тот день в руках великого визиря. Даже если бы русским удалось пробиться сквозь кольцо врагов, отступление обратилось бы для них в катастрофу: все переправы через Прут были в руках турок, остатки армии очутились бы в Молдавии, как в мышеловке, и их постигла бы участь шведов у Переволочны.

Величие Петра сказалось в эти трагические минуты в полном блеске. Готовясь к последнему бою, он заготовил указ Сенату: в случае пленения его государем не считать и его распоряжений из плена не выполнять.

Но Бог хранил Россию. Визирь Балтаджи согласился на переговоры и не использовал своего исключительного стратегического положения (бывшего более благоприятным, чем впоследствии у Мольтке под Седаном).

Битва при Седане (во французских источниках известно также под названием Седанская катастрофа) — генеральное сражение Франко-прусской войны 1870—1871 гг. В этом сражении командующий немецкими войсками *Хельмут Карл Бернхард фон Мольтке Старший*; 1800—1891) блестяще воспользовался стратегическими просчетами французов, которыми командовали император Наполеон III и маршал Мак-Магон. Битва закончилась полным разгромом французской армии; 86 тыс. французов сдались в плен, среди них был и сам Наполеон III. Это в итоге привело к падению монархии во Франции и установлению республики. В свою очередь, благодаря победе в войне, Пруссия смогла объединить разрозненные германские государства в единую Германскую империю.

Уступчивость визиря объясняют различно. Одни полагают ее следствием подкупа (драгоценности Екатерины), другие объясняют ее бунтом янычар. Последняя гипотеза гораздо правдоподобнее, кроме того на визиря должна была произвести впечатление стойкость наших войск в бою 9 июля и чувствительные потери в лучших турецких войсках. Интересы Швеции и ее беспокорного короля не трогали флегматичного азиата, решившего заключить мир, раз его предлагали на условиях, приемлемых и даже выгодных для Турции.

Переговоры велись спешно (дабы предупредить Карла XII, скакавшего в турецкий лагерь

с требованием не уступать) и 12 июля привели к Прутскому договору: Россия возвращала Турции Азов с его округом и обязывалась срыть укрепления на Днестре и Дону и Таганрогскую крепость. Кроме того, Петр обязывался не вмешиваться в польские дела и давал Карлу XII пропуск в Швецию.

Трудно представить себе, что было бы с Россией, если бы Петр погиб на Пруте. При несчастном Алексее Петровиче ей бы пришлось пережить новое Смутное время. Все старания и достижения Петра пропали бы даром. Вообще же Прутский поход — это война упущенных возможностей. Согласись Петр на предложение султана — и граница России тогда же пошла бы по Дунаю. Исполнена была бы мечта Святослава... Молдавия и Валахия, войдя в состав империи, за 200 лет ассимилировались бы совершенно — и мы не имели бы враждебной Румынии. Не надо было бы проливать потоки крови под Очаковым, Измаилом, Рущуком, в Силистрии и вести пять войн за сто лет. Болгария и Сербия были бы освобождены от турецкого ига на сто лет раньше — Румянцевым, ставшим бы Забалканским, а не Задунайским, Суворов вместо Измаила штурмовал бы Адрианополь, а Кутузов продиктовал бы мир Порте не в Бухаресте (бывшим бы тогда русским губернским городом), а в Царьграде. Вся история России сложилась бы иначе...

Ошибку примерно такого же порядка совершил и Балтаджи-паша. Этому визирю мы обязаны многим.

ОКОНЧАНИЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Карл XII не признал Гаагского договора о ненападении шведских и датских войск в северной Германии, и поэтому датский и польский короли напали на Голштинию и Померанию. Несогласованные их действия не имели успеха ни в 1711, ни в 1712 г.

В конце 1712 г. Петр I смог снова принять участие в войне (Меншиков оставался в Киеве до 1713 г., наблюдая за турками). Желая одержать победу без русских, союзники атаковали 9 декабря при Гадебуше шведскую армию Стенбока, но потерпели полное поражение. Подоспевший царь вступил в командование соединенными русско-датско-саксонскими силами (46 000) и 12 февраля 1713 г. при Фридрихштадте разбил 16 тысяч Стенбока, который, будучи после

того загнан в крепость Тенинген, сложил оружие с 12 000 войск.

Диспозиция к этому бою написана собственноручно Петром и представляет собой важный документ для оценки полководческой деятельности царя. Петр тут намного опережает свою эпоху. Не будучи более в состоянии за отсутствием войск защищать свои владения в Германии, шведы заключили так называемый секвестрационный договор, по которому передавали их Пруссии. Один лишь комендант Штеттина отказался признать этот договор и сдал свою крепость русским лишь после двухмесячной осады летом 1713 г. Гарнизон Штеттина состоял из 4200 человек. Треть была перебита, сдалось 2800. За два с лишним месяца осады, с 11 июля по 21 сентября, мы лишились 184 убитыми и 365 ранеными.

Ликвидировав армию Стенбока и выручив союзников, Петр осенью 1713 г. перенес военные действия в Финляндию. Победы при Лаппо и у Наппы доставили нам всю эту страну. 14 июля 1714 г. одержана морская победа при Гангуте¹.

* * *

В конце 1714 г. Карл XII, рассорившись с султаном, которому стал в тягость, внезапно явился в Штральзунд в Шведской Померании, отказался признать секвестрационный договор, потребовал от прусского короля возвращения сданных ему (как бы «под расписку») шведских земель и, не имея обыкновения считать своих врагов, объявил войну и этому государю. Однако неравенство сил было слишком велико, и шведы потеряли зимой 1714/1715 г. последние свои владения в Германии — Штральзунд и Висмар. К союзникам присоединилась и Англия (английский король был в то время курфюрстом Ганноверским и рассчитывал округлить свои германские владения за счет Швеции). В Дании собралось свыше 35 000 русских войск. Петр I начальствовал на Балтийском море флотом четырех держав.

Союзники решили было высадиться в Швеции, но среди них возникли разногласия и раздоры (1715 и 1716 гг.). Недовольный союзниками царь порвал с ними и вывел в 1717 г. все свои войска из Дании и Германии.

Русский царь предложил шведскому королю союз. Россия должна была получить от Швеции балтийские провинции и южную часть Финлян-

дии, взамен чего русская армия, соединившись со шведской, должна была помочь Карлу XII вернуть свои владения в Германии и Норвегии. В самый разгар русско-шведских переговоров, Карл, уже изъявивший согласие на союз с Россией, был убит в Норвегии при осаде Фредериции.

Карл XII стал последним европейским монархом, погибшим на поле боя — он был убит 11 декабря 1718 г. при осаде крепости Фредриксхальд в Норвегии. Долгое время существовала версия, что монарх погиб в результате заговора шведских аристократов, недовольных ходом разорительной для государства Северной войны. Однако проведенная в 1917 г. эксгумация и исследование останков Карла подтвердили, что убившая его пуля прилетела со стороны датских укреплений.

Его сестра и наследница Ульрика Элеонора прервала переговоры. Заключив в 1719 г. мир со всеми союзниками и заручившись союзом с Англией, она решила продолжать борьбу с Россией.

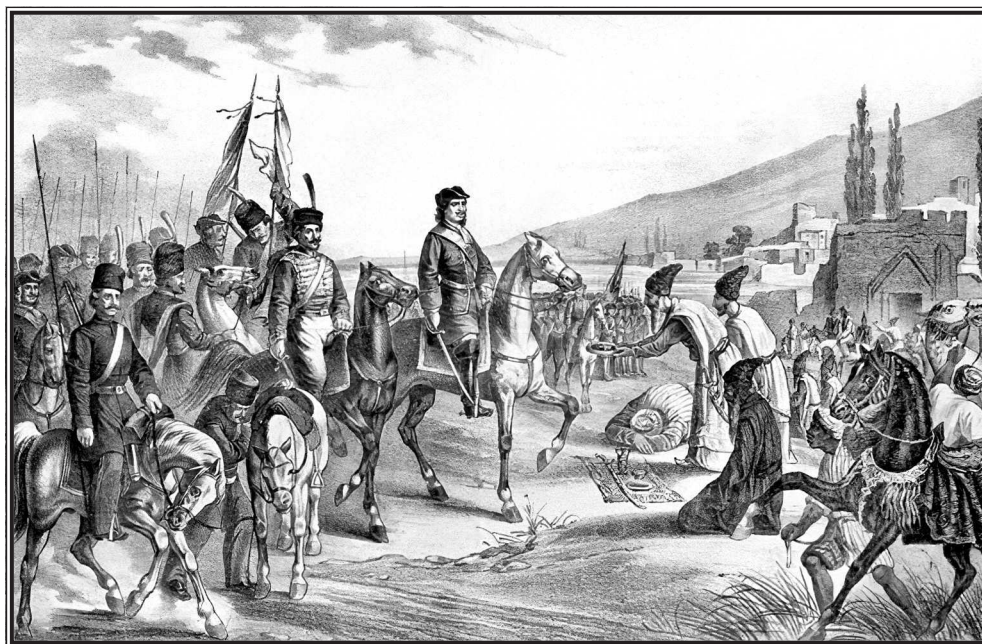
Начавшись на суше, Северная война кончалась на море. «Вторая рука потентата» завершила дело первой. Желая настоять на своих условиях, Петр I выставил сильный флот. Не обращая никакого внимания на высланный для выручки Швеции английский флот — в те славные времена наша дипломатия английских кораблей еще не боялась — царь в 1719 и 1720 гг. опустошил десантами весь восточный берег Швеции, внося войну в шведские пределы. 27 июня 1720 г., в одиннадцатую годовщину Полтавы, Голицын разбил шведский флот у Гренгама. Это было последнее сражение двадцатилетней войны.

Мир был подписан в Ништадте 10 сентября 1721 г. Россия получила Лифляндию, Эстляндию, Ингрию, южную Финляндию до линии Кексгольм — Выборг включительно и, «позолотив пилюлю» шведам, уплачивала Швеции небольшое вознаграждение. Русский флаг развевался от Выборга до Риги, Балтийское море переставало быть шведским озером.

ВОСТОЧНЫЕ ДЕЛА И ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА

Закончив Северную войну — великое дело своего царствования, Петр обратил свои взоры на Восток.

¹ Гангутское сражение состоялось 27 июля (7 августа) 1714 г.

Взятие крепости Дербент Петром Великим во время Персидского похода 1722 г.
Литография 1872 г.

Еще в 1717 г., когда кризис Северной войны благополучно миновал, царя занимал вопрос отыскания сухого пути в Индию. Один из ревностных поборников этого похода князь Бекович-Черкасский отправился с северного берега Каспийского моря пустыней Усть-Урт вдоль сухого русла Амударьи с отрядом в 3000 человек (на большее число нельзя было запасти продовольствия). Характерный штрих для эпохи — в состав отряда Бековича входил эскадрон из пленных шведов. Вспомним, что после полтавского сражения пленные шведы при оружии показывали Петру экзерцицию по их уставу. Содержась в различных городах России, пленные помогали при случае местным гарнизонным войскам отправлять караульную и гарнизонную службу. Шлиппенбах, взятый в плен под Полтавой, занимал ответственные административные должности и был даже возведен Петром в баронское достоинство. Ненависть и озлобление к противнику появились лишь в XIX веке, со введением варварской системы «вооруженных народов». Однако весь отряд и сам Бекович пали жертвой вероломства хивинского хана под самыми стенами Хивы.

Немногим счастливее был другой отряд — капитана Бухгольца (1400 человек), двинувшийся на Индию из Сибири, от Тобольска вверх по Ир-

тышу, и остановленный враждебностью киргизов и недостатком продовольствия. Оба эти отряда, не имевшие даже карт, были слишком многочисленны для мирного посольства и слишком слабы для успешной военной экспедиции.

Идею проникновения в Среднюю Азию пришлось оставить. Петр решил пройти в Индию другим путем.

В 1718 г. был заключен торговый договор с Персией, оставшийся, однако, мертвой буквой вследствие несоблюдения его персами. В этой стране царя анархия, от которой сильно страдала русская торговля. Чтобы положить конец бесчинствам, подать помощь законному шаху Тамаспу и заставить персов уважать русское имя, решено предпринять против них поход, и в приготовлениях к этому походу прошла зима 1721—1722 г., первая зима по заключении Ништадтского мира.

Весной 1722 г. назначенные в «персидскую акцию» войска собрались у Астрахани. Пехота и артиллерия (22 000 человек) взяты на корабли, конница и иррегулярные войска (9000 драгун, 20 000 донских казаков и 30 000 татар и калмыков) следовали на Персию берегом моря — через Дагестан. Пехоту составили 2 полка, Ингерманландский и Астраханский, и по одному батальону от 20 полков. 18 июля флот отплыл от Астрахани,

а 27-го войска, руководимые царем, высадились в устьях Терека на Астраханской косе.

Сколько-нибудь значительных боевых столкновений в эту войну не произошло. В конце лета и осенью было занято все Каспийское побережье, и вся северная Персия (три провинции, с Баку, Дербентом, Астрабадом и Рештом) превратилась в русскую область. Каспийское море сделалось русским озером.

Присоединив к России северную Персию, Петр занял исходное положение для движения на восток — через Белуджистан в Индию, в обход среднеазиатских пустынь, либо на юг, к незамерзающему морю — Персидскому заливу и Индийскому океану.

К сожалению, ближайшие преемники Петра Великого не поняли всей огромной выгоды русской Персии. Они видели лишь невыгоды содержания дорого обходящихся гарнизонов и администрации на далекой беспокойной окраине с нездоровым климатом¹. Тотчас же после смерти Петра начались длительные переговоры с персами об уступке этих завоеваний обратно, и в феврале 1732 г. был заключен договор, а в ноябре 1735 г. наши войска окончательно оттуда выведены. Одна из самых блестящих возможностей развития российской великодержавности была упущена. А теперь на Персидском заливе царит Британская империя.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ КАК ПОЛИТИК, ОРГАНИЗАТОР И ПОЛКОВОДЕЦ

Двадцатилетняя Северная война была великой школой для русской армии — русского полководца, русского офицера и русского солдата. В ее огне ковались и выковались те бесподобные полки, чьей стойкости и доблести удивлялась и завидовала 200 лет Европа.

Двадцать лет упорнейшей борьбы — двадцать лет планомерных последовательных усилий для достижения раз поставленной цели... Этого с Россией не случилось за всю ее восьмивекую историю, да и всемирная история со времен единоборства Рима с Карфагеном чрезвычайно бедна такого рода примерами.

¹ Согласно некоторым данным, потери русских войск в завоеванных в Персии областях составили с 1722 по 1735 г. около 120—130 тыс. человек; основной их причиной были болезни и партизанская война, которую вели местные племена. Для сравнения, боевые потери русской армии за всю Северную войну составили около 30 тыс. человек.

Личность Петра встает перед нами во весь свой гигантский рост — со всеми ее достоинствами и недостатками. Достоинства проявились в области внешней политики и на войне, недостатки отразились на внутренней политике.

Этот последний вопрос как будто выходит за рамки настоящего труда, но на нем следует остановиться, указав на две капитальные ошибки великого преобразователя, сыгравшие печальную роль в дальнейшем ходе русской истории — чрезмерное форсирование европеизации и «вавилонское пленение» церкви.

Первая из этих ошибок невольно влекла за собой раболепство перед всем иностранным и недооценку и хулу всего русского, как бы недоверие к собственным достоинствам. Качества эти совершенно отсутствовали у Петра I лично, но на протяжении 200 лет они явились самой скверной чертой русского характера — считать каждого малограмотного иностранца «баринном», а каждого сколько-нибудь грамотного уже «авторитетом». Особенный вред это преклонение перед иностранщиной принесло, как мы увидим, в военном деле.

Что касается второй ошибки — упразднения патриаршества, то она оказалась роковой для России. Будь в России в 1917 г. патриарх, то к нему, а не к предателям с генерал-адъютантскими вензелями, обратился бы за советом император Николай Александрович — и все пошло бы по другому. Во всяком случае Временного правительства мы не имели бы... Подчинение церкви государству привело при Павле I к «цезарепапизму» (император — глава церкви) — полному порабощению власти духовной властью светской со всеми отрицательными явлениями, с этим сопряженными, из коих угодничанье перед властями предержавшими стоит отнюдь не на последнем месте.

Внешняя политика Петра безупречна² (кроме отклонения турецких предложений в Прутском походе). Выгода России — вот единственный

² Говоря о внешней политике времен Петра I, следует подразделять на ее на «дипломатию войны» и «дипломатию мира». С точки зрения военных достижений успехи были значительными, хотя одной из главных своих целей — выхода к Черному морю — Петр так и не достиг. Что же касается «чистой» дипломатии, то здесь говорить о ее «безупречности» не приходится. Особенно это сказалось к концу царствования: внешняя политика Петра I едва не привела Россию в 1719—1720 гг. к войне с ведущими европейскими державами, были испорчены отношения с Османской империей. В итоге к середине 1720-х гг. Россия фактически оказалась в политической и дипломатической изоляции.

критерий, руководивший первым русским императором в его сношениях с иностранными державами. Петр выказывает себя на протяжении всей войны лояльным союзником. Он не любит связывать себя заранее обещаниями и договорами, но раз дав слово, сдерживает его свято.

Однако лишь только царь увидел, что они совершенно не платят взаимностью и стремятся в действительности лишь эксплуатировать Россию, загребать жар русскими руками, он немедленно порвал с ними все отношения и в дальнейшем вел войну совершенно отдельно.

Впоследствии эта мудрая петровская традиция была позабита. Сколько несчастий удалось бы избежать России, если бы на протяжении двух столетий русская кровь лилась лишь за русские интересы.

Но где гений Петра сказался полностью — это в военном деле: в устройстве вооруженной силы и в предводительствовании ею. Гениальный организатор и крупный полководец, он значительно опередил во всех отношениях свою эпоху.

* * *

Основное положение Петра Великого, как организатора, выражено полностью его знаменитым изречением: «Не множеством побед дают».

Глава 8 его «Устава воинского» («О армии») начинается знаменательно: «В старине у римлян зело великия войска бывали, но Юлиус Цезарь в одном корпусе никогда не выше 50 тысяч имел, причем в таком порядке примерном обучении были, что ими мог надежнее великия дела творити».

Элементу качества отводится главное место. Как этого добиться? Очевидно, путем наибольшего привлечения в армию того сословия, которое наиболее хранило воинские традиции и издревле предназначалось к отправлению ратной службы. И Петр издает указ, вводящий обязательную, личную и пожизненную службу дворян. По достижении известного возраста (16 лет) недорослей, так называемых «нови́ков», экзаменовали особыми комиссиями (грамота, «цыфирь» и прочая несложная премудрость). Невыдержавшие этого экзамена «писались солдатами» без выслуги, а выдержавшие брались на государственную службу: две трети в военную, треть в гражданскую. От службы не освобождался никто. Таким образом, наиболее ценное в военном отношении сословие было использовано полностью.

Установив для дворянства личную воинскую повинность, Петр I придал рекрутской повинности других сословий общинный характер. Каждая община, сельская или мещанская, обязывались поставить по рекруту с определенно-го числа дворов (впоследствии — с числа душ), решив своим приговором, кому идти на службу. Рекруту должно было иметь от 20 до 35 лет, ничего другого от него не требовалось: военные приемщики должны были принимать «кого отдатчики в отдачу объявят и поставят».

Община собирала поставленному рекруту деньги, обычно 150—200 рублей, что по тем временам представляло крупную сумму, раз в пять больше премии западноевропейским наемникам. Служба избавляла от рабства, и при Петре являлось много охотников из беглых крепостных. При Елизавете беглых перестали принимать, являвшихся секли и отсылали обратно к помещикам, чем совершалась громадная психологическая ошибка.

Итак, Петр сохранил основной принцип устройства русской вооруженной силы — принудительный характер обязательной воинской повинности, резко отличавшийся во все времена от наемно-вербовочной системы западных стран. Более того, принцип этот был еще ярче оттенен Петром: повинность эта объявлена пожизненной и постоянной (тогда как в московской России она носила лишь временный характер).

Система комплектования носила определенно территориальный характер. В 1711 г. полки были расписаны по губерниям и содержались за счет этих губерний. Каждый полк имел свой определенный круг комплектования — провинцию, дававшую полку свое имя. В Псковском полку служили псковичи, в Бутырском — солдатские дети Бутырской слободы, в Ингерманландском — жители северных новгородских пятин.

Великий царь оценил все значение столь развитого в русском народе чувства землячества (первая ступень патриотизма). К сожалению, после Петра на сохранение территориальной системы не было обращено надлежащего внимания, полки непрестанно меняли свои квартиры и свой округ комплектования, переходя из одного конца России в другой. К середине XVIII века система эта совершенно заглохла, и в результате Россия — единственная страна, имевшая в начале XVIII века территориальную систему, к началу XX века является единственной страной, системы этой не имевшей...

Булавинское восстание 1707—1709 гг. получило название в честь его предводителя Кондрата Афанасьевича Булавина (ок. 1667 — 1708).

Предтечей бунта стал конфликт Войска Донского и Изюмского полка в первой половине 1700-х гг. Его причиной были спорные земли вдоль реки Бахмут и расположенные там солеварни. В конфликте двух во многом независимых войск правительство сначала заняло сторону изюмцев, которые издавна занимались соляным промыслом. Однако руководство донских казаков было недовольно таким положением дел и в 1705 г. организовало рейд, в ходе которого изюмские казаки были изгнаны, а их солеварни захвачены. Одним из руководителей донских казаков в этом походе был Кондрат Булавин.

Изюмский полковник пожаловался в Москву. Дальнейшее развитие конфликта выглядит запутанным, но, согласно некоторым данным, когда в Бахмутский городок прибыл из Москвы дьяк с отрядом казаков, то Булавин приказал арестовать их, так как якобы не имел подтверждения их действий от донских властей из Черкаска. Впоследствии донские старшины подтвердили законность действий Булавина, так что на тот момент он бунтовщиком не являлся.

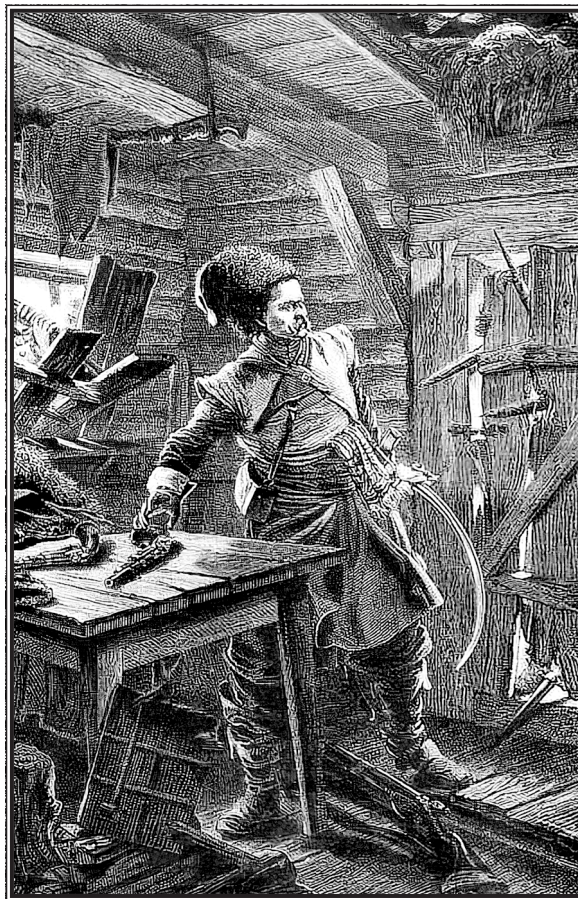
Непосредственной же искрой, зажегшей пламя Булавинского восстания, стал рейд князя Юрия Долгорукого по казачьим поселениям Верхнего Дона в 1707 г. По сути своей этот рейд был карательной операцией, проводившейся с особой жестокостью. В одном из писем Кондрат Булавин так описывал действия правительственного войска: «А нашу братью казаков многих пытали и кнутом, били и носы и губы резали напрасно, и жен и девиц брали на постели насильно и чинили над ними всякое ругательство, а детей наших младенцев по деревьям вешали за ноги».

Когда Булавин разгромил и убил Юрия Долгорукого (от этого, кстати, произошло выражение «хватил Кондратий») восстание было уже не остановить. Впрочем, по мнению историков, оно было обречено с самого начала. Последствия для Войска Донского были катастрофическими — Дон факти-

чески потерял свою независимость, большое количество земель и до трети населения. Сам Кондрат Булавин был убит 7 (18) июля 1708 г. в Черкасске заговорщиками, которые хотели выдать его правительству. Восстание, тем не менее, продолжилось и было окончательно разгромлено в начале 1709 г.

Сухопутные вооруженные силы разделялись на действующую армию и местные войска — гарнизонные и ландмилицию, и казаков. Ландмилиция была образована из остатков прежних войсковых сословий (пушкарей, солдат, рейтар) в 1709 г. и поселена на Украине для защиты южных границ. Губернии Архангелогородская и Астраханская содержали и комплектовали флот.

После Булавинского бунта Петр не особенно доверял казакам, но, понимая большое значение казачества в жизни Российского государства,

Смерть атамана донских казаков Булавина под Азовом в 1708 году.

Иллюстрация Р. Ф. Штейна из журнала «Нива»

сел казачество на окраинах. Неудачный поход Бухгольца¹ в Среднюю Азию имел следствием учреждение Сибирского казачьего войска, а результатом персидского похода явилось переселение части донских казаков на Терек, чем положено начало Терскому войску (названному сначала Астраханским).

Вся тяжесть рекрутской повинности легла на десять тогдашних великороссийских губер-

¹ Иван Дмитриевич Бухголец (1671—1741) — военный и государственный деятель, сподвижник Петра I, генерал-майор, основатель Омска.

ний (на юге и по сие время «москаль» является синонимом «солдата»). Малороссийское население служило в войсках милиционных, иррегулярных — ландмилиции и казачьих. Такой порядок — великороссы в солдатах, малороссы в казаках, продержался до екатерининских времен.

* * *

Перейдем теперь к полководчеству Петра. По определению генерала Леера¹, это был «великий полководец, который умел все делать, мог все делать и хотел все делать».

Полководческое дарование явилось у него лишь одной из сторон его могучего и сложного гения. Сила, яркость и гениальность его выявляются в полной мере при сравнении с дарованиями, тоже не малыми, его главного противника — Карла XII.

У Петра ум был государственный. Царь совмещал в себе политика, стратега и тактика — большого политика, большого стратега, большого тактика. Это редкое в истории сочетание встречалось после него лишь у двух великих полководцев — Фридриха II и Наполеона.

Карл XII являет собой в этом отношении полную противоположность своему царственному противнику. Это блестящий тактик, вождь, увлекающий за собой подчиненных. Но это не стратег, а тем паче не политик. Шведский король ведет войну из любви к войне, и эта «физическая» любовь к войне, в связи с полным отсутствием государственного ума, привела в конце концов его армию к гибели, а его страну к упадку. В 1706 г. он имел полную возможность окончить войну почетным для Швеции миром, но не захотел ею воспользоваться, а восемь лет спустя, уже после Полтавы, когда положение Швеции сделалось отчаянным, своим необузданным упрямством восстановил против себя нового врага — Пруссию.

В этих двух случаях, взятых для примера из целого ряда им подобных, мы видим полное отсутствие у Карла политического глазомера, первого качества полководца, особенно венценосного. Нет у него и глазомера стратегического. Четыре года подряд он блуждает в Польше, гоняя Августа II с места на место (и давая ценный отдых

русской армии, учившейся тем временем воевать за счет злополучного Шлиппенбаха), вместо того чтобы ударом по Саксонии сразу обезоружить своего противника. Организаторских способностей у молодого короля не наблюдается, понятие организационной базы у него отсутствует, он не умеет сохранить за собой завоеванной местности и поэтому все его победы бесплодны. Едва лишь он покидает какую-либо местность в Польше — ее тотчас же занимает противник, вернее, она снова погружается в анархию, стихия которой начинается сейчас же за рогатками шведского лагеря.

Получив от отца небольшое, но замечательно организованное и обученное войско ветеранов, он блестяще употребляет, но совершенно не щадит его. Зимой 1707/1708 г., с плохо одетой и плохо снабженной армией он бросается в глухие литовские леса и затевает совершенно бессмысленную партизанскую войну с населением исключительно для удовлетворения своей жажды к приключениям и совершенно не жалея войск. Он упускает возможность сосредоточить свои силы в 1708 г. — перед тем, чтобы идти на Россию, и в русском своем походе делает второй шаг раньше первого...

В начале войны Карлу 19 лет. Юноша пылкий, запальчивый, упрямый и несдержанный, обладающий незаурядными способностями и не принимающий ни от кого советов, воспитанный на чтении деяний героев древности, имеющий ярко военную душу, но не имеющий ума великого полководца. Он воображает себя Александром и в «московитах» Петра склонен видеть персов Дария. Вольтер замечательно удачно сказал, что «он не был Александром, но достоин был быть первым солдатом Александра».

Если Карл ведет войну «ради войны», то у Петра ведение войны всецело подчинено его политике. Он ничего не предпринимает даром, руководясь всегда одними лишь интересами «государства Петру вверенного». Карл XII получил свою армию от отца готовой — Петр I создал свою собственными руками. Умея требовать от войск, когда придется, сверхчеловеческих усилий (до переноса кораблей на руках за сотни верст включительно), Петр никогда не расходует их сил попусту, зря. Стремления полководца, по собственным его словам, должны быть направлены к одержанию победы «малой кровью».

Уже кампания 1702 г., Ингерманландский поход, выявляет его стратегические дарования. Закрепление им за собой линии Невы в 1703 г., чем

¹ Генрих Антонович Леер (1829—1904) — военачальник, военный теоретик и историк, автор нескольких фундаментальных трудов по тактике и стратегии; генерал от инфантерии.

разобщались Финляндия с Ливонией, и выбор места для основания Санкт-Петербурга — Петропавловской фортеции, указывают на большой стратегический глазомер. Как тактик, Петр далеко опережает свою эпоху. Он заводит конную артиллерию, за сто лет до Наполеона и за полстолетия до Фридриха.

В первый период войны царь действует в высшей степени осмотнительно: качество шведской армии еще слишком высоко, и Петр примечает главную причину тактического превосходства шведов над молодыми русскими войсками — их «сомкнутость». И ей он немедленно противопоставляет полевую фортификацию. Петровская пехота владеет лопатой, как ружьем, становясь на бивак, обносит его немедленно шанцами. О полтавские редуты сомкнутость шведов и разбилась. Зная, что «не множеством побеждают», Петр принимает все меры, чтобы в решительный день оказаться в сколь можно превосходящих силах (тогда как Карл XII всегда разбрасывает свои силы).

Обращает на себя внимание устройство конницы. При Петре вся она исключительно драгунского типа и великолепно обучена как конному, так и пешему строю. Драгуны были излюбленным родом оружия Петра и подвиги их в Северную войну не имеют себе равных в истории других армий. Вспомним Калиш, эту исключительно драгунскую победу; Лесную, где наши силы на две трети состояли из драгун; Переволочну, где летучий корпус Меншикова заставил сложить оружие шведскую армию... Петр никогда не находил, что у него слишком много конницы, и три года, с 1707-го по 1710-й, оба гвардейских полка, Преображенский и Семеновский, посаженные на коней, состояли на драгунском положении.

В общем, в тактике Петра преобладает элемент активной обороны, действий «по обращению неприятельскому», что отвечало обстоятельствам той эпохи. Чисто наступательные начала в русскую тактику были введены лишь в Семилетнюю войну Румянцевым при Гросс-Егерсдорфе.

* * *

Из сподвижников Петра первое место должно быть по справедливости отведено Меншикову — творцу и настоящему гроссмейстеру русской кавалерии. Ему не раз вверялась армия и каждый раз он блестяще оправдывал доверие своего царя. Как кавалерийский начальник, предводитель конной армии, это деятель гораз-

Кавалергадский литаврщик и кавалергард (1724 г.).

Иллюстрация из книги А. В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению». 1841—1862 гг.

до более крупный, чем Зейдлиц, Мюрат, Стюарт и Шеридан и смело может быть сравниваем с Румянцевым и Врангелем.

Велика заслуга перед русской армией и Шереметева, на долю которого выпала труднейшая из всех задач — перевоспитание «нарвских беглецов» и постепенное их закаливание,ковка молодой армии под стенами ливонских замков.

Крупную величину представляет и старший из трех Репниных XVIII столетия — князь Аникита Иванович. Его заслуги не были оценены надлежащим образом, а между тем ему обязана русская армия своим спасением из гродненской мышеловки.

Эти три главных военачальника Северной войны — русские. Но армия хранит имена двух иноземцев по крови и русских по духу — первых наставников ее в ратном деле, разумных и опытных советников юного царя в наиболее критическую эпоху его царствования — имена Франца Лефорта и Патрика Гордона.

Обер- и штаб-офицер
лейб-гвардии Преображенского полка.
Иллюстрация из книги А. В. Висковатова
«Историческое описание одежды и вооружения
российских войск с рисунками, составленное
по высочайшему повелению». 1841—1862 гг.

* * *

Старый наш устав 1648 г., хотя и подновленный Гордоном, уже не годился для войск, крещенных в огне Северной войны. И на смену ему в 1716 г. пришел новый «Устав воинский», в своих основных положениях явившийся хартией русской армии на весь XVIII век. Мы не будем входить здесь в подробное рассмотрение этого замечательного документа, большую часть которого занимает разбор чинов и рангов и сопряженных с ними прав и обязанностей.

Уставом рекомендовалось на походе составлять «авангардию» из половины всей конницы, подкрепив ее, если возможно, несколькими легкими пушками; «кордебаталию» (*corps de bataille*) составляли «инфантерия» с артиллерией, затем шли обозы и все замыкалось «арьергардией» из остальной конницы.

«Корволант сиречь легкий корпус» (*corps volant*) наряжается «для пресечения или отнимания паса у врага или оному в тыл идти или в его землю впасть — до 6000—7000 может всюду поворачиваться без тягости». Впрочем он «может сочиняться не токмо от кавалерии одной» — туда может придаваться и пехота с легкой артиллерией. Отряд Петра при Лесной — типичный корволант, как и Меншикова под Калишем и Переволочной. Вообще Северная война, особенно же кампания 1708—1709 гг., изобилует примерами удачного применения корволантов с русской стороны.

Артиллерия, которая «яко движимый арсенал и магазин войск есть», составляла «яко бы особый корпус» (артиллерийские чины не совпадали, например, с пехотными либо драгунскими), исключая полковой, составлявший одно целое с пехотой и конницей. Строилась она «за полками или в середине фрунта». Прикрытие к ней от пехоты наряжалось исключительно из пикинеров (мушкеты считались опасными в пожарном отношении). Прислуге при орудиях и даже пикинерам прикрытие по этой же причине воспрещалось курить. При артиллерии «обыкновенно имели свой стан» инженерные чины.

Занимая позицию, армия строилась в три линии. Единственный вид каре — полковой. Состоял он из 300 вздвоенных рядов (4 шеренги) — по 75 на фас. Развернутый строй был в 4 шеренги.

Штабные и нестроевые чины имели свою особую иерархию — независимую от строевой, что представляло много неудобств (и продержится до Аракчеева). Наконец, характерной чертой Устава является недоверие к единоличным решениям, он предписывает всегда коллегиальное решение — созыв военного совета.

ОРГАНИЗАЦИЯ И БЫТ ПЕТРОВСКОЙ АРМИИ

Служба всегда начиналась с нижних чинов. Кандидаты в офицеры поступали рядовыми в один из гвардейских полков — Преображенский или Семеновский. Там, протянув лямку пять-шесть лет, а кто и более (смотря по способности), они получали звание гвардии капрала либо сержанта и переводились в армейские полки, «писались в армию» — прапорщиками либо подпоручиками. Оба гвардейских полка содержались в двойном против прочих комплекте (четыре батальона вместо двух) и являлись пи-

томником офицеров для всей армии, своего рода военными училищами, дававшими своим питомцам не только строевую, но и отличную боевую подготовку. На протяжении ста лет сквозь их ряды прошли все те, кто создал великую Россию XVIII века.

В кавалерии роль военного училища играл лейб-режимент, куда недоросли писались драгунами. Сперва, в эпоху Северной войны, это был Санкт-Петербургский драгунский, а с начала 1720-х гг. — Кроншлотский, наименованный с 1730 г. конной гвардией.

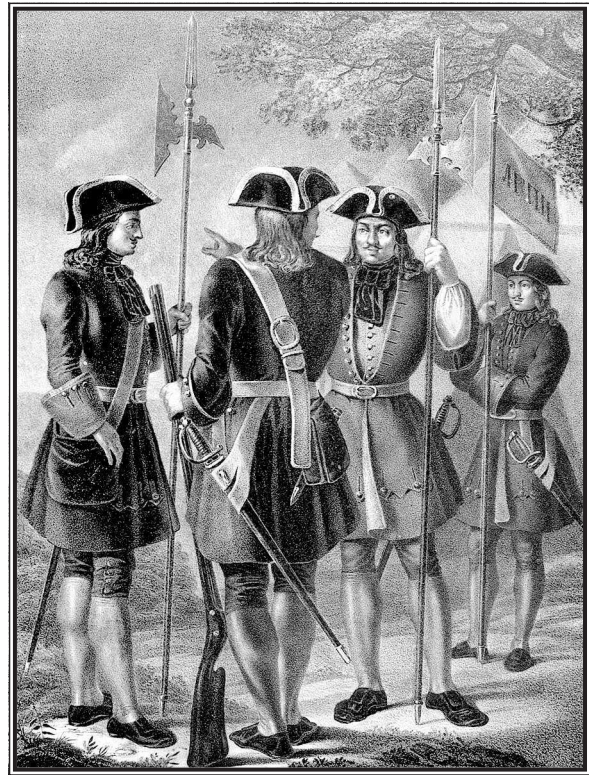
Роль офицеров гвардии, этих первородных «птенцов гнезда Петрова» и значение их в стране были весьма велики. Они исполняли не только военную (а подчас и морскую службу), но получали часто ответственные поручения по другим ведомствам, например дипломатического характера, царских курьеров, ревизоров и т. д. Вообще петровский офицер, гвардейский в особенности, был мастером на все руки, подобно своему великому государю, пример которого был на глазах у всех.

Петр Великий понял значение офицера в стране и всячески стремился дать ему привилегированное положение. В табели о рангах при равенстве чинов военные имели преимущество перед гражданскими и придворными.

В артиллерии чину прапорщика соответствовало звание штык-юнкера, а между поручиком и капитаном имелся чин капитан-поручика. Производство обер-офицеров в штаб-офицеры и из штаб-офицеров в генералы обуславливалось баллотировкой, и этот порядок, имевший, конечно, свои выгоды, но и большие неудобства, сохранился до самой смерти Петра. Иноземцы, поступая на русскую службу, прикомандировывались к генералам и штаб-офицерам, при которых несли ординарческие обязанности, присматриваясь к службе и овладевая языком. По окончании этого стажа они получали производство и зачислялись на службу. Оклады иноземцам в среднем были двойные, как и подобает наемникам.

За особые заслуги жаловались ордена, Святого Андрея Первозванного (первый и долгое время единственный русский орден, основанный в 1698 г.), а в конце царствования и Святого Александра Невского (основан в 1722 г.)¹.

¹ Орден Александра Невского был задуман Петром I, однако был введен уже после его смерти 21 мая (1 июня) 1725 г. указом Екатерины I.

Каптенармус, капрал, сержант и фурьер лейб-гвардии Преображенского полка.

Иллюстрация из книги А. В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению». 1841—1862 гг.

* * *

Немногие сохранившиеся «сказки» петровских полков — строевые рапорты, донесения всякого рода, отчетность и переписка, позволяют нам судить о быте войск. Рассматривая эти «сказки», мы прежде всего поражаемся размерам дезертирства. Например, в Бутырском полку, считавшемся одним из самых лучших в армии, с 1712 по 1721 гг. бежал 361 человек, т. е. за десять лет свыше четверти штатного состава. Объясняется это явление новизной для русского народа суровой и тяжелой рекрутской повинности, бывшей к тому же пожизненной.

Призванный под знамена «даточный» первое время не мог свыкнуться с мыслью, что он никогда больше не увидит родной семьи, родного села, родных полей. Отсюда и большинство побегов. Часто беглые «сносили» амуницию и оружие — фузеи, шпаги, иногда даже алебарды. Все это отнюдь не служило спокойствию на больших

дорогах. Характерно, что из всего указанного в Бутырском полку числа побегов — 361 за десять лет, лишь один состоялся перед неприятелем (за что виновный и «казнен смертью» — расстрелян). Это обстоятельство служит своеобразным показателем высокого качества войск.

Мало-помалу подневольный профессионал свыкался со своей участью, долей «отрезанного ломтя». С каждым годом оставленные близкие становились все более далекими, постылый вначале полк все более близким... Всю свою привязанность солдат переносил на него, свою вторую и последнюю семью, и на товарищество, «солдатство». Так понемногу, постепенно, из поколения в поколение, создавался бессмертный тип русского солдата, петровского и елизаветинского фузилера, екатерининского чудо-богатыря, николаевского служака...

Территориальная система комплектования, введенная Петром (при которой земляки попадали в тот же полк) оказала тогда громадную услугу русской армии: рекрутчина переносилась легче — «на миру и смерть красна» — и молодые полки скоро приобретали необходимую спайку.

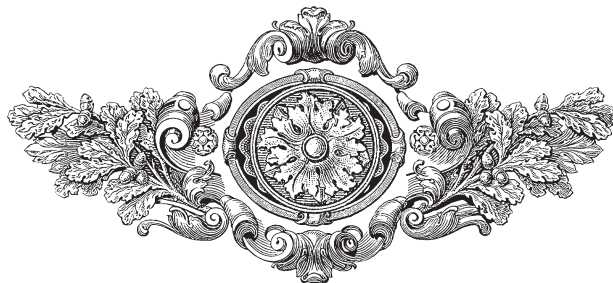
Полки принимали из своего округа комплектования в среднем ежегодно 80—100 новобранцев в годы, когда особенных потерь не было, например в последний период Северной войны, т. е. меняли свой состав полностью за 10—12 лет. В списках рекрут не указывалось ни возраста их, ни физических данных (рост, объем груди и т. д.). Мы знаем, что принимались они без осмотра. Отмечалась лишь грамотность; из «сказок», например Бутырского полка (имевшего столичный округ комплектования, Бутырскую слободу в Москве) видно, что грамотных было 2—3 на сотню, в других полках было и того меньше.

Принимая во внимание тяжелые потери в боях и походах первой половины Северной войны, мы

можем утверждать, что в продолжение всей этой многолетней борьбы русская армия переменяла полностью свой состав три раза. Потери наши определяют до 300 000 «приблизительно»¹, кто может сосчитать в точности, сколько их легло в финские болота, в польскую глину, в немецкий песок? Сколько было «за благочестие кровию венчано» на полях Лифляндии, Ингрии, Польши, Германии, Малороссии? И сколько погибло там же от разных «язв» и «горячек», от всякого рода сверхчеловеческих трудов и нечеловеческих лишений?

Вспомним, какая великая доля выпала хотя бы солдатам полков Островского и Толбухина, первых поселенцев Котлина и Петропавловской фортеции... В далеких финских дебрях, с ружьем в одной руке и топором в другой, расчищали они бурелом на месте будущей невской «перспективы» под волчий вой и выстрелы шведских партизан. И кости этих первых пионеров, сложивших свои головы в том далеком, неприглядном краю, явились сваями Санкт-Петербурга, фундаментом российской великодержавности... Вспомним тех же бутырцев, пронесших на своих плечах и в еще более диких дебрях корабли из Белого моря в Онежское озеро... И вся эта петровская армия, терпящая лишения, но бодрая духом, железной рукой направляемая все к новым подвигам, в распутицу и стужу совершающая тысячеверстные переходы — от Полтавы к Риге, от Риги к Яссам, из Ясса на Копенгаген — не была ли она армией великого народа, армией великого царя?

Русский солдат петровских времен, навсегда простившийся с семьей во имя службы России, являл собой пример стойкости и терпения, верности и самоотречения, каких не знает другим народам. И благодарная Россия сохранит его образ в своем сердце навеки.

¹ Современные историки считают, что общие потери русской армии в Северной войне составили около 150 тыс. человек.

Глава II.

ОТ ПЕТРА ДО ЕЛИЗАВЕТЫ

ЭПОХА УПАДКА

При ближайших преемниках Петра Великого военное дело пришло в упадок. В кратковременные царствования Екатерины I и Петра II молодая империя вступила в критический период своего развития и вся энергия ее пошла на борьбу за власть различных временщиков и партий. Смутные времена юности Петра I грозили повториться. Внешней политики Россия этого периода, можно сказать, не имела вовсе, внутренняя политика грозила выродиться в усобицы. Царская власть была сведена временщиками на нет.

Естественно, что все эти непорядки не замедлили отразиться и на вооруженных силах. Численность их, как мы знаем, в середине 1720-х гг. достигала 250 000 строевых, что было чрезмерным для страны с 17-миллионным населением, только что выдержавшей к тому же жестокую многолетнюю войну. Уже в последние годы царствования Петра I из жалованья воинских чинов производились вычеты (20 коп. с рубля у генералов, 15 — у штаб-офицеров, 10 — у обер-офицеров и 5 — у офицеров гарнизонных войск). Задержка в получении жалованья на несколько месяцев стала обычным явлением. Был период (1724—1725 гг.), когда армия не получила жалованья за целых 16 месяцев.

Правительство императрицы Екатерины I напрягло все усилия к удовлетворению возникших претензий. В первую очередь были приведены в порядок гвардия и столичные гарнизоны, и в конце 1728 г. шведский посланник Цедеркрейц, донося своему правительству о боевой готовности русских войск, мог писать, что они «могут выступить в поход по объявлении указа в три дня». Правда, в жертву «первой руке потентата» была принесена вторая — флот во вторую четверть столетия пришел в полное запустение.

В конце 1720-х и начале 1730-х гг. много старых офицеров и солдат было уволено в отставку. Для облегчения бюджета военной коллегии стали наряжать войска на вольные работы, употреблять солдат на должности, ничего общего с военным делом не имеющие: прислуги, курьеров различных ведомств, даже почтальонов.

Меншиков упразднил в 1726 г. баллотировку офицеров в чины. В 1727 г. полки были названы по местам их стоянок, но в том же г. повеление это было отменено.

Военные действия в Персии продолжались все это время, параллельно с переговорами относительно обратной уступки персам взятых у них областей. Партизанская борьба требовала наряда значительных сил, а убыль от болезней повела к тому, что еще при Петре I 20 батальонов Низового корпуса поглотили за три года (1723—1725) 29 000 рекрут. К 1730 г. на Кавказе было расположено 17 пехотных и 7 драгунских полков, примерно четвертая часть всей вооруженной силы.

Якоб Хоубракен. Портрет императрицы
Анны Иоанновны.
1730-е гг.

САМОДЕРЖАВИЕ АННЫ ИОАННОВНЫ. РЕФОРМЫ МИНИХА

При вступлении на престол императрицы Анны Иоанновны в 1730 г. Верховный тайный совет временщиков предъявил ей условия — «Кондиции», совершенно ограничивавшие царскую власть и вводившие в России олигархию. России угрожала участь Речи Посполитой, но от этой участи она была спасена русским офицерством, политически воспитанным и политически сознательным. Последнюю, посмертную услугу оказал России великий Петр, вдохнувший в сердца пленцов своего гнезда сознание государственности, гражданственности в лучшем смысле этого слова, и политической ориентировки.

Великая ложь «аполитичности армии» еще не была пущена мутить и разлагать умы. Петровская традиция — соблюдение всеми вместе и каждым в отдельности интересов «державы Петру вверенной» сохранилась весь XVIII век, ярко проявившись в 1730, 1741, 1762 гг. Трудно сказать, что сделалось бы с нашим Отечеством, если в те критические минуты армия «во имя со-

хранения дисциплины» замкнулась бы в аполитичность.

Опираясь на офицерство, — среднее и мелкое шляхетство, — Анна разорвала «кондиции» и стала самодержавной государыней. На сто семьдесят пять лет Россия была избавлена от охлократии.

Правление Императрицы Анны обычно характеризуется «засильем немцев». Оно, конечно, было так, и это составляет отрицательную сторону ее царствования. Официальная наша история клянет «бироновщину», трактуя этот вопрос, как нам кажется, слишком односторонне и недостаточно широко. Прежде чем обвинять Бирона, посмотрим на его противников — спесивую и рабелепную знать, правнуков смутьянов XVII века, вчера деливших Россию «в свой пропит», сегодня заискивающих и наперебой доносящих друг на друга всеильному курляндцу. Это обстоятельство в очень большой степени объясняет (но, конечно, не оправдывает) презрение, которое Бирон питал к русским, он судил их по сиятельным скоморохам Императрицы... Как бы то ни было, со всеми своими недостатками (жестокостью и любостыжанием, что отнюдь не являлось отличительными чертами его одного), Бирон оказал России большую услугу, укрепив центральную самодержавную власть, сильно поколебленную в предшествующее пятилетие. Оба брата Бирона служили в русской армии. В Турецкую войну один командовал дивизией, другой Гвардейским отрядом.

* * *

Делами армии заведовал другой немец. Иоганн Бургард — а по-русски Иван Богданых¹ — Миних был ветераном Северной войны и поселился на русской службе. Он сроднился с Россией и правильно понимал ее интересы (не забывая в то же время и своих). Понимал и любил военное дело, хотя и был рутинером. Помимо всего, он был карьеристом и искусным куртизаном. Отличаясь славолюбием и властностью, он «сгорал честолюбием, брался за все, не щадил трудов, еще меньше слов для прославления трудов».

Реформы Миниха были разнообразны, хотя и не всегда удачны. Сам сапер, он всячески стремился поднять значение корпуса инженеров и передал туда, между прочим, квартирмейстерскую часть, т. е. несложные функции тогдашне-

¹ Как родное, так и принятое в России имена Миниха указаны неверно. См. далее уточнение Редакции.

го генерального штаба. Он сознавал недостатки офицеров, производившихся из нижних чинов, их недостаточную образованность, грубость манер. Учреждение в 1731 г. Офицерского училища, наименованного вскоре Шляхетским кадетским корпусом (ныне Первый кадетский) должно было отчасти заполнить этот недостаток.

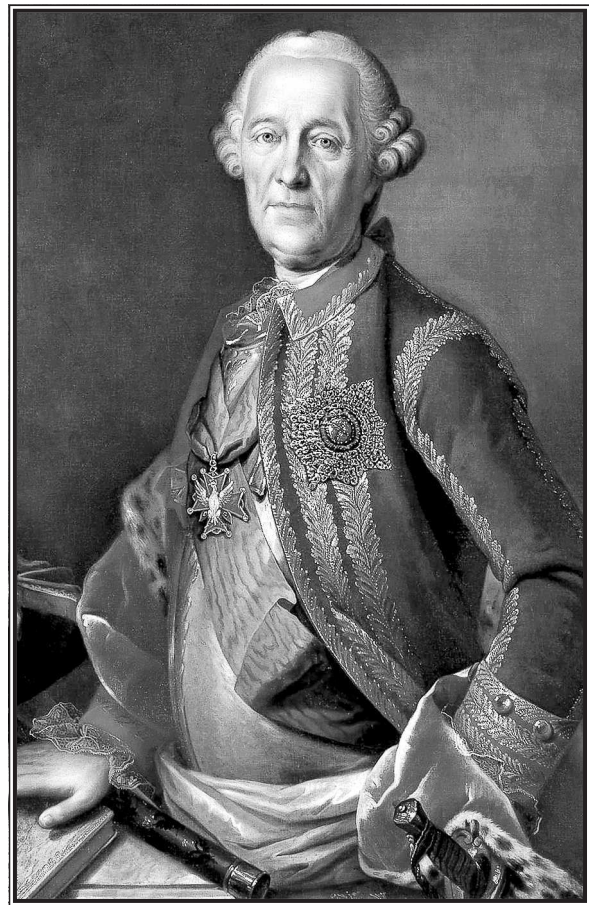
Программа его была чрезвычайно разносторонней, сама организация очень напоминала имперские «рыцарские академии». Всего корпус был рассчитан первоначально на 200, затем на 300 кадетов. Шляхетский корпус выпускал офицеров в специальные роды оружия и в армейские полки (гвардия держалась старого порядка производства). В программу корпуса входили: богословие, юриспруденция, латынь, один из новых языков (огромное большинство выбрало немецкий, что не должно нас удивлять), география, математика, артиллерия, фортификация, верховая езда, фехтование и танцы. Кадеты могли быть пажами при дворе.

Миних принял строгие меры от проникновения в русскую армию чужеземных авантюристов: велено впредь принимать лишь офицеров, «кои в знатных европейских армиях служили» и имеют надлежащие тому свидетельства. Привилегии иностранцев были упразднены, их оклады сравнены с таковыми же их русских сослуживцев, получивших при «немце» Минихе равноправие в родной армии.

Вместе с тем в армии были введены немецкие порядки: чрезвычайно умножена канцелярщина и усложнено делопроизводство. Появились букли и парики с косами (причем у солдат сало и мука заменяли косметические принадлежности). От немцев же переняты наказания фухтелями (шомполами, а в коннице — саблями плашмя). Подчас весьма снисходительный к себе, Миних был неумолимо строг с подчиненными, например, за малейшие недочеты он выставлял под ружье старых заслуженных штаб-офицеров (и притом перед фронтом части).

Говоря об усилении в армии немецких порядков, следует заметить, что примеры у нас в те времена старались брать с армии цесаря¹. До увлечения пруссачиной дело пока не доходило.

В 1730 г. учрежден третий гвардейский полк — Измайловский: по мысли «немецкой партии», он должен был явиться «противовесом» двум петровским, но с первых же шагов слился с ними воедино.

Генрих Бухгольц. Портрет генерал-фельдмаршала графа Бурхарда Кристофа фон Миниха.

1760-е гг.

Бурхард Кристоф фон Мюнних (в России его фамилия была немного видоизменена на Миних) родился 19 мая 1683 г. в Ольденбурге, герцогстве, которое в те времена находилось в составе Дании (сейчас это северо-запад современной Германии). Его предки были потомственными водными инженерами, по этой же стезе пошел и Бурхард. С 1700 по 1720 г. он успел послужить инженером во французской, гессен-дармштадтской, гессен-кассельской и польско-саксонской армиях. В 1721 г., по приглашению посла России в Польше Г. Ф. Долгорукова, Миних прибыл в Россию. Петр был доволен его работой и отмечал в своем дневнике: «Спасибо Долгорукову, он доставил мне искусного инженера и генерала».

В 1731 г. Минихом составлены новые штаты для армии, заменившие старую «табель» Огильви 1704 г. В пехотных и драгунских полках упразднены гренадерские роты и гренадеры распределены по остальным ротам полка (по 16 гренадер на фузилерную, по 10 на драгунскую роту). В пехоте

¹ Т. е. с армии Священной Римской империи.

выведены из употребления пики (протазаны¹ для офицеров и алебарды для унтер-офицеров сохранены). Ротные знамена отобраны и даны новые, по два знамени на пехотный батальон и конный полк. В 1733 г. от общего драгунского типа конницы сделано первое отступление: сформировано 4 кирасирских полка.

В конце 1730-х гг. у нас стали заводиться гусары (преимущественно из сербских выходцев), их сформировано Минихом сперва три полка: Сербский, Валахский и Венгерский, затем еще два: Молдавский и Грузинский, и им отведены места для поселения в Малороссии, по южной границе. Гусары встречаются еще в московской России (заимствованы из Польши, где в почете были «крылатые» панцирные гусары). В росписи 1681 г. их указано пять рот по 400—500 сабель, поселенных в Новгородской земле. При преобразовании армии в конце XVII века они исчезли и вновь появились лишь в конце царствования Петра I, когда в 1723 г. была сформирована команда гусарских охотников (главным образом сербов в 340 человек, из коих к 1730 г. на службе осталось 80).

Значительно усилена была артиллерия. Полковая увеличена с 2 на 3 пушки в пехотных и драгунских полках. Полевая утроена в сравнении с петровской эпохой и доведена до 60 орудий, главным образом 8-фунтовых пушек. Осадная составила три бомбардирских корпуса в Петербурге, Киеве и Белгороде.

В 1736 г. последовало первое смягчение тяжелой и разорительной для дворянства личной рекрутской повинности. Единственным сыновьям, либо одному из братьев, разрешено оставаться при хозяйстве «буде того пожелают». С другой стороны, установлением 10-летнего срока выслуги облегчено производство в офицерские чины унтер-офицеров не из дворян (производства эти, впрочем, были редки).

Внешний вид суровой петровской армии изменился. Драгуны получили голубые, василькового цвета, кафтаны, кирасиры — белые лосиные колеты². Помимо париков, кос, пудры введены белые галстуки, красные епанчи и белые кокарды на головных уборах. Гусары имели длинные висячие усы и носили с каждой стороны головы

по тонкой косе (большей частью природных волос), в которые вплетались ружейные пули. Обмундирование им выписывалось из Венгрии.

Введение в воинский обиход косметики чрезвычайно осложнило солдатский туалет. Наставления того времени предписывают «рекрута одевать мало-помалу, из недели в неделю, дабы не вдруг его связать и обеспокоить». Молодой солдат облачался во всю форму не ранее конца третьего месяца службы.

* * *

ВОЙНА ЗА ПОЛЬСКОЕ НАСЛЕДСТВО 1733—1735 гг.

В конце 1732 г. скончался Август II³, король Польский, курфюрст Саксонский, союзник Петра Великого в Северную войну. Польский трон становился вакантным и на него претендовали два кандидата: сын покойного Август III Саксонский и известный уже нам по Северной войне Станислав Лещинский, ставленник Франции и глава русофобской партии.

Ясно, что эта последняя кандидатура являлась для России неприемлемой, так как лишала ее спокойствия на ее западной границе. Поэтому петербургский кабинет потребовал от Сейма снять ее. Однако представление это осталось безрезультатным. Партия Лещинского все усиливалась, и в сентябре 1733 г. он был избран королем.

Избрание это отнюдь не застало Россию врасплох. Предвидя такой оборот дел, правительство императрицы Анны с весны начало сосредоточивать войска на литовской границе. 31 июля фельдмаршал Ласси с 20 000 человек перешел границу, овладел Литвой и Курляндией и в двадцатых числах сентября подошел к Висле.

Лещинский отправился в Данциг — «окно в Европу», откуда мог ожидать помощи своего зятя Людовика XV. Ласси занял Прагу и Варшаву, где провозгласил королем Августа III и стал на зимние квартиры у Ловича и Скерневиц. Однако уже в декабре он получил повеление идти на Данциг и выступил туда с 12-тысячным отрядом (численность русских войск в Польше и Литве достигала 50 000, но большую часть пришлось оставить в стране для организации тыла, поддержки саксонской партии и наблюдения за полчищами *посполитого рушенья*).

¹ Протазан — колющее древковое холодное оружие, разновидность копья. В России были введены в XVII в. и использовались до середины XVIII в. как почетное оружие офицеров.

² Колет — кирасирский мундир, застегивавшийся на крючки.

³ Август II скончался 1 февраля 1733 г.

Ласси Петр Петрович (1678—1751), генерал-фельдмаршал. Уроженец Ирландии. Служил сначала на родине, потом в армиях французской и австрийской; в 1700 г. перешел в русские войска. Во время Северной войны был дважды опасно ранен. С 1723 по 1725 г. Ласси состоял членом военной коллегии, позже — рижским генерал-губернатором. В 1733 г. во главе русской армии послан был в Польшу для поддержания притязаний Августа III на польский престол. Действия его там были настолько удачны, что соперник Августа, Станислав Лещинский, вынужден был бежать в Данциг, который вскоре (1734) был осажден русскими войсками. Ласси было поручено обеспечение тыла осадного корпуса от покушений конфедератов, что и было им исполнено с успехом.

В 1735 г. из числа русских войск, находившихся в Польше, был выделен особый отряд (около 13,5 тысяч) в помощь императору Карлу VI, и начальство над ним вверено Ласси, который 16 августа соединился, близ Гейдельберга, с австрийской армией принца Евгения Савойского, а по заключении мира возвратился на зимние квартиры в Моравию. Движение русских войск через Германию было совершено в примерном порядке и с соблюдением строжайшей дисциплины.

Произведенный в генерал-фельдмаршалы, Ласси участвовал в Турецкой войне 1736—1739 гг., почти всегда начальствуя отдельным корпусом. В 1740 г. за ним утвержден графский титул, пожалованный ему императором Карлом VI. В шведскую войну 1741—1743 гг. был главнокомандующим русской армии. По собственным его словам, он «находился везде на воинских потребах, именно: в 31 кампании, на генеральных 3 баталиях, в 15 акциях и 18 осадах и при взятии крепостей, где немало и ранен». Удаляясь от борьбы политических партий,

В дальнейшем военные действия сосредоточились почти исключительно вокруг Данцига, где засел Лещинский с 20 000 войска (частью шведских и французских волонтеров, частью поляков). 23 февраля начались осадные работы, а 5 марта туда прибыл Миних, принявший главное командование.

Осада Данцига длилась четыре месяца. Франция, став открыто на сторону Лещинского, начала военные действия против России и Австрии (тоже поддерживавшей саксонскую кандидатуру). Французский флот, войдя в Балтийское море, старался прервать сообщение осадной армии с Россией и высадил в устье Вислы десант. С другой стороны король Пруссии объявил нейтралитет и препятствовал подвозу осадной артиллерии через свои владения. Миних вел долгую и неприятную переписку с Фридри-

Петр Петрович Ласси.

Гравюра Иоганна Мартина Бернигерота. 1730-е гг.

Ласси сосредоточивал все свое внимание на хорошей организации вверенных ему войск и, как член Военной коллегии, провел много полезных преобразований в устройстве и обучении армии.

Статья из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона

хом Вильгельмом и в конце концов прибегнул к хитрости: осадные мортиры были доставлены в русскую армию из Саксонии в закрытых каретах под видом экипажей курфюрста Вюртембергского.

Тем не менее, чередуя бомбардировки со штурмами, Миних овладел большей частью предметов. Попытки поляков деблокировать Данциг окончились для них плачевно, 17 000 было разбито в шесть раз слабейшим русским отрядом. 17 июня французский десантный корпус положил оружие в составе четырех полков (5000 человек) у Вексельмюнде. Так окончилось первое в истории столкновение русских с французами. Лещинский, переодевшись, бежал — и 7 июля 1734 г. Данциг сдался. Овладение Данцигом стоило нам не свыше 3000 человек, главным образом при неудачном штурме Хагельсберга (120 офи-

церов, 2000 нижних чинов). К концу осады у нас было до 16 000 человек.

Дело Лещинского было с тех пор потеряно, и его сторонники пали духом. Многочисленные польские ополчения не представляли собой сколько-нибудь серьезного противника. Польское войско занималось усами и доставляло русским лишь утомление переходами. «Иногда, — пишет адъютант Миниха Манштейн, — большие массы поляков приближались к русскому отряду, распуская слухи, что хотят дать сражение, но не успеют русские сделать двух пушечных выстрелов, как уже поляки бегут. Никогда русский отряд в 300 человек не сворачивал с дороги для избежания 3000 поляков, потому что русские привыкли бить их при всех встречах». Мало-помалу польские войска расходились по домам, и русские спокойно могли стать на зимние квартиры в стране Августа III.

Делать в Польше было уже нечего. В кампанию 1735 г. кабинет решил двинуть русские войска в Германию, для оказания «сикурсу» цесарю, войско которого сражалось на Рейне с французами.

8 июня 1735 г. Ласси с 20-тысячным корпусом двинулся из Польши через Силезию и Богемию в Баварию и 30 июля прибыл в Нюрнберг (довольствие австрийцы взяли на себя). «До сих пор поход совершался благополучно, — доносил Ласси из Нюрнберга, — солдаты в пропитании нужды не имели и жалоб ни от кого на войско не приходило. В здешних краях очень удивлены, что многочисленная армия содержится в столь добром порядке; из дальних мест многие приезжают смотреть наше войско».

В августе армия прибыла на Рейн под Филиппсбург. Еще никогда русские орлы не залетали так далеко на Запад, но помериться силами с равноценным противником им в эту войну так и не пришлось. Французы заключили уже перемирие, а вскоре и мир с обеими империями¹.

В ноябре² корпус Ласси двинулся обратно в Россию — в степях Украины начиналась новая война.

ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1736—1739 гг.

Причиной Турецкой войны в царствование Императрицы Анны Иоанновны явилось желание уничтожить унижительный для России

Прутский договор и обуздать подвластных Турции крымских татар, опустошавших Малороссию своими набегами (все представления петербургского кабинета Порте по этому поводу были безрезультатны).

Вместе с тем, высоко расценивая мощь Оттоманской империи, русское правительство решило заручиться помощью нашей союзницы Австрии (которой оно только что помогло посылкой на Рейн корпуса Ласси). Для Австрии тех времен турецкие войны явились своего рода традицией. Цесарь Карл VI все же медлил с объявлением войны, ограничиваясь обещаниями, а Персия, воевавшая тогда с Турцией, стала склоняться на мир. Тем не менее, в Петербурге решили действовать. В начале 1735 г. крымские татары, двигаясь в Закавказье на персов, прошли через русские владения на Украине, султан же не обратил внимания на наш протест.

Война была решена, и с весны 1735 г. наши войска стали продвигаться с польского театра на Украину.

В августе этого года генерал Леонтьев³ с армией в 39 000 человек произвел неудачный поиск на Крым. Не дойдя до Перекопа, он вернулся с потерей до 9000 главным образом заболевшими.

Весной 1736 г. к Азову был двинут корпус фельдмаршала Ласси, овладевший крепостью 20 июля⁴. В Азове взято 4000 пленных и 163 орудия. Наш урон составил 200 убитыми, 1500 ранеными. Легко был ранен сам Ласси.

Главная же армия Миниха в конце апреля двинулась к Перекопу. В ней считалось 58 000 строевых (17 пехотных, 17 драгунских полков и 12 000 казаков) при колоссальном обозе, доходившем до 40 000 телег. Петербургский кабинет и большинство военачальников полагали ограничиться одним опустошением гнезда хищников, но Миних решил завоевать страну. После месячного марша (переход в среднем 8—10 верст в сутки, причем армия двигалась одним большим каре) Миних 21 мая штурмовал перекопские линии и, после жестокого боя с татарами и турецким гарнизоном Перекопа, овладел ими.

Проникнув в Крым, армия сразу же стала испытывать большие лишения от недостатка воды (татары, отступая, опустошали страну и портили колодцы). 5 июня взят Козлов (Евпатория). Простояв там пять дней, Миних распустил ложный

³ Михаил Иванович Леонтьев (1672—1752) — государственный и военный деятель, двоюродный дядя Петра I, генерал-аншеф.

⁴ Осада Азова завершилась 19 (30) июня 1736 г.

¹ Официально Франция тогда не воевала с Россией.

² Корпус Ласси отправился в Россию весной следующего года.